ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ VIII—1870.

КНИЖКА V.

ТОМЪ II.

ВИЛЬНА.
Въ типографіи Штаба Виленскаго Военнаго Округа.
1870.

Дозволено Ценсурою 2-го іюля 1870 года. Вильна.

I.

ДОКУМЕНТЫ,

БЪЯСНЯЮЩІЕ ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ПОЛЬСКОЙ ШЛЯХТЫ КЪ КОРОЛЮ, ДРУГЪ КЪ ДРУГУ И ДРУГИМЪ СОСЛОВІЯМЪ.

7.

пред́ѣленіе гродненскаго земскаго суда по ълу о побояхъ и истязаніяхъ, причиненыхъ помѣщикомъ Гродненскаго уѣзда Стаиславомъ Толочкою помѣщику тогожъ уѣзда Якову Ейсимонту. 1615 г. января 16.

Передъ нами врадниками земскими повету Городенско- Кондратомъ Мелешкомъ судею, Яномъ Боуфаломъ подцкомъ и Стефаномъ Нешковскимъ писаромъ на местцу цовомъ постановившысе очевисто земенинъ господарскій, вету Городенского, панъ Якубъ Андреевичъ Ейсимонтъ тилъ отъ себѣ очевисто у суду моцъ прыятелю своему ну Филону Козловицкому, который давалъ прыволывать права черезъ возного за позвомъ жалобы того Ейсьнта земянъ повету Городенского пана Бартломея Станиловича Толочка и малжонки его паней Полоней Цыянки за позвомъ жалобы; который тотъ Ейсьмонтъ пры-

позывалъ ихъ о збите и зранене свое отъ пана Толочка сталое, а доведшы сознанемъ возного Станислава Запольского поданя пану Толочку и малжонце его позву найме ню Корчыку у повете Городенскомъ лежачомъ и тр пильности на позве рукою писарскою написаную оказа шы, прречоныхъ особъ до права прыволывать давалъ. З которымъ воланемъ возного отъ пани Бартломеевое Толо ковое панъ Матей Ейсимонтъ ку зносу позву съ того и ня Корчыка становилъ и правомъ его отъ малжонка за санымъ позовъ зносилъ, а умоцованый того Якуба Ей монта панъ Козловицкій боронечы того позву поведи ижъ дей право посполитое, артыкулъ девятнадцатый розделу четвертого тому каже—позовъ зносить, хтобы былъ позванъ, только бы на его имению позовъ полож а пани Толочковая зъ одного зъ малжонкомъ своимъ с позваны, позву зносить неможетъ, и просилъ, збы д вправо поступовати наказали. Мы врадъ, видечы то, пани Толочковая за одно съ паномъ малжонкомъ сво суть позвани, не допущаючы зносу позву далей въ во поступовать наказуемъ. За тымъ панъ Бартломей лочко, самъ очевисто передъ нами постановившысе, о дане возного до тое справы у насъ враду просилъ, а тому заразъ у суду подалъ отрочене намъ врадови чер Лаврена Третяка отъ неякого Яна Корчыцкого, менечы быть заступцою въ той справе противъ того Якуба Ейс та подъ датою року тисеча шесть сотъ пятнадцатого м ца генвара семого дня, въ которомъ описуетъ ижъ хо лежытъ у дому пани Толочковой Корчыку; противъ ко рого листу отрочоного умоцованый тотъ Якуба Ейсим панъ Карловицкій поведилъ, ижъ то панъ Толочко на ф тель чинитъ, хотечы се тому убогому шляхтичу съ того у ку своего выслизнуть такое отрочене черезъ слугу св Лаврына Третяка подаетъ, а тотъ которого мянуетъ засту

ю о томъ не ведаетъ, чого довожу декретомъ трибунальнимъ, же то есть слуга Лаврынъ Третякъ; до того хотябы правдиве былъ заступца, тое бы отрочене служить не мою, бо дата въ томъ листе есть самого генваря праве первого дня роковъ, чомужъ есть водлугъ науки артыкулу пятцать третего, зъ розделу четвертого, на дню третемъ не мъ, ажъ теперъ вжо въ роки шестнадцатого дня, што у итя не можетъ, бо колижъ захоралъ въ роки, то бы у ити могло, а маючы ведомость о томъ заступцы, ижъ дому естъ лежытъ, бо семого дня захоралъ у двухъ миль одъ Городна у Корчыку и не могъ за тры дни двухъ иь посланецъ зъ тымъ одреченемъ на день третій прити, ажъ дня петнадцатого, въ чомъ онъ се водлугъ артыку двадцать третего несправилъ, тое отрочене ижъ не жетъ, просилъ абысми тое отречене на сторону отложивши пану Толочку, который дей о позве ведаетъ и о прые возного до справы проситъ, далей въ самой речы поровать наказали. Мы врадъ, видечы то, ижъ панъ Толочко того отреченя заступцы своего, водлугъ науки артыку двадцать третего, розделу четвертого, на дню третемъ подалъ, ажъ на колеи реистровой ставшы самъ очевисто резъ слугу своего Лаврена Третяка подаетъ тое отрочене, неправное, на сторону отложывшы, далей вправо въ юй речы постуювать наказуемъ; которому наказу нашому ъ Толочко досить нечынечы, упорне одъ суду одышолъ ъ отказе быть не хотелъ, а умоцованый стороны повоюе панъ Козловицкій, поднесшы позовъ, жаловалъ зъ ю на пана Толочка малжонку его, о томъ, штожъ дей року теперешнемъ тисеча шесть сотъ четырнадцотомъ сяца октябра двадцатого дня, будучы дей ему Якубу Еймонту о потребахъ своихъ въ селе Тоболе стрельцовъ до иництва оверского лежачого въ повете Городенскомъ прыслухаючымъ державы вельможного его милости пана Ми-

колая Весоловского, бурмистра великого князства Литов-ского лесничого Озерского въ дому Совостияна Жуковича, тамже дей ты Толочку узявшы на него вазнь о презыски за головщыну отца его и о опеку и зызечые съ того над нимъ маючы шпеги тамъ вже въ ночы скоро по змерканю онъ дей менованый Толочко самъ съ челядю своею и мал-жонки своее зыменя Корчыка лежачого въ повете Городен-скомъ а меновите: зъ Романомъ Розковскимъ и Яномъ Яри-ною и Каспоромъ Северыновичомъ Ейсимонтомъ и Матви-сомъ Петровичомъ Толочкомъ и зъ много помощником своихъ до колькoнадцати чоловекъ, которыхъ онъ сам знаетъ и имена ведати можетъ, зъ кийми, шаблями, руч-ницами, чеканами нашедшы и наехавшы до села его ко-ролевское милости менованого Тоболи въ домъ до того т Севостяна Жуковича и тамъ же въ томъ дому онъ Бартло-мей Толочко щелядю своею и малжонки свое, которые де за розказанемъ малжонки своее Полонеи Цыплянки яко па-ней своей заставшы у томъ дому его Якуба Ейсимонта напервей съ того дому взявшы, на село выведшы, окрутне а не лютостиве въ томъ селе Тоболе збили и зранили, а потомъ съ того местца села Тоболы взявшы вывели на болото, выпусти и сеножати того села Тоболы противъ до-мовъ Ейсимонтовскихъ и зоденя его, въ которомъ ходилъ, ажъ до кошули разобрали, а меновите дылея и курта ро-соту барщового коштовала шесть копъ грошей литовскихъ, дылюрка каразыи лазуровое коштовала сорока грошей ли-товскихъ, убране каразыи лазуровое коштовала копы гро-шей литовскихъ, шапку елмурку сукна лазуроваго коштовала полкопы грошей литовскихъ, поесъ чырвоный з ножами кош-товалъ двадцати чотырохъ грошей, шабля купленая за пять зо-лотыхъ польскихъ, боты коштовалы двадцати чотырохъ гро-шей литовскихъ, пунчочи золотый польский, то дей все зъ него кгвалтовне взявшы и пограбившы, тамъ же на того

ранного маючы собе его по воли за волосы по земли воло-
или, волосы оборвали, знову повторе окрутне а нелитости-
киями, чеканами били, мордовали и ноги на вылеть по-
юбияли и тамъ бившы, страшечы его утятемъ руки, до
юсеги грыводили, ижъ бы ихъ ото не позывалъ и голов-
вны отца своего не выйсковалъ и за мартвого одышли;
которого дей бою и ранъ такъ окрутныхъ ледво жывъ
сталъ, а мало дей на томъ маючы еще одповедь и по-
лку тогожъ часу року месеца и дня на него и на брата
молодшого Матея учынилъ, хотечы ихъ позабиять. По
очытаню того позву умоцованый Якуба Ейсимонта панъ
зловицкий, на доводъ жалобы въ позве описаное, покла-
ль выпись съ книгъ кгродскихъ Городенскихъ подъ да-
ю року тисеча шесть сотъ чотырнадцатого месеца окте-
а двадцать второго дня, оповедане на пана Толочка и
жонку его о бой и шкоды, одповедь и похвалку въ томъ
выписе и сознане возного Станислава Запольского огле-
ии ранъ, за тымъ панъ Козловицкий, подавшы артыкулъ
адцать семый, зъ розделу одинадцатого, просилъ: абы на
ну Толочку, за упорнымъ одыстемъ его, водле артыкулу
ютего, зъ розделу четвертого, навезка совитая за подва-
отный бой киевый по сороку копъ грошей, за вырване
юсъ двадцать копъ грошей, за обличную рану сорокъ
пъ грошей Литовскихъ, за сукни побраные зсовистю двад-
ть три копы грошей абы вказано домовялсе, а за похвал-
водлугъ артыкулу двадцать шостого зъ розделу перво-
просилъ, абы на выволане былъ зданъ. А панъ Толоч-
озвавшысе поведилъ, ижъ о похвалку готовъсе успра-
дливить, нехай доведитъ, поведилъ, же не отповедалъ, а
о то правда, же я ему отповедалъ, нехай присягнетъ. А
къ мы врадъ, въ той справе, Якуба Анъдривича Ейси-
нта съ паномъ Бартломеемъ Толочкомъ и малжонкою его,
бой, ижъ панъ Толочко самъ очевисто у суду стоечы и

возного о прыдане у насъ враду потребуючы, потомъ отре-
чене отъ заступцы неякого Яна Корчыцкого черезъ слугу
своего Лаврына Третяка подалъ, которого отреченя ижъ
на дню третемъ водлугъ | артыкулу двадцать третего не
подалъ, оно есмы на сторону отложили, а пану Толочку
далей поступовать наказали, которому наказу нашому
панъ Толочко досить нечынечы, упорне одышолъ и успра-
ведливятсе не хотѣлъ; за которымъ упорнымъ одыйстемъ
его и за домовенемъ стороны, водлугъ артыкулу третего
зъ розделу четвертого, въ самой речы за упорного зда-
шы, тому Якубу Ейсимонту на подва-кротномъ бою пры-
сегу наказуемъ и день трети складаемъ, а по присязе на
веску водлугъ артыкулу двадцать семого зъ роздѣлу оди-
надцатаго за бой киевый по сороку копъ грошей, за выр-
ване волосѣ по двадцати копъ грошей Литовскихъ, за об-
личную рану сорокъ копъ грошей Литовскихъ, за сукни
побранные всовитостью двадцать три копы грошей Лито-
скихъ, усей сумою за подвакротный бой двесте двадцать
три копы грошей на пану Толочку вказуемъ и присуж-
емъ и седеня недель двадцать чотыры на немъ самомъ
пану Толочку на замку Городенскомъ на дне у веже вы-
конати наказуемъ, а стороны пофалки, ижъ панъ Толоч-
ко тому Ейсимонту на пожалце на прысегу пустилъ и не
руку дати подняль; тогды тотъ Ейсимонтъ при тойже при-
сязе на бой и шкодахъ учиненной и на пофалце дня тре-
тего выконати маетъ, а по выконаню присеги панъ То-
лочко поруку дать повиненъ будеть, а пани Толочковую
самую, изъ розказанья не довели, вольную чынимъ. По
которомъ декрете панъ Толочко до суду головного апелю-
валъ, же особливе на пофалце присегнуть не наказали,
которой апеляцей мы ему допустили, а кгды день тре-
тий той присязе припалъ, то есть месяца генвара девет-
надцатаго дня, тотъ Якубъ Ейсимонтдъ за веденомъ пана

Толочковымъ прысегу выконалъ, а панъ Толочко далъ въ поруце для безпечности здоровья Миколая Обуховскаго а Матея Ейсимонта, которые ручылисе, ижъ онъ Ейсимонтъ здоровя отъ пана Толочка безпечонъ быти маетъ. Которая справа до книгъ земскихъ Городенскихъ есть записана.

8.

Определѣеніе по дѣлу заведенному земениномъ Яномъ Малеевскимъ съ конюшимъ в. кн. Лит. Павломъ Сапегою, о причиненіи ему шталмейстеромъ сего послѣдняго побоевъ 1615 г. января 28.

Передъ нами врадниками судовыми земскими повету Городенского, Кондратомъ Мелешкомъ судею, Яномъ Боуфаломъ подсудкомъ и Стефаномъ Пешковскимъ писаромъ, на местцу судовомъ постановившысе очевисто земенинъ господарскій повету Городенского панъ Янъ Малеевскій, давалъ дриволывать до права черезъ возного вельможного пана его милости пана Павла Богдановича Сапегу на Олшанахъ конюшого великого князства Литовского, старосту Ошменского, Томменского, Симненского и Метельского. За которымъ воланемъ возного его милость панъ конюшый самъ ани черезъ умоцованого своего до права несталъ и никоторое ведомости о нестаню своемъ намъ враду и стороне своей не уделилъ. А панъ Малеевскій, доведшы слушного его милости пану конюшому позву въ державе его милости конюской въ селе Грайне-Конюхахъ у повете Городенскомъ лежачомъ у лавника того села Адама Цыкганка сознанемъ возного Кузмы Заневского и трою пильность на позве рукою писарскою написаную оказавшы, жаловалъ съ того

позву на его милости пана конюшого о томъ, ижъ дей року теперъ идучого тисеча шестсотъ тринадцатого месеца ноября деветнадцатого дня, будучы дей ему Малеевскому по некоторыхъ потребахъ своихъ въ селе нашомъ Грайне названомъ Конюхохъ у повете Городенском лежачомъ, въ дому Станиславовое Ляховичовое въ томъ же селе мешкаючое, и скоро пришедшы до того дому Станиславовое въ некоторыхъ потребахъ своихъ розмовять почалъ, то пакъ дей тотъ машталеръ нашъ державы вашое милости конюское Андрей Өедкевичъ, взявшы передъ себе неякій злый умыслъ свой, а не огледаючи се ничого на срогость права посполитого, приспособившы собе на помочъ немалую громаду людей помочниковъ своихъ, а меновите Адама Белокоза машталера нашого и трохъ пахолковъ слугъ подконюшого вашое милости пана Миколая Кгодачевскаго, на име неякось Железевского, другого Марка, третего Ивана Козака и иныхъ немало помочниковъ своихъ, которыхъ онъ самъ знаетъ и имена ихъ якъ которого зовутъ ведаетъ, въ томъ дому Станиславовое Ляховичовое его дей Малеевского чоловека невидного, спокойного, безъ даня жадное причины кіями, каменми побили, помордовали и шаблями окрутне а нелитостиве зранили. А мало на томъ маючи, же его збили, зранили, але еще кгды вжо онъ съ того дому передъ ними ледво живъ уходилъ, тогожъ року месеца и дня звышъ писаного, тотъ дей Андрей Өедкевичъ машталеръ нашъ отповедь и похвалку на него Малеевского учинилъ, мовечы тыми словы: „ижъ дей фали Бога, же теперъ за ратункомъ людкимъ живъ ушолъ, але ведай о томъ, же короткомъ часе тебе будь самъ черезъ себе, альбо черезъ тыхже помочниковъ своихъ, которыхъ есми теперъ на тебе приспособилъ, тебе самого забю и вшелякимъ способомъ о смертъ прыправлю, и маетность твою огнемъ спалю. Въ чемъ всемъ маючы крывду отъ

ого машталера нашого, вашу милость о вчинене справедливости листомъ враду земскаго Городенского упоминальымъ и позвомъ о вчинене справедливости обносилъ и на оку въ чотырохъ неделяхъ прыпаломъ зъ возным вражене, для одержаня справедливости зъежжалъ, нижли дей ша милость справедливости съ того машталера нашого еучинилъ, зачимъ дей ваша милость увину за неучинене праведливости попалъ, о которое неучинене справедливоти вашу милость повторе на роки Михаловские въ семъ оку тисеча шесть сотъ чотырнадцатомъ минулые, передъ дъ нашъ земскій Городенскій позывалъ, нижли ваша милость за тыми позвы до права се нестановилъ, зачимъ дъ вашу милость водлугъ права въ нестанномъ пети коъ грошей здалъ, о што и теперъ зъ вашою милостю авие мовити хочутъ. По прочитаню того позву панъ алеевскій покладалъ два выписы съ книгъ кгродскихъ роденскихъ, обадва подъ датою року тысеча шестсотъ ытырнадцатого месеца мая шостого дня, созпаня возного анислава Кглиндича поданя его милости пану конюшому сту упоминального и позву земского о вчынене справедвости зъ машталера Андрея Өедкевича зовемого Попона. По даню того листу и позву въ той же державе июшской у Грайне у лавника того села Адама Цыкган, покладалъ выписъ съ книгъ кгродскихъ Городенскихъ дъ датою року тисеча шестт сотъ чотырнадцатого меца мая двадцать пятого дня созианя мая двадцать пято дня сознаня возного Станислава Кглиндича, яко въ тырохъ неделяхъ положеню листу упоминального и поз въ томъ же року тисеча шесть сотъ чотырнадцатомъ сеца мая дванадцатого дня, для одержаня справедливои, до того села конюховъ Грайна у повете Городенскомъ жачого зъеждмалъ, нижли его милость панъ конюшы и хто отъ его милости справедливости нечынилъ, о кото-

рое дей таковое неучынене справедливости позывалъ есь его милости пана конюшого на роки прошлые Михаловские, року прошлого тисеча шесть сотъ чотырнадцатого минулые, за которыми позвы его милость панъ конюшій самъ ани черезъ умоцованого своего до права нусталъ и никоторое ведомости о нестаню своемъ намъ враду и стороне не удѣлилъ. Зачымъ дей ваша милость врадъ, его милости водлугъ права посполитого артыкулу двадцать второго розделу четвертого въ несталномъ пети копахъ грошей здали, на што позовъ зъ написомъ вашое милости врадовымъ роковъ Михаловскихъ и декретъ того несталного зъ датою року тисеча шестсотъ чотырнадцатого месеца октебра двадцать девятого дня, а же его милость справедливости нечынилъ и за позвомъ на рокахъ прошлыхъ Михаловскихъ не становилсе и теперъ се его милость передъ вашою милостю нестановитъ, зачымъ вжо его милость въ речы своей упадаетъ а поступуючы далей показую выписъ оповеданья моего на того машъталера его королевеское милости державы его милости Конюшское Андрея Ѳедкевича зовемого Поповича подъ датою року тисеча шестсотъ трынадцатого месеца ноября двадцатого дня, въ томъ же выписе сознане возного Станислава Кглиндича огледаня ранъ а на доводъ того, ижъ ми се тое зранене отъ того машталера стало, трохъ светковъ водлугъ артыкулу осмдесятъ первого розделу чотвертого Станислава Тидика, Болтромея и Юря Матесвичемъ, которые въ тотъ часъ въ томъ дому Станиславовое были и видели, яко мене тотъ машталеръ съ помочниками своими збилъ и зранилъ, а за напоминанемъ отъ насъ враду тыхъ светковъ боязнью Божою вси згодне сознали, ижъ были въ тотъ часъ въ томъ селе Грайне въ дому Станиславовое Ляховичовое и видели яко тотъ машталеръ Андрей Ѳеткевичъ пана Малеевскаго съ помочниками своими билъ, а по сознаню тыхъ светковъ панъ Ми-

еевскій, подавшы артыкулъ двадцать вторый и артыкулъ орокъ осмый, зъ розделу четвертого, просилъ, абысмы на то милости пану конюшомъ и на властной маетности его милости за то, ижъ справедливости нечынилъ и опого машталера до права нестановилъ, навезки водлугъ артыкулу двадцать семого розделу одинадцатого, сорокъ копъ грошей, а несталность водлугъ артыкулу двадцать второго розделу четвертого пять копъ грошей, въ которое на рокахъ Михаловскихъ попалъ, и вины за неучынене справедливости рубль грошей на его милости присудили, также того машталера Андрея Өедкевича водлугъ артыкулу двадцать девятого розделу одинадцатого на утяте руки за збите шляхетское яко человѣка простого всказали. Мы врадъ, видечи то, ижъ его милость панъ конюшы будучы упомнемъ листомъ упоминальнымъ о вчынене справедливости и позвомъ обнесенъ на року въ чотырохъ недѣляхъ зъ машталера справедливости ему Малеевскому неучинилъ, о што будучи позванъ на роки Михаловские въ року прошломъ тисеча шестсотъ чотырнадцатомъ отправованые до права се нестановилъ, за чимъ отъ насъ враду въ нестанномъ пети копахъ грошей зданъ, и будучы повторе такъ о тое несталное яко и о вину и ку поставенью того машталера на сие роки позванъ, передъ нами се нестановилъ и никоторое ведомости нестанья своего намъ враду и стороне не уделилъ, а панъ Малеевскій того збитья своего отъ того машталера сталого, водлугъ артыкулу осмдесятъ первого розделу четвертого, тремя светками довелъ, за которымъ таковымъ доводомъ а за нестанемъ его милости, яко права посполитого непослушного въ самой речы, водлугъ артыкулу шеснадцатого, трыдцатого и сорокъ второго розделу четвертого, здавши, водлугъ артыкулу двадцать второго роздѣлу четвертого несталного пять копъ грошей а водлугъ артыкулу сорокъ осмого и шестдесятъ семого розделу четвертого за неучынене справедливости рубль гошей, и водлугъ тогожъ ар-

тыкулу шестдесять семого, ижъ его милость справедливо-сти нечынилъ и до права обвиненого неставилъ, и навезки водлугъ артыкулу двадцать семого розделу одинадцатого сорокъ копъ грошей Литовскихъ на властной маетности его милости пана конюшого, на доходехъ той державы конин-ское зъ села Грайна, естьлибы якие на его милость при-ходили, а за неоказанемъ се тыхъ доходовъ на властной маетности его милости въ которомъ-кольвекъ повете буду-чое, всего сумою сорокъ шесть копъ грошей литовскихъ пану Малеевскому всказуемъ, и того маштaлера Андрея Өедкевича Поповича водлугъ артыкулу тридцать девятого розделу одинадцатого на утяте руки за збите шляхетское, яко чоловека простого всказуемъ, которого его милость панъ конюшы на враде кгродскомъ Городенскомъ отъ обвещеня въ чотырохъ недѣляхъ ку покараню ставити маетъ. Кото-рая справа до книгъ земскихъ Городенскихъ есть запи-сана.

9.

Опредѣленіе Гродненскаго земскаго суда по дѣлу объ истязаніяхъ, причиненныхъ помѣщикомъ Здарбожцомъ Красницкимъ помѣщику Матвѣю Ленкевичу *). 1617 г. янв. 20.

Передъ нами врадниками судовыми земскими повету Городенского Кондратомъ Мелешкомъ, Яномъ Боуфаломъ

---

*) Этотъ документъ представляетъ образчикъ самаго страннаго процесса, и замѣчателенъ по уловкамъ, употребляемымъ тяжущимися сторонами. Помѣщикъ Матвѣй Ленкевичъ жалуется на помѣщика Здарбожца Красницкаго, котораго крестьяне, по приказанію своего господина, избили и изранили Ленкевича палками и обухами и бросили замертво въ рѣку. Красницкій съ своей стороны доносилъ суду, что Ленкевичъ вѣро-

и Стефаномъ Нешковскимъ писаромъ, на мѣстцу судовомъ гды съ колее реестрово справа ку суженю припала, постановившеся очевисто земянинъ господарскій повету Городенского панъ Матыяшъ Ленкевичъ, давалъ приволывать до права черезъ возного земянина господарского повету Городенского, пана Марціана Олехновича Здарбожца Красницкаго; за которымъ воланемъ возного панъ Красницкій самъ очевисто передъ нами постановилъ и моцъ отъ себе пану Павлу Можейку злетилъ, за тымъ кгды панъ Ленкевичъ позву по пану Красницкомъ положоного сознанемъ возного Станислава Кглиндича на враде признанымъ довелъ и трою пильность на позве рукою писарскою написано оказалъ, панъ Можейко, умоцованный пана Красницкаго позовъ бурилъ, поведаючы, ижъ въ позве пана Красницкаго по отцу не доложено Олехновичомъ, але по деду Ярмоличомъ, на што позовъ свой противный зъ написомъ возного Станислава Кглинды на враде признанымъ доводилъ, а панъ Ленкевичъ позовъ свой признанемъ тогожъ возного доводилъ, ижъ не Ярмоличомъ, але Олехновичомъ написано, але дей то возный Кглинда ку шкоде моей а кгволи пану Красницкому таковый позовъ переписалъ и знову написъ свой написалъ и въ томъ подъ нимъ подступокъ учинилъ, въ

ятно самъ подалъ поводъ къ причиненію ему побоевъ, ворвавшись насильно въ его мельницу и начавъ саблей бить и ранить его челядь. А потому, если дѣйствительно претерпѣлъ побои, то вѣроятно вслѣдствіе насильственнаго вторженія въ мельницу, что Красницкій вызывается утвердить присягою. Такъ какъ на Ленкевичѣ освидѣтельствованы были раны и знаки отъ причиненныхъ ему побоевъ, то по закону право первой присяги принадлежало ему. Но не смотря на то, Ленкевичъ, вѣроятно задобренный Красницкимъ въ продолженіи процесса, уступаетъ ему право присягнуть прежде, и дѣло оканчивается ничѣмъ. Это обстоятельство показываетъ, какъ въ тѣ времена шутили такимъ важнымъ предметомъ, какъ присяга.

чомъ и онъ панъ Ленкевичъ на того возного о таковый фалшъ и подступокъ протестовалъ и просилъ, абыхъ мы пану Красницкому далей въ право поступовать наказали. Мы врадъ видечы то зъ позву пана Ленкевича черезъ тогожъ возного на враде признанымъ, где пана Красницкаго въ титуле по отцу Олехновичомъ пише, недопущаючы збияня позву, далей въ право поступовать наказуемъ. За тымъ панъ Ленкевичъ поднесшы позовъ жаловалъ зъ него на пана Красницкого о томъ, штожъ дей ты Красницкій звазнившысе на него пана Ленкевича зъ давныхъ часовъ а маючы таковые замыслы якобы его зъ убогое маетности вытиснути, а собе оную привлащити и самого здоровья позбавити разными часы и незносные крывды въ усуседстве выражаешь и причину до неспокойнаго помешканя суседского даешь, а выконываючы дей ты умыслъ свой въ року прошломъ тисеча шестьсотъ петнаддатомъ месяца іюля двадцать шостого дня, будучи ему пану Ленкевичу въ дому земенина господарского повету Городенского пана Яна Сопотка названомъ Красницы въ повете Городенскомъ лежачомъ на веселю, у которомъ дому пана Сопотковомъ зъ немало зацными людми поидевши до дому своего Красницкаго у повете Городенскомъ лежачомъ, только што вжо приходилъ въ улицу свою, тамъ же дей за власнымъ росказанемъ и посланемъ твоимъ Мартине Красницкий подданые твои именя Красницкаго въ повете Городенскомъ лежачого, найме Максимъ и Иванъ Олексеевичи Москалевичи, Карлъ Данилевичъ, Якубъ Симоновичъ мелникъ за росказанемъ твоимъ тебе пана ихъ въ улицы его власной передъ домомъ его Ленкевича, на зелживость стану его шляхетского, киями, обухами того дня, вышъ мелнованого, збили и окрутне змордовали, а ты дей, Мартыяне Красницкій будучи у млина своего, который сто-

нъ на реце Свислочи, неподалеку дому есть Ленкевичо-
вого на тыхъ подданыхъ своихъ самъ особою своею во-
даючи: бите забите и у реку укинуть, которому роска-
заню тые подданые твои досыть чинечи, збившы, змор-
довавшы, толь щто вже живого зоставили; а потомъ за
ноги взявши уже зазабитого волочили и надъ нимъ се
пествили и подъ млинъ подволокши у реку укинули, ажъ
ледво за ратункомъ людей некоторыхъ зъ рѣки выволок-
ли, при которомъ дей бою оборвали дей зъ него шаблю
за золотыхъ три купленую, макерку чирвоную за гро-
шей дванадцать, съ которого сбитя и мордованя ледво
живъ зосталъ. По прочитаню того позву умоцованый па-
на Красницкого поднесшы позовъ черезъ возного тогожъ
Станислава Кглинду по пана Ленкевича и малжонку его
о крывде челяди своей Андрея Полуяновича шляхтича,
и Максима Олексеевича тивуна о томъ што дей вы маю-
чи на него Красницкаго зъ давнихъ часовъ вазнь и за-
мышляючи на его Красницкаго розныхъ способовъ до злого
мешканя розными часы на розныхъ местцахъ ему самому
Красницкому и челяди его великие кривды чинете, у ко-
торыхъ въ иншихъ кривдахъ и шкодахъ своихъ терпели-
во зносечи до книгъ врадовыхъ не доносилъ, але де ты
Марино Караивно зъ малжонкомъ своимъ Матысомъ Лен-
кевичомъ хотечи што на немъ Красницкомъ водлугъ за-
мыслу своего правне учинити року прошлого тисеча шесть-
сотъ петнадцатого мѣсеца іюля двадцать шостого дня,
яко онъ Красницкій маетъ того ведомость, ижъ зъ намо-
вы и пасланя воли и ведомости тебе самой, Марино Ка-
раивно, малжонокъ твой Матысъ Ленкевичъ, пришедшы
до млина его Красницкаго опившысе и зъ шаблею до-
бытою, который де млинъ стоитъ на реце Свислочи при-
слухаючы до именья его Красницы, лежачи въ повете
Городенскомъ призываемые Кросницою и зоставши у мли-

не челядь его Красницкаго и иншихъ людей, которые для млина приехали, у которыхъ дей ты, матысъ Ленкевичъ, пыталъ еслибы у млине самъ Красницкій былъ, которое гды тобе поведили, ижъ у млине его Красницкаго нетъ, однакъ же дей ты, Ленкевичу, не веречи по вести тыхъ людей ушедшы у млинъ и зъ шаблею добытою его Красницкаго искалъ и кгды дей у млина не нашолъ, отходечи дей зъ млина, Ленкевичу, па его Красницкого отповедь и похвалку на здрове и на маетност его Красницкого учинилъ, а потомъ дей по часе не маломъ знову ты, Ленкевичу, пришедши зъ дому и зъ двора малжонки свое вышъ помененого и нашедши кгвалтовне на млинъ его Красницкого року месеца и дня вышъ помененого зъ многими помочниками своими, которыхъ дей ты самъ лепей знаешь и имена ихъ ведаешь якъ ихъ называютъ, зъ киями, зъ шаблями добытыми и вскочивши дей ты Ленкевичу у млине челядь его Красницкого урядника его Андея Полуяновича, шляхтича учтивого, и тивунца Максима киями дей ты Матысъ Ленкевичу ту челядь его побиль, поранилъ, побивши челядь поранивши и двери и ушаки у млине шаблею кгвалтовне посекъ а одходечи дей ты, Матысъ Ленкевичу, знову отповедь и похвалку учинилъ на здорове и на маетность Красницкого похваляючисе и общуючисе и его Красницкаго самъ через себе, черезъ братю свою и черезъ кого кольвекъ за направы свое его Красницкаго на смерть забить и млинъ маетность его спалить и знищить; тамъ же-дей ты, Ленкевичу, подле млина его Красницкого шабли одное одышолъ, которую дей шалбю онъ Красницки на врадъ кгродскій Городенскій отдалъ и тамъ есть, въ которомъ часе еслибы се тобе, Матысъ Ленкевичу, и помочникомъ твоимъ якое збите на тотъ часъ стало, того ды се дей тобе то стать мусело за найстемъ твоимъ кгвалтовнымъ на млинъ

кгвалтовнику и боронечи се дей тая челядь его тобе
юмъ онъ Красницки маючи отъ тебе, Марыно Караивна, и
тебе, Матысъ Ленкевичу, такую кривду и жаль, хочетъ о
ь зъ вами передъ судомъ нашимъ земскимъ Городенскимъ
ити. По прочитаню тыхъ позвовъ панъ Ленкевичъ на
эдъ жалобы въ позве описаное покладалъ выпись съ
гъ Кгродскихъ Городенскихъ датою року тисеча шесть
ь петнадцатого месеца іюня двадцать девятого дня опо-
ня пана Ленкевича на пана Красницкого о збите отъ
цаныхъ за розказанемъ его, въ томъ же выписе соз-
е возного Станислава Запольского огледаня ранъ, а по
читаню тыхъ справъ панъ Ленкевичъ на томъ, яко се
ь бой ему за росказанемъ пана Красницкого отъ под-
ныхъ его сталь, а онъ на млинъ его кгвалтомъ не на-
дилъ до присеги бралъ, а по присезе навезки на пану
сницкомъ и сиденя за бой кневы водлугъ артыкулу
дцать семого розделу одинадцотого потребовалъ; а умо-
аный пана Красницкого панъ Можейко зъ Доленгъ по-
илъ на поднесене позву пана Ленкевичого, которымъ
на Красницкого позываетъ о збите свое, менечи собе
челяди и млинара, якобы зъ розказаня пана Крас-
цкого стало повядать такъ ижъ того дня самъ панъ
нкевичъ кгвалтомъ на млинъ пана Красницкого
полъ и челядь его въ томъ млине побилъ и пора-
лъ, которому если се што отъ челяди и млинара пана
асницкого стало, тогъ-ды се то стати мусело яко кгвал-
внику въ обороне здоровья своего, а што панъ Крас-
цкій пана Ленкевича до суду вашей милости земского
сие-жъ роки припозвалъ и справу нижей въ реестре
салъ, прото позовъ свой панъ Красницки подноситъ и
пись оповеданя своего покладаетъ датою року тисеча
есть сотъ петнадцатаго месеца іюля двадцать осмого
ня, въ которомъ сознане возного огледаня ранъ на че-

ляди и млинару вписано есть, которой челяд ина с
часъ при собе не маетъ, бо ихъ панъ Ленкевичъ с
страшилъ, и подавши артыкулъ деветнадцатый, ар
кулъ двадцатый зъ розделу одинадцатого самъ панъ Кр
ницкій на томъ, яко пана Ленкевича бить не роска
валъ и на томъ, яко онъ ведомость отъ челяди свое вз
и оное у себе не маетъ. если се што ему было с
челяди его млинара стало, стать се то мусело, яко кг
товнику и въ обороне, присягнуть готовъ, и затымъ
мавялъсе, абы за позвомъ пана Красницкого на пану Л
кевичу всказъ учиненъ былъ. А панъ Ленкевичъ п
дилъ ижъ дей я бымъ былъ ближши на ранахъ сво
присягнуть, яко ми се то отъ челяди его за росказан
єго стало, але же се до присеги самъ доброволне бер
я му на присегу пущаю, нехай присегнетъ, яко
самъ потымуетъ, ижъ ме бить подданымъ своимъ не
залъ и такую ведомость правдиве отъ подданыхъ сво
узялъ и оное челяди при себе не маетъ, а по при
абы яко въ одной справе процесса зъ обудвухъ сто
скасованы были. А такъ мы судъ видечи то, ижъ
Красницки самъ доброволне до присеги взялъ на т
яко пана Ленкевича подданымъ своимъ бить не ка
але если се што стало, того ды яко кгвалтовникови
найстемъ кгвалтовнымъ на млинъ и таковую ведомость
челяди своей взялъ и оное у себе не маетъ, на кото
присегу и панъ Ленкевичъ ему пустилъ, съ тыхъ при
пану Красницкому за доброволнымъ взятемъ его, а
пущенемъ пана Ленкевичовымъ, присегу на томъ вс
яко се самъ бралъ, наказуемъ и день трети съезда
а по присязе пана Красницкого тые протестацые
ними зъ обудвухъ сторонъ починенные касуетъ. По
торомъ декретѣ нашомъ панъ Красницки мевилъ, в
ного съ тыхъ челяди при себе маетъ, навезки оному

вано потребовалъ, ижъ жво было по декрете, водлугъ ішъ помененого декрету стороны заховали, отъ которого рету нашого панъ Мартианъ Красницки до суду Говного апелевалъ, которой апеляціи мы ему допустили. ая справа до книгъ земскихъ Городенскихъ есть запи-а.

10.

редѣленіе Гродненскаго земскаго суда по лу о побояхъ и грабежѣ, причиненныхъ мѣщикомъ Мартиномъ Дохою помѣщику Григорію Дохѣ. 1617 г., окт. 13.

На рокахъ судовыхъ земскихъ водле порадку статутою о святомъ Михале святе Рымскомъ прыпалыхъ и суше одправованыхъ, передъ нами врадниками судовыми іскими повету Городенского Кондратомъ Мелешкомъ сую, Яномъ Боуфаломъ подсудкомъ и Стефаномъ Нешковімъ писаромъ, на местцу судовомъ постановившисе очесто земенинъ господарскій повету Городенского панъ игорій Доха давалъ приволывать до права земянъ госдарскихъ повету Городенского пана Андрея Доху и браего Мартина Доху, при немъ мешкаючого, за котоымъ воланемъ возного тотъ Андрей и Мартинъ Дохи саі очевисто передъ нами постановилисе, за тымъ Григорій Доха доведши слушного поданя Андрею и Мартину охамъ позву на имению Антешевичахъ, въ повете Городенскомъ лежачомъ созпанемъ возного Станислава Кглинды а враде признаномъ и трою пильность на позве рукою исарскою написанную кгды оказалъ, панъ Мартинъ Доха оведилъ, же дей мене яко неоселого позываетъ на тотъ озовъ, усправедливять се неповиненъ, до того же дей мы

и зъ братомъ Андреемъ о бои свои и о забране мастност
на снежъ роки запозвали, а Григорей Доха. поднесши по
зовъ жалобы свое жаловалъ на Андрея и Мартина Доховъ
о томъ, чтожъ дей року теперешнего тисеча шестьсотъ се
надцатого месеца августа чотырнадцатого дна, кгды де
онъ помененый Григорей Доха ишолъ дорогою добровол
ною, которая идеть мимо домы усихъ земянъ пановъ А
тушевичовъ и Доховъ для снособеня собе и нанятя челяд
розное до роботы, такъ жонцовъ такъ и косцовъ, и толь
што дей минаючи домы земянъ нашыхъ повету Город
ского Станислава, а Балтромея Дашковъ лежачые въ
вете Городенскомъ, ты дей звышъ менованый, Март
Доха, вышедшы зъ дому твоего, Андрею Яновичу До
въ которомъ на сей часъ перемешкиваешь, а взявшы
Мартине Дохо, передъ себе злый умыслъ свой, догони
его Григорея Доху на той звышъ менованой дорозе п
тивъ огорода Станислава Дашка напередъ почалъ есп
вами злыми лжить, и потомъ добывшы шабли почалъ
Григорея Доху сечи, бити окрутне, яко человека безбр
ного на тотъ часъ о жадной речы неведомого мордов
напередъ дей кгды онъ Григорей Доха яко безбронный
чалъ руками своими, головы ухраняючы складать, то
дей руки обедве такъ недалеко локтя, яко и запясти
секъ и окрутне поранилъ, которыми руками обема в
дей ведома ежели онъ Григорей владати буде, а пот
дей кгды онъ Григорей Доха окрутне зраненый и змор
ваный передъ тобою уходилъ, тогды дей ты его шаб
плазомъ по голове, по плечамъ билъ, мордовалъ и на
нимъ яко живне хотелъ паствилъ, и бы дей некото
розные люди, то обачывшы, не отратовали, стнать дей
бы его Григорея Доху, ты Мартине Дохо, и на смерть
бити могъ, а мало дей еще на томъ, маючы, ты Март
Дохо, отповедь и похвалку на его Григорея Доху тогда

всу учынилъ, мовечи, хвали Бога, ижъ теперъ тебе люди тратовали, але певне былъ бы отъ мене на смерть забить, и такъ ведай о томъ запевне, ижъ тебе, где кольекъ споткавшы на смерть забью, а маетность твою огнемъ палю, и маючы въ томъ всемъ о тебе, Андрею Дохо, въ ерехованью его Мартина Дохи, яко человека легкого и о о, же се то зъ дому твоего стала крывда и немалый жаль, а хотечы тое зранене свое и похвалку на здрове и маетность его учиненую зъ вами обема правне чынити, о о и на васъ обудвухъ протестовавшы симъ позвомъ пеедъ судъ земскій Городенскій запозываетъ. По причитаю того позву панъ Мартинъ Доха поведилъ, ижъ дей тотъ Григорей Доха позываеть мене яко неоселого, при брате Андрею мешкаючого, а я дей маю оселость и на тотъ позовъ водле артыкулу двадцать шостого розделу четвертого отказовать неповиненъ, нехай ме зъ мое маетности, яко оселого позоветъ, я ему се справедливлю, а на мой позовъ, которымъ я его зъ братомъ Андреемъ и Стефана Антушевича запозвалъ, нехай и намъ усправедливятъ. Мы врадъ видечи то, ижъ се стороны зъ обудвухъ стороны обои менечы одного дня сталые за позвами, а Мартинъ Доха за позвомъ по себе вынесенымъ зъ року се зрывалъ, съ тыхъ причинъ недопущаючы зрываня зъ року, тую справу за одно злучившы, сторонамъ обудвомъ далей въ право поступовать и речы своей доводить наказуемъ. За тимъ панъ Андрей и Мартинъ Дохове, поднесшы позовъ жалобы своее по Стефана Антушевича и Григорея Доху вынесеный черезъ возного Кузьму Заневского, имъ на именю Антушевскомъ поданый, жаловали съ того позву на Стефана Антушевича и Григорея Доху о томъ, штожъ дей въ року тепершнемъ тисеча шестьсотъ семнадцатомъ месеца августа чотырнадцатого дня, едучы дей ему доброволною дорогою, которая дорога идетъ зъ розныхъ местъ

черезъ село земянъ повету Городенского мимо домы ихъ пановъ Антушевичовъ и мимо домы ихъ помененыхъ Григорея и Стефана Дошычокъ до дому именя ихъ Дошыского, тамъ же неподалеку домовъ ихъ тамже лежачои въ повете Городенскомъ, то какъ дей они помененые особ сами и зъ многими помочниками своими о кольконалцат особъ, маючы дей на нихъ вазнь, а ведаючы ижъ он мимо домъ ихъ едутъ, хотечы дей ихъ умысле обельжыти выпадшы дей зъ дому своего Антушевицкого, ихъ люде спокойныхъ, безбронныхъ, кромъ даня отъ нихъ до звад жадное причины, передъ домомъ своимъ у Антушевичахъ на улицы розными бронями кийми и кистенями, каменьм побили, шкодливе поранили и на членкахъ дей ихъ обра зили, и коня зъ возомъ шерстю рыжого, купленого за осемъ копъ грошей литовскихъ, коберецъ купленый за чотыры копы грошей литовскихъ, фаразыю фалендышу лазуроваго, китайкою лазуровою подшытую, которая коштовала копъ десять, пулгакъ зъ Олстрома купленый за золотыхъ осмъ, шкатулку съ пенезми, въ которой было грошей готовыхъ копъ сорокъ, колпаковъ два лисихъ, фалендышовыхъ, купленныхъ по три золотые польские, шабель две, одну серебромъ оправную, а другую шаблю куплену за копъ две грошей литовскихъ, хустку выпивану чорвонымъ едвабемъ, куплевую за золотыхъ два, тое дей все, ихъ самыхъ побившы и помордовавши, пограбившы коня зъ возомъ и зо всими речми вышей меноваными до дому своего до Антушевичъ отвезли и отпровадили и на нихъ дей Дошычовъ отповедь и похвалку учинили тыми словы, ижъ дей васъ где индзей поткавшы будемъ бить и забьемъ и маетность вашу огнемъ спалимъ и вшелякимъ способомъ васъ знищимъ и на семъ свете жывить не будемъ, въ чомъ они Дохове не будучи отъ васъ безпечны здоровья и маетности своее, такъ о тую похвалку, о гра-

ежъ и о збите свое зъ вами о то правне у суду нашого земского Городенского мовити хочутъ. По прочитаню его позву умоцованый Григорея Дохи панъ Можейко поведилъ, ижъ дей тотъ Мартинъ Доха того Григорея сбивы, змордовавшы, еще на него зъ братомъ своимъ и на другого Стефана Антушевича речы небывалое вложили, бы ихъ побити и не мало маетности побрати мели, а отъ Антушевичъ про великую старость лѣтъ своихъ и имъ собою владати не можетъ, але мы доводимъ выписомъ оповеданья жалобы того Григорея Дохи датою року тисеча шестьсотъ семнадцатого месеца августа петнадцато ю дня, же онъ того Грегорея Доху, выпадши зъ дому брата своего, збилъ, въ томъ выписе сознане возного Станислава Кглиндича огледанья на Григорею Досе ранъ, до того еще на доводъ того, ижъ онъ Григорей Доха Остафей Антушевичъ того Мартина и Андрея Доховъ не били, маетности не брали, отповеди и похвалки не чынили, але онъ Григорей Доха отъ того Мартина Дохи збитъ, ставимъ светковъ чотырохъ Якима и Миколая Антушевичовъ, Романа Жуковича, Проска Антушевича, которые за напомненемъ отъ васъ враду боязню Божою сознали то, ижъ дей видели, яко неподалеку въ томъ же селе Антушевичахъ мешкаючые, ижъ мартинъ Доха Григорея Доху билъ, а онъ Григорей и Стефанъ Антушевичъ и жона Григорева Мартина и Андрея Доховъ не били, маетности нижкое не брали и отповеди не чынили, але онъ Мартинъ Доха похвалку на здорове и маетность Григорея Дохи учинилъ; а по сознаню тыхъ светковъ Григорей Доха съ женою и Стефанъ Антушевичъ на томъ яко Мартина и Андрея Доховъ не били, маетноети не брали, отповеди не учинили до присеги брали, а по присязе такъ навезки Григореви за боя и везенья, яко и вольности отъ ихъ обжалованя, такъ же о безпечность здоровья поруки потребовали. А

Мартинъ Доха поведилъ, ижъ дей на тотъ позовъ по себе яко по неоселого выпесеный отказовать неповиненъ, а на доводъ позву своего покладаю выпись съ книгъ кгродскихъ Городенскихъ датою року тисеча шестьсотъ семнадцатого месеца августа шестнадцатого дня и оповеданя на Григорея Доху и жену его Стефана Антушевича о збите пограбене маетности и о похвалку и сознане возного Сасина Гермогеновича огледаня на Мартину ранъ, а притомъ сами на рокахъ своихъ до присеги брали, бо дей и светкисмы мели, але ихъ сторона откупила, тогды водлугъ артыкулу семьдесятъ семого розделу четвертого присягнути готови. А моцованый Григорея Дохи, панъ Можейко оповедалъ, ижъ дей знать, же речъ небылую вложыли, поведаютъ, же збили, а въ реляцыи возного на Андрею Досе жадныхъ ранъ возный не виделъ и то, што за подобенство въ рабочые часы на поле ехать а такие шаты, ковберцы, шкатулы зъ собою мети мелъ, и ведаемъ дей, же онъ Мартинъ Доха не только такъ много маетности, але и копы не маетъ. А такъ мы врадъ видечы то зъ сознаня светковъ отъ Григорея Дохи и Стефана Антушевича ставленыхъ, ижъ тотъ Григорей Доха и Стефанъ Антушевичъ того Мартина и Андрея Доховъ не били, маетности не брали, але онъ Мартинъ Доха того Грегорея Доху билъ, до того сознанемъ возного оказуемъ се то, ижъ по Андрею Досе жадныхъ ранъ не виделъ и не огледалъ и значитъ се то зъ старости летъ его, же ихъ бити не могъ, съ тыхъ причынъ того Грегорея Доху и Антушевича и жону Григореву до отводу близшихъ узнавшы присегу наказуемъ на томъ, яко того Грегорея и Андрая Доховъ не били, але тотъ Григорей отъ Мартина сбитъ былъ и день третій той присязе складаемъ, а по присязе отъ того обжалованья Мартина и Андрея Доховъ того Григорея Доху и Стефана Антушевича и жону его Григорьевую вольнымъ чинимъ,

а за тоюжъ присегою Григорея Дохи навезки ему за бои киевые, водлугъ артыкулу двадцать семого розделу одинадцатого, сорокъ копъ грошей, и двадъцать недель седения на томъ Мартину Досе и на всякихъ маетностяхъ его Григорью Досе вказуемъ и присужаемъ и отъ похвалки, ижъ се на здраве его и маетность огнемъ похвалялъ поруку дать наказуемъ, якожъ Мартинъ Доха далъ по собе въ поруце брата своего рожоного Остафея Доху, который се по нимъ Мартину ручылъ, ижъ Григорей Доха здровья, маетности свое безпечонъ быти мастъ. А по даню поруки мы врадъ апеляцыи до суду головного Трибунального пану Мартыну Досе допустили, а тая справа до книгъ земскихъ Городенскихъ есть записана.

11.

Опредѣленіе Гродненскаго земскаго суда по дѣлу о побояхъ, нанесенныхъ помѣщикомъ Мартиномъ Эйсмонтомъ женѣ дворянина Якова Гинюша и грудному дитяти его *). 1617 г. окт. 25.

Передъ нами врадниками судовыми земскими повету Городенского, Кондратомъ Мелешкомъ судьею, Яномъ Боу-

---

1) Этотъ документъ представляетъ примѣръ нападенія безъ всякой причины и жестокаго истязанія, причиненнаго съ нанесеніемъ ранъ женщинѣ, женѣ дворянина Гинюша, и ея ребенку. Виновникъ этого злодѣянія помѣщикъ Мартынъ Эйсмонтъ, призванный въ судъ, доказываетъ, вмѣсто оправданія, что Гинюшъ не дворянинъ, имѣетъ подложное прозваніе, и что жена его занималась въ шинкѣ продажею напитковъ, а потому, по силѣ статута, не слѣдуетъ ей вознагражденіе за причиненныя ей побои наравнѣ со шляхтою. Однакожъ судъ опредѣлилъ взыскать съ Эйсмонта въ пользу обиженной удовлетвореніе вдвое противъ назначеннаго закономъ за побои, причиненные мужчинѣ, т. е. 80 копъ грошей, а за ребенка 40 копъ.

фаломъ подсудкомъ и Стефаномъ Нешковскимъ писаромъ на местцу судовомъ постановившысе очевисто земенинъ господарскій повету Городенского Якубъ Базіолевичъ Гинюшъ и жона его Огапья Дошанка давали приволывать до права черезъ возного земянина господарского повету Городенского пана Мартина Петровича Ейсымонта; за которымъ воланемъ возного панъ Мартинъ Ейсимонтъ самъ очевисто, а до зносу позву отъ матки его зъ именя его Ейсимонтовского зъ моцью панъ Якубъ Малыщынскій передъ нами постановили, за тымъ Гинюшъ доведши слушного поданя тому пану Мартину Ейсимонту позву на именю Ейсимонтахъ Пашевичахъ, въ повете Городенскомъ лежачомъ, сознанемъ возного Яна Простынского, на враде признаномъ и трою пильности, на позве рукою писарскою написаную оказавшы, жаловалъ съ того позву на того пана Мартина Ейсимонта о томъ, што дей въ року прошломъ тисеча шестьсотъ шестнадцатомъ месеца генваря двадцатого дня, будучые въ местечку нашомъ Крынскомъ въ потребахъ своихъ пильныхъ, въ дому мещанина нашого Крынского Ивана Барановича въ повете Городенскомъ лежачомъ, тамъ-же пришодшы до тое господы не ведать для якое причины, припомневшы боязни Божей а зневажаючи станъ шляхетскій, безъ жадного даня причины, невинне малжонку его Якуба Гинюша Параску Дошанку ты, Мартине Ейсимонте, окрутне и нелитостиве ее самую кпемъ збилъ. змордовалъ и ранилъ и детя ее малое у нее на рукахъ, еще у перси, киемъ зранилъ, съ которого зраненя окрутного такъ малжонка его яко и сынъ малый Якуба Гинюша ледво жывы зостали, которое зранене и зелживость малжонки и детяти своего за разомъ на враде оповедалъ и возному поветовому раны оказавшы, до книгъ записать далъ, на што и выпись съ книгъ у себе быть менитъ и часу права на тебе показалъ, въ чомъ онъ Гинюшъ, маючы

отъ тебе, Ейсимонте, таковую кривду, жаль и шкоду, о томъ съ тобою у суду нашого земского Городенского очевисто мовити хочетъ. По прочитаню позву Якубъ Гинюшъ, на доводъ жалобы, въ позве описаное, покладалъ выпись съ книгъ кгродскихъ Городенскихъ оповеданья того Гинюша на пана Мартина Ейсимонта о збите жоны и сына датою року тисеча шестьсотъ шестнадцатаго месеца генвара двадцать четвертого дня, въ томъ же выписе сознанье возного Григория Миткевича огледаня ранъ. А по прочитаню тыхъ справъ жоне на бою ее и на бою сына летъ не маючого на присягу бралъ, а по присязе навезки самой и детяти водлугъ артыкулу двадцать семого розделу одинадцатого, навезки и сиденя домавялъ. А умоцованый пани Петровое Ейсмонтовое и сына ее пана Мартина панъ Якубъ Малыщинскій поведилъ, ижъ што позываетъ Якубъ Базылевичъ Кгинюшъ въ жалобе малжонки своее Параски Дошанки и за сыномъ своимъ Матеемъ пана Мартина Петровича Ейсимонта, якобы о збите малжонки и детяти помененого, которые позвы положоны были на именичу Ейсимонтахъ матки его пани Петровое Ейсимонтовое, записаномъ одъ небощика мужа и Петра Ейсимонта и до того на имениу купномъ се, а не на сынией маетности, чого доводечы, такъ тотъ записъ, яко и листы купчые покладаю и прошу абысте ваша милость тотъ позовъ знести допустить рачили, прикладомъ артыкулу девятнадцатого въ розделе четвертомъ, а ижъ ваша милость зносу позву недопускаете, што забезправе тобе сторона моя розуметь мусить, далей и выводечы невинности пана Ейсимонта, же тотъ Якубъ Базылевичъ, который се зовитъ Кгинюшомъ, невинннe тымъ боемъ обжаловалъ и спотварилъ; же тотъ бой не отъ Ейсимонта, але одъ мещанина съ Крынокъ того року, и дня яко въ позве жалуетъ, поткалъ, на што выпись кринский датою року тисеча

шестьсотъ шестнадцатого месеца генваря двадцатого дня. и декретъ тамошнего суду датою тогожъ року месеца февраля деведнадцатого дня, покладаю и што съ тымъ мещаниномъ Андреемъ Яновичомъ правуючысе и его тотъ мещанинъ о томъ бой поедналъ, зачымъ проше вашыхъ милостей о вольность, а ижы ваша милость далей поступовать наказуете, то тежъ панъ Ейсимонтъ тому Якубу, который се зоветъ Кгинюшомъ, на тотъ часъ въ Крынкахъ у стодоле мешкалъ и шинкомъ самъ жона се его бавили, на што и реляцыю возного Якуба Кгинюша, датою року тисеча шестьсотъ шестнадцатого месеца февраля второго дня покладаю, съ тыхъ причынъ навезки шляхетское позысковать не можетъ прикладомъ артыкулу двадцать шостого въ розделе третимъ и водлугъ артыкулу шостого въ розделе дванадцатомъ, где ясная наука есть, же шынкарце не болшъ невезки, только петдесятъ грошей литовскихъ; съ тыхъ причинъ если бы хотелъ за доводомъ своимъ хочь въ невинности его пана Ейсимонта тотъ Кгинюшъ навезки позысковалъ, проше абысте ваша милость узнали навезку яко людемъ простымъ· На што тотъ Кгинюшъ поведилъ, ижъ дей што оказуетъ выпись съ книгъ местнихъ Крынскихъ оповеданя на мещанина Крынского о бои, оповедаючы, же то въ тотъ часъ не отъ него, але отъ того мещанина стати мелъ, тогды ту я о иншый бой, а не о тотъ, который се сталъ жоне и детяти моему, правовалъ, а што указуетъ возного реляцыю, якобы мя зосталъ пиво въ корчме пиючы и даючы то вжо, коли шляхтичъ въ месте пье, вольно его битъ, а навезка же въ месте билъ для того хлопская, што тежъ позвы отъ матки своей съ того именья зноситъ, то право несознаное, неправное и то только на четвертую часть, просилъ, абы за присегою навезка жоне и сыну шляхетская сказана была. А такъ врадъ при оповеданю на враде учыненомъ и при сознаню

ззного и огледаню ранѣ той Якубовой Кгинюшовой на и ее и на бою сыновнемъ, летъ не маючомъ, присегу казуемъ и день третій складаемъ, а по присязе навезки мой Кгинюшовой копъ осмьдесятъ, а сыну ее копъ со-къ водлугъ артыкулу двадцат семого розделу одинадца-го на томъ Мартину Ейсимонте и маетности его присуемъ и сиденья неделъ двадцат чотыры на замку Городенскомъ выседить наказуемъ, отъ которого декрету вaого панъ Мартинъ Ейсимонтъ до суду головного апелеыъ, которой апеляцыи мы ему допустили, и тая справа книгъ земскихъ Городенскихъ естъ записана.

II.

SERVUS SERVORUM

или

СМИРЕНІЕ ПАПЪ.

(Продолженіе).

III. Папа Григорій VII (1037—1083) и целибатъ.

Послѣ папы Николая I, римскіе епископы не иначе стали смотрѣть на себя, какъ на верховныхъ правителей церкви „съ деспотическою властію",—какъ на повелителей и государей надъ правителями и королями. Уже Іоаннъ VIII (872—882),—второй преемникъ Николая, предписывалъ королю Карлу Лысому, незадолго до смерти получившему въ наслѣдство всѣ владѣнія Карла великаго и вслѣдствіе этого желавшему короноваться въ императоры, условія, подъ которыми онъ соглашался на его коронованіе, и Карлъ долженъ былъ принять эти условія. Въ такомъ же духѣ дѣйствовали и всѣ послѣдующіе папы, какъ напримѣръ, Григорій V, такъ побѣдоносно кончившій свое дѣло съ французскимъ королемъ Робертомъ [1]), а особенно Сильвестръ II (999—1000), который хотѣлъ даже распоряжаться венгерскою короной [2]). Мы, однакожъ, не можемъ описать

---

[1]) См. во 2-мъ отд. 11-й кн. Вѣстника Западной Россіи 1869 г.

[2]) Сильвестръ II, прежде назывался Гербертомъ, изъ аурильякскихъ монаховъ,—человѣкъ ученый, учитель Оттона II. До своего папства, онъ жестоко возставалъ противъ „лжеисидора", но совершенно перемѣнилъ свой взглядъ, когда получилъ

„всѣхъ“ папъ, разсказать всѣ „спыты ихъ смиренія“, но должны будемъ довольствоваться фактами болѣе крупными и въ характеристикѣ „образцовыхъ папъ“ (такъ они названы нами потому, что они для всѣхъ другихъ служили образцами) видѣть отраженіе всего папства. Вторымъ такимъ образцовымъ папой, но только далеко превосходящимъ Николая I, былъ Григорій VII, этотъ—можно сказать—Наполеонъ между папами.

Въ 1020 году, въ Поанѣ, въ тосканскомъ герцогствѣ у одного кузнеца родился сынъ, которому дано имя Гильдебрандъ (Jldabrando) и который въ скоромъ времени поступилъ на воспитаніе къ своему дядѣ по матери,—аббату одного римскаго монастыря. Такъ какъ мальчикъ росъ плохо и такъ какъ въ немъ замѣтно преобладало развитіе духовныхъ силъ надъ физическими, то дядя сталъ прочить его въ монахи. Гильдебрандъ учился самымъ ревностнымъ образомъ и съ самой ранней молодости обнаружилъ въ себѣ такой необыкновенный геній, которымъ впослѣдствіи подчинилъ себѣ міръ. Въ его время былъ одинъ монашескій орденъ, отличавшійся предъ всѣми другими какъ высокою, по тогдашнему времени, ученостію, такъ и строгою нравственностію, между тѣмъ какъ остальные не имѣли ни того, ни другого. Этотъ орденъ, руководствовавшійся строгимъ уставомъ Бенедикта, назывался обыкновенно „Клюнійскимъ“ (получилъ свое имя отъ знаменитаго аббатства клюнейскаго, гдѣ аббатъ Одо (927—941) держалъ своихъ монаховъ въ самомъ строгомъ соблюденіи бенедиктинскаго устава). Въ этотъ

тіару. Величайшую радость доставило ему то обстоятельство, когда венгерскій герцогъ Стефанъ обратился къ нему за королевскимъ титуломъ, потому что на этой просьбѣ о „дарованіи титула“ онъ основалъ свои притязанія—распоряжаться венгерскою короною. Разумѣется, онъ не отказалъ герцогу въ его просьбѣ, далъ ему титулъ „апостолискаго величества“ и даже на радостяхъ, подарилъ ему драгоцѣнную корону, нарочито заказанную въ Константинополѣ, такъ какъ на западѣ тогда еще не умѣли такъ искусно обдѣлывать подобныхъ вещей.—Григорій VII впослѣдствіи причислилъ Стефана къ лику святыхъ за его смиреніе предъ папой.

то орденъ, по желанію своему, и поступилъ Гильдебрандъ, для довершенія своего образованія умственнаго и нравственнаго. Здѣсь, гдѣ управленіе основывалось на деспотической строгости, Гильдебрандъ усвоилъ себѣ правила поведенія и дѣйствованія, которыя остались въ немъ на всю жизнь. Уже въ двадцатилѣтнемъ юношѣ начало проявляться необыкновенное честолюбіе, такъ какъ услыхавъ, что прежній его покровитель, по имени Адріанъ, получилъ высокое духовное мѣсто въ Римѣ, онъ тотчасъ оставилъ монастырь, чтобы при помощи своего покровителя, добиться и себѣ виднаго мѣста. Надежды его оправдались: Адріанъ „человѣкъ очень богатый" купилъ въ 1044 году у Бенедикта IX, двадцатитрехлѣтняго забулдыги [1]), одиннадцать лѣтъ носившаго тіару, его санъ и, подъ именемъ Григорія VI, вступилъ на папскій престолъ, на который, впрочемъ, претендовалъ и епископъ сабинскій Сильвестръ. Гильдебрандъ тотчасъ получилъ мѣсто папскаго иподіакона,—мѣсто по названію очень скромное, но въ сущности весьма важное, потому что молодой иподіаконъ, постоянно находился близъ папы и этою близостію пользовался, съ одной стороны, чтобъ имѣть вліяніе на дѣла правленія, съ другой, чтобы точнѣйшимъ образомъ ознакомиться со всею системою папскаго управленія и—особенно, чтобы изучить тѣ страшные безпорядки, которые господствовали при папскомъ дворѣ цѣлое столѣтіе, и которые

[1]) Бенедикту IX было двѣнадцать лѣтъ, когда господствовавшая тогда партія дворянъ возвела его на папскій престолъ. Однакожъ онъ до того уже былъ развитъ, что могъ быть названъ образцовымъ развратникомъ. Но такъ какъ развратничество его сопровождалось убійствами и грабительствомъ, то другая партія возбудила противъ него народъ, и Бенедиктъ былъ отрѣшонъ, а на мѣсто его возведенъ Сильвестръ III. Бенедиктъ бѣжалъ, но, набравши себѣ войско, опять воротился въ Римъ и прогналъ Сильвестра. Такимъ образомъ долго престолъ переходилъ отъ Бенедикта къ Сильвестру и отъ Сильвестра снова къ Бенедикту, пока послѣдній не убѣдился, наконецъ, во всеобщей къ себѣ ненависти и невозможности продолжать свое святительство, а потому продалъ свой престолъ Адріану или Григорію VI.

могли приблизить окончательное его паденіе. Къ несчастію правленіе Григорія VI, было весьма непродолжительно. Императоръ Генрихъ III, узнавши о страшныхъ безпорядкахъ и неурядицѣ въ Римѣ, въ 1046 году, отправился туда самъ, созвалъ соборъ въ Судры, на который явились почти всѣ итальянскіе епископы, и по опредѣленію этого собора, за симонію и другія не менѣе тяжкія вины, отрѣшилъ всѣхъ трехъ святѣйшихъ: Сильвестра III, Бенедикта IX и Григорія VI. Бенедиктъ бѣжалъ, Сильвестръ возвратился на свою сабинскую каѳедру, а Григорій, болѣе другихъ упрямившійся, долженъ былъ послѣдовать за императоромъ въ Германію, когда этотъ послѣдній назначилъ въ папы нѣмца, по имени Климента II.

Казалось, такимъ образомъ, что карьера Гильдебранда кончилась, а между тѣмъ въ этомъ именно отрѣшеніи Григорія и заключалось счастіе Гильдебранда. Добровольно послѣдовавъ за своимъ богатымъ и высокимъ покровителемъ въ изгнаніе, онъ не отлучался отъ него до самой его смерти, и такъ какъ отрѣшенный папа большею частію состоялъ при императорскомъ дворѣ и вслѣдъ за нимъ переѣзжалъ въ разные главнѣйшіе города Германіи, то Гильдебрандъ, всегда слѣдовавшій за Григоріемъ, имѣлъ полную возможность отлично изучить нетолько нѣмцевъ и ихъ нравы, но такъ-же и императора Генриха III и его молодаго сына, бывшаго впослѣдствіи императора Генриха IV. Особенно онъ занялся систематическимъ изученіемъ послѣдняго, и нашелъ, что этотъ принцъ, при хорошихъ дарованіяхъ, былъ очень легкомысленъ,—характера слабаго, въ счастіи гордъ, въ несчастіи малодушенъ. Чтоже касается нѣмцевъ, то утонченно-образованному Гильдебранду они представлялись грубыми и неуклюжими, и такъ какъ сверхъ того онъ въ „варварской странѣ“ постоянно видѣлъ честность да простоту, казавшіеся смѣшными для воспитавшагося въ отечествѣ обмановъ, ядовъ и кинжаловъ; то ненависть къ германцамъ—завоевателямъ и притѣснителямъ Италіи очень скоро у него превратилась въ презрѣніе, которымъ онъ былъ проникнутъ всю свою жизнь. Впрочемъ, все таки тогда, во время пребыванія его въ Германіи, нельзя было думать, что онъ когда нибудь будетъ имѣть вліяніе на исторію этой страны или на судьбу Италіи, потому что, чрезъ нѣсколько лѣтъ изгнаннической жизни, Григорій умеръ,

а его протеже—Гильдебрандъ опять удалился въ клюнійскій монастырь, чтобы по прежнему вести жизнь ученую и созерцательную. „Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“!

Послѣ того, какъ папа Климентъ II (1046—1047) и назначенный императоромъ Генрихомъ преемникъ его Дамасъ II (изъ нѣмцевъ правившій только 23 дня) отравлены были соперникомъ ихъ, вышеупомянутымъ Бенедиктомъ IX (лишь только Генрихъ выѣхалъ изъ Рима, онъ опять появился въ Римѣ и снова сталъ домогаться тіары), Генрихъ, въ 1048 г., посадилъ на папскій тронъ опять нѣмца изъ высокаго рода,—сына одного эльзаскаго графа, близскаго родственника умершаго императора Конрада II Салійскаго. Новоназначенный папа, принявшій имя Льва IX, отправился въ Римъ чрезъ клюнійскую обитель. Такъ какъ онъ и самъ хорошо сознавалъ, что былъ способенъ дѣйствовать болѣе мечемъ, чѣмъ пастырскимъ жезломъ, и такъ какъ ему все же стыдно было нисколько незнать римскихъ порядковъ, то онъ былъ чрезвычайно обрадованъ, встрѣтивши въ Клюньи молодаго монаха, именно прославившагося впослѣдствіи Гильдебранда, который нетолько зналъ Римъ—вдоль и поперегъ, но и былъ знакомъ со всею системою папскаго правленія. Левъ предложилъ Гильдебранду тоже мѣсто, которое онъ занималъ при Григоріѣ VI. Такимъ образомъ Гильдебрандъ снова прибылъ въ Римъ, и такъ какъ иподіаконская его должность обезпечивала за нимъ большое вліяніе (онъ, впрочемъ, скоро сдѣланъ былъ архидіакономъ, затѣмъ легатомъ, наконецъ кардиналомъ), то онъ, при необыкновенныхъ своихъ талантахъ, какъ при Львѣ IX, такъ и при его преемникахъ, былъ главною пружиною государственной дѣятельности и правленія, былъ ихъ первымъ министромъ. При шести папахъ игралъ онъ эту роль, пока не пришло время ему самому сдѣлаться папой! Причина такой скоротечности жизни папской не заключалась-ли, быть можетъ, въ томъ (какъ предполагаетъ кардиналъ Даміани, современникъ Гильдебранда), что каждый изъ нихъ, по его плану, долженъ былъ сходить со сцены, при первой попыткѣ—выйдти изъ-подъ опеки Гильдебранда? Впрочемъ, какъ бы то нибыло, а вѣрно то, что Гильдебрандъ съ 1048 года при Львѣ IX (1048—1055) затѣмъ при Викторѣ II (1055—1057), далѣе при Стефанѣ X (1057—1058), потомъ

при Бенедиктѣ X (1058), наконецъ при Николаѣ II (1058—1061) и Александръ II (1061—1073) постоянно игралъ свою владычественную роль, и что, слѣдовательно, на все то, что случилось важнѣйшаго при исчисленныхъ папахъ, надобно смотрѣть какъ на его произведеніе. Но, прежде чѣмъ станемъ мы говорить обо всѣхъ этихъ событіяхъ по порядку, мы должны разрѣшить два вопроса: что за цѣли были у Гильдебранда, и какими средствами старался онъ достигнуть ихъ? потому что отъ рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ истинное пониманіе этого *славнаго* періода папства.

Отвѣтъ на первый вопросъ будетъ очень коротокъ, и состоитъ изъ собственныхъ словъ Гильдебранда: „ut Papae nomen unius sit in orbe christiano", т. е., папа долженъ быть единственнымъ и рѣшительнымъ верховнымъ судіей въ христіанскомъ мірѣ". Слѣдовательно, Гильдебрандъ хотѣлъ поставить папу „всемірнымъ монархомъ",—„какъ абсолютнымъ деспотомъ въ церкви, такъ абсолютнымъ государемъ надъ всѣми мірскими царствами". Государство должно было преклониться предъ алтаремъ (т. е. предъ духовенствомъ), а алтарь—предъ папой. „Весь міръ долженъ быть леномъ его престола, а самъ онъ долженъ заступать мѣсто Бога на землѣ". Уже Николай I стремился къ этому, но не такъ полно, не такъ послѣдовательно, не такъ настойчиво, какъ Гильдебрандъ или—что тоже—Григорій VII, и оттого стремленія его не сопровождались такими блистательными послѣдствіями, какъ у Григорія. Конечно, Григорію легче было достигать такихъ счастливыхъ результатовъ, потому что многое отличнымъ образомъ было уже подготовлено Николаемъ. Напримѣръ, псевдоисидоровскія декреталіи, введенныя Николаемъ, уже имѣли силу и считались непреложнымъ закономъ во всѣхъ странахъ; ученіе объ отлученіи, проклятіи и интердиктѣ, если по мѣстамъ и оспаривалось, сдѣлалось, однакожъ, страшною грозою, предъ которою трепетали даже князья и короли. Все это въ совокупности поставило папство на недосягаемую высоту, обезпечивавшую подчиненіе ему всего міра.

Хотя всѣ эти средства были очень дѣйствительны однакожъ ихъ было бы недостаточно для выполненія плановъ Гильдебранда, если бы ему не удалось наложить оковы рабства на

все западное духовенство, привязать его къ себѣ и, посредствомъ сотни тысячь духовной рати, владычествовать надъ совѣстію всѣхъ западныхъ христіанъ. Всего этого онъ достигъ введеніемъ целибата.

Подъ целибатомъ разумѣется, какъ извѣстно, безбрачіе священниковъ; но сначала этимъ именемъ означалось нѣчто другое, именно (отъ coelum небо),—намѣреніе „посвятить свою жизнь небу". Уже у древнихъ египтянъ и индійцевъ жизнь въ удаленіи отъ свѣта, уединенная, воздержная, созерцательная и безбрачная считалась высшею степенью добродѣтели, и христіанство удержало этотъ взглядъ тѣмъ болѣе, что самъ І. Христосъ и большая часть его апостоловъ оставались безбрачными. Сверхъ того, гражданское положеніе исповѣдниковъ христіанства въ первые два вѣка, когда они подвергались всякаго рода гоненіямъ, всего менѣе благопріятствовало семейной осѣдлости, а потому не рѣдкіе изъ исповѣдниковъ, по самой необходимости, удалялись въ пустыни, гдѣ могли безпрепятственно предаваться религіознымъ созерцаніямъ. Такъ произошли первоначальные „Coelibes"—неземные. Практическому утвержденію этого взгляда поблагопріятствовало еще и то, что многіе пресвитеры и епископы рѣшались тоже отказываться отъ брака, и въ своихъ проповѣдяхъ проводили мысль, которая въ скоромъ времени стала господствовать въ христіанствѣ, будто „неженатые" пастыри—святѣе „женатыхъ", потому что безбрачіе считали синонимомъ „цѣломудрія".. Прошло нѣсколько вѣковъ, и—женъ священническихъ стали называть „конкубинами", а самыхъ женатыхъ священниковъ „конкубинаріями",—разумѣется и не думая такими названіями порочить церковное ученіе, признавшее бракъ таинствомъ. Нѣкоторые отцы церкви и епископы сильно ревновали о безбрачіи духовныхъ,—чтобы поведеніе ихъ было неукоризненнѣе и чище, чтобы душа ихъ непривязана была къ земному [1].

---

[1]) На востокѣ, еще во 2 вѣкѣ, одинъ критскій епископъ (Eus. Hist. Lib. IV. Cap. XXIII) требовалъ безженства отъ всѣхъ служащихъ церкви, но Діонисій, епископъ коринѳскій посланіемъ убѣждалъ его не налагать на братію тяжкаго ига такой необходимости.

Такимъ образомъ, основаніе для безбрачія духовенства и въ частности священниковъ, во всѣ времена, было чисто нравственное: желали только, увѣщевали къ безбрачной жизни, но въ теченіе первыхъ десяти вѣковъ никому и въ голову не приходило обратить это желаніе въ *предписаніе*, положительный церковный законъ. Теперь взялся за это дѣло великій Гильдебрандъ. Своимъ проницательнымъ умомъ онъ взглянулъ на него совершенно иначе, чѣмъ какъ до селѣ смотрѣли [1]). Онъ былъ убѣжденъ, что пока у духовныхъс будутъ жены и дѣти, до тѣхъ поръ они будутъ оставаться во всегдашней зависимости отъ семьи, отъ государства, въ которомъ живутъ, отъ своей корпораціи, отъ князя, утверждавшаго ихъ назначеніе на мѣста (если они занимали высшія должности), и потому онъ высказалъ открыто и безъ церемоній, что церковь до тѣхъ поръ будетъ въ рабствѣ у міранъ, пока духовные не отпустятъ своихъ женъ,—„non liberari potest ecclesia a servitute laicorum nisi liberentur prius clerici ab uxoribus". Это собственныя слова Григорія. Изъ нихъ видно, что онъ не изъ религіозныхъ или нравственныхъ побужденій желалъ ввести целибатъ, а только для того, чтобы церковь была совершенно независима отъ государства, чтобы все духовенство было проникнуто интересами своего сословія, т. е. интересами церковными, римскими, папскими!

Дѣло, предпринятое Гильдебрандомъ, было трудное дѣло— тѣмъ болѣе, что въ это время еще очень многіе изъ духовныхъ (въ нѣкоторыхъ странахъ) даже большинство состояли въ законномъ бракѣ, и что, сверхъ того, одно правило (гангрійскаго собора въ 4 вѣкѣ), внесенное во всѣ сборники церковныхъ каноновъ, подвергало церковному отлученію всѣхъ тѣхъ, которые стали бы считать женатаго священника неспособнымъ къ отправленію своей должности. Не смотря на это, рѣшительный Гильдебрантъ пошелъ къ задуманной цѣли сдѣлаться „всемірнымъ деспотомъ" смѣлыми и твердыми шагами. Уже руководи-

[1]) Мы небудемъ приводить тѣ мѣста св. писанія, которымъ явно противорѣчитъ „ученіе о целибатѣ" или безженствѣ священниковъ. Наша задача прослѣдить историческое развитіе этого понятія.

не имъ папы Левъ IX и еще болѣе Стефанъ IX должны или для этого издать строгіе декреты относительно браковъ священниковъ, чтобы подготовить, такимъ образомъ, самый главный актъ,—и самъ онъ, лишь только вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Григорія VII, какъ созвалъ (1074 г.) въ Римѣ соборъ, на которомъ, по его повелѣнію, поставлено было, во первыхъ, что женатые священники не должны совершать богослуженія; во вторыхъ, что міряне, присутствующіе при богослуженіи, которое сталъ бы совершать женатый, подвергаются наказанію; въ третьихъ, что женатые должны отвергнуть своихъ женъ; и наконецъ, въ четвертыхъ, что ни одинъ духовный не будетъ рукоположенъ, если не дастъ обѣта на всю жизнь остаться безбрачнымъ.

Конечно, этотъ декретъ былъ одинъ изъ самыхъ „неестественныхъ", однакожъ Григорій VII съумѣлъ отстоять его,—съумѣлъ поставить на своемъ. Противъ него сначала поднята была буря, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло доходило до кровопролитія и убійствъ, потому что если неженатые изъ священниковъ (число ихъ было не мало) большею частью принимали его (уже для того, чтобы въ своихъ приходахъ разыгрывать папъ въ миніатюрѣ"), то женатые, напротивъ, какъ только объявленъ былъ папскій декретъ, разосланный ко всѣмъ епископамъ Франціи, Германіи, Испаніи, Англіи и т. д., дружно соединились и торжественно протестовали, называя самаго папу еретикомъ, такъ какъ онъ вводитъ ученіе, противорѣчащее всѣмъ церковнымъ постановленіямъ и ученію Новаго Завѣта. Такія протестаціи происходили въ очень многихъ мѣстахъ, и можно себѣ представить, что если бушевали и мужья, то ихъ жены еще больше неистовствовали и поджигали своихъ мужей всѣми силами противиться такому варварскому установленію. Даже архіепископы и епископы въ нѣкоторой мѣрѣ раздѣляли взгляды и чувства священниковъ. Такъ напримѣръ, извѣстно, что констанскій епископъ Оттонъ вовсе не объявлялъ папскаго декрета; а даже, напротивъ, далъ формальное дозволеніе духовнымъ своей епархіи вступать въ бракъ; что, далѣе,—магдебургскій архіепископъ сопротивлялся декрету, „по причинамъ нравственнымъ" полагая, что духовные его округа скорѣе готовы оставить рясы, чѣмъ женъ; и что наконецъ, парижскій соборъ (онъ состоялся

въ томъ же 1074 году, сряду послѣ римскаго) запрещеніе бр
священникамъ призналъ чистою ересью, а потому въ требов
папы отказалъ. За то другіе епископы, были далеко податли
и не только распубликовали папскій декретъ, но даже упот
били всю свою власть, чтобы онъ былъ исполненъ въ и
епархіяхъ. Сами они почти всѣ были неженаты (Гильдебра
устроилъ такъ, что со времени Льва IX, слѣдовательно
1048 г. только безбрачные были поставляемы въ еписк
и архіепископы), и, значитъ, отъ целибата ничего не теря
Даже, напротивъ: они могли расчитывать, что если воля па
исполнится, то и ихъ вліяніе на духовенство увеличится,
слѣдовательно, интересы ихъ сходились съ интересами папы.
не смотря на то, многіе не въ состояніи были исполнить пове
ніе папы вдругъ, потому что духовенство ихъ епархій ста
„явно" бунтоваться. Такъ на примѣръ,—въ маинцской ар
пископіи, гдѣ архіепископомъ былъ Зигфридъ—вѣрный прив
женецъ Григорія, все духовенство, созванное на соборъ д
объявленія ему новаго папскаго декрета, въ силу котораго
безъ исключенія въ теченіи шести мѣсяцевъ должны были остав
своихъ женъ, или же отказаться отъ своихъ мѣстъ,—шум
подступило къ архіепископу, такъ что онъ, опасаясь како
нибудь насилія, далъ клятву отказаться отъ исполненія декре
Въ епархіи пассауской и камбрейской священническія же
произвели настоящее возстаніе и въ ярости своей такъ дале
зашли, что монаха, проповѣдывавшаго целибатъ, какъ еретик
живаго сожгли на импровизированномъ кострѣ.

Однакожъ всѣ эти взрывы неудовольствія мало или нисколь
не безпокоили Григорія VII, потому что онъ крѣпко полагал
во первыхъ на епископовъ, во вторыхъ на монаховъ, въ третьих
на простой народъ,—на массу. Что касается послѣдняго, т
въ немъ по мѣстамъ еще не установился опредѣленный взгляд
на браки священниковъ; но для того, чтобы уничтожить
послѣднее сомнѣніе относительно этого предмета, во всѣ глав
нѣйшія государства посланы были легаты и монахи, которы
утверждали народъ въ томъ убѣжденіи, что обѣдня и таинства
совершаемыя неженатыми священниками, имѣютъ высшее значеніе
и въ тоже время возмущали его противъ тѣхъ упрямцевъ, кото-
рые все еще не отпускали своихъ женъ. Такъ благовидно дѣло

доставлено было народу, и онъ, ничего нетеряющій отъ введенія папскаго, съ фанатическимъ неистовствомъ сталъ напа- на домы, гдѣ жили женатые священники, выбрасывать отдуда ихъ и дѣтей, расхищать что попадалась подъ руку, останавливаясь даже предъ убійствомъ, чтобы только выпол- новый папскій законъ. Совершались самыя изувѣрскія, позорныя сцены, какія только представить можно, и тысячи ущенныхъ или лучше отторгнутыхъ жонъ, тысячи дѣтей, именныхъ именемъ „бастардовъ", обречены на нищету, ду тѣмъ какъ инымъ изъ духовныхъ приходилось жертвовать нію за свою семью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жалобы, и бѣдствія были выше всякаго описанія. Но что до го? Гильдебрандъ—Григорій остался побѣдителемъ, целибатъ въ введенъ, и духовенство или клиръ, освобожденный отъ ударства и отъ семьи, поступилъ въ безусловную и безраз- льную зависимость отъ папы (1).

Конечно, для утвержденія совершенной независимости клира государства (а только при такой независимости возможна а совершенная „деспотія" папы надъ духовенствомъ) нужно о сдѣлать еще одинъ шагъ,—нужно было устранить всякое яніе государства и правителя на выборъ и назначеніе ду-

(1) Хотя совершенно справедливо, что борьба духовенства ротивъ целибата заразъ не прекратилась, а продолжалась еще чти два столѣтія, напр., еще въ 13 вѣкѣ на сѣверѣ Европы, Швеціи, Норвегіи, Даніи и т. д. видимъ священниковъ женатыхъ; эта борьба была болѣе частная, не имѣвшая большаго зна- нія въ общемъ. Интереснѣе было бы прослѣдить исторически равственныя послѣдствія, которыя повело за собой насильствен- е введеніе целибата.—Ближайшимъ слѣдствіемъ его была испорченность нравовъ въ духовенствѣ. Уже константинопольскій атріархъ Фотій писалъ: „въ Западной церкви очень много дѣтей, е знающихъ отцовъ," а Португальскій епископъ Альварій Пе- лагій, жившій около 1320 г., полагаетъ, будто „въ Испаніи и Португаліи больше дѣтей, принадлежащихъ духовенству, чѣмъ мірянамъ." Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ было то, что чувственная и грязная жизнь, какую стало вести духовенство, значительно ослабила къ нему уваженіе народа.

ховныхъ. И въ этомъ отношеніи Григорій повелъ себя с отвагою и смѣлостью—безпримѣрными въ исторіи. Чтобы сд лать независимымъ выборъ и назначеніе папы, онъ учред коллегію кардиналовъ, а для независимости выборовъ въ е скопы и архіепископы, установилъ законъ объ инвеститурѣ. О эти учрежденія вовлекли папу въ такую упорную борьбу свѣтскими властями, что мы по необходимости должны, объясненія дѣла, стать на историческую почву.

Какъ происходили обыкновенно папскіе выборы, мы говорили объ этомъ ([1]). Императоръ Генрихъ III, съ 1046 (когда на мѣсто трехъ Италіанцевъ „въ одно и тоже вре позорившихъ престолъ Св. Петра) забралъ эти выборы въ с руки, почему всѣ, быстро слѣдовавшіе одинъ за дру папы (Климентъ II, Дамасъ, Левъ IX, Викторъ II, Стефанъ и т. д.) были всѣ изъ нѣмцевъ. Ратовать противъ такого рядка дѣлъ тогдашній распорядитель судебъ въ Римѣ—Г дебрандъ, долженъ былъ считать своею сугубою задачею, первыхъ потому, что назначались нѣмцы, которыхъ онъ, упомянутымъ уже причинамъ, глубоко ненавидѣлъ, во втор потому, что выборъ зависѣлъ отъ императора, т. е. отъ с ской власти, отъ которой онъ хотѣлъ сдѣлать церковь неза мою. И, дѣйствительно, Гильдебрандъ сначала задался цѣлію; но какъ человѣкъ хитрый и въ тоже время хор знавшій, что сильный императоръ Генрихъ III не позволитъ „от таго“ нападенія на свое исконное право, рѣшился идти къ с цѣли медленно, „обходомъ.“ Такъ, назначеннаго императо Льва IX, который, довѣрялъ своему умному иподіакону бол чѣмъ сколько слѣдовало, онъ уговорилъ, для пріобрѣт благорасположенія дворянства, духовенства и народа римск позволить себѣ вторично избрать въ папы. Къ такому же д ствію убѣдилъ и назначеннаго тоже императоромъ Викт представивъ ему, конечно, что это „только. формальность, что этою формальностію онъ пріобрѣтаетъ любовь римля Честный швабъ (Викторъ былъ сынъ одного швабскаго г никакъ не догадался, что Гильдебрандъ въ тоже время увѣр

([1]) Въ VI и VII-й кн. Вѣстн. З. Р. 1867 г. въ „непогрешимость папъ“.

ялянъ, „что на назначеніе папы императоромъ надобно смотрѣть только какъ на предложеніе, которое тогда только получитъ свою силу, когда послѣдуетъ подтвердительное избраніе стороны народа и клира римскаго“. Совершенно тоже повторилось и при Стефанѣ X, и только послѣ его смерти (1058 г.) рѣшился, возвысившійся между тѣмъ до кардинальства, Гильдебрандъ выступить съ своимъ планомъ открытѣе. Два года предъ тѣмъ, именно въ 1056 году, императоръ Генрихъ III умеръ, такъ какъ правленіе перешло къ малолѣтнему сыну его, впослѣдствіи императору Генриху IV „подъ опекою его матери Агнесы, хитрый кардиналъ—легатъ, находившійся тогда по порученіямъ папы Стефана при императорскомъ дворѣ, увидѣлъ, что наступила пора дѣйствовать, теперь или никогда. Онъ притворился предъ императрицей, опекуншей, искренно преданнымъ ея интересамъ, изъ рвенія къ охраненію императорскихъ правъ, противодѣйствовавшимъ выбору Бенедикта X, причемъ подкуплена была часть римлянъ большими суммами ([1]), и уговорилъ правительницу назначить въ папы не италіянца, а бургундца, Гергарда—епископа Флоренціи,—креатуру кардинала—легата. Назначенный императрицей Гергардъ, въ сопровожденіи своего вѣрнаго совѣтника Гильдебранда, отправился въ римъ и вступилъ тамъ на престолъ св. Петра подъ именемъ Николая II, между тѣмъ какъ Бенедиктъ X добровольно сложилъ съ себя похищенный санъ. Сряду послѣ этого (1059 г,), по совѣту Гильдебранда, созвали въ Римѣ соборъ, которому предложенъ былъ вопросъ: какія на будущее время надобно принять мѣры, чтобы при папскихъ выборахъ устранить духъ и вліяніе партій? Отвѣтомъ было: „право избирать папу должно исключительно принадлежать высшему духовенству города Рима, т. е. кардиналамъ—епископамъ, кардиналамъ—пресвитерамъ и кардиналамъ—діаконамъ.“ Постановлено также, что избранный „высшимъ духовенствомъ,—кардиналами,“ непосредственно послѣ выборовъ, представляется народу, дворянству и низшему духовенству, и

([1]) Отчего въ Римѣ произошелъ тогда расколъ, потому что даже высшее духовенство, обѣщавшее Гильдебранду, предъ отъѣздомъ его въ Германію, не начинать выбора безъ его согласія, объявило себя противъ Бенедикта.

за тѣмъ актъ этотъ представляется императору, не для утвер-
денія новоизбраннаго папы, а для того только, чтобы импера-
торъ принялъ его подъ свою защиту. Очевидно, что обоз
этими постановленіями радикально измѣненъ прежній спосо
избранія, потому что прежнее дѣятельное участіе римлянъ уст
нялось, а императорское назначеніе или утвержденіе превра
лось, по имени, въ начальственное покровительство, а на дѣ
въ обязательство покровительствовать папѣ. Опредѣленіе,
„папскіе выборы на будущее время должны находиться исклю
тельно во власти коллегіи кардиналовъ" означало, так
образомъ, что они „независимы отъ вліянія свѣтской власти
нѣмецкаго императора." Спрашивается теперь: какъ рѣши
Гильдебрандъ на такой безпримѣрно—отважный декретъ? Вп
чемъ, прежде отвѣта на этотъ вопросъ, мы считаемъ себя обяз
ными сказать нѣсколько словъ о томъ—что за личности сос
ляли коллегію кардиналовъ?

«Cardo» означаетъ „дверной крюкъ" или главную то
около которой все вращается. Подъ словомъ „Cardinalis"
зумѣлось, значитъ, нѣчто «почетное», нѣчто «особенной ва
сти» (вспомнимъ cardinales virutes), а потому во времена р
ской имперіи было въ обычаѣ, первыхъ придворныхъ чинов
ковъ и сановниковъ титуловать „cardinales" (какъ бы „ст
бовые"). Такую титуляцію стали усвоять себѣ впослѣдствіи
епископы; такъ титуловался епископъ равенскій и нѣкото
духовные во Франціи еще въ девятомъ вѣкѣ. Въ особенно
же на такое отличіе дѣлали притязанія первые духовные с
новники при дворѣ римскаго патріарха или папы, слѣдовате
но епископы ближайшихъ окрестностей Рима (напр. Остіи, П
то, Сабины, Палестрины, Фраскати, Альбано и т. п.), а та
же и предстоятели соборныхъ церквей въ самомъ Римѣ, и н
кому и на мысль не приходило оспаривать у нихъ этотъ т
тулъ, точно такъ какъ не оспаривалось у римскаго патріа
названіе „Papa". И такъ Гильдебрандъ нашелъ уже готов
кардиналъ-епископовъ и кардиналъ—пресвитеровъ (а равно
„кардиналъ—легатовъ "придворныхъ папскихъ высшаго ранга).
его нововведеніе состояло лишь въ томъ, что онъ изъ эти
кардиналовъ образовалъ „коллегію", которая имѣла преим
ственное право избранія папы. Коллегія кардиналовъ обя

коллегію папскихъ консисторіальныхъ совѣтниковъ,—почти же, что у іудеевъ священный синедріонъ.

Нужно замѣтить, что созданная Николаемъ II (или лучше Гильдебрандомъ) коллегія кардиналовъ не была еще тѣмъ, чѣмъ она сдѣлалась впослѣдствіи; впрочемъ на позднѣйшее ея образованіе [1]) нужно смотрѣть только какъ на довершеніе идеи Гильдебрандовской. Верховный духовный совѣтъ синедріонъ заключался уже въ идеѣ Гильдебранда, все же, что къ

---

[1]) Число кардиналовъ колебалось сначала между 7 и 53, на наконецъ Сикстъ V (1556 г.) не опредѣлилъ ихъ штатъ, состоящій, по числу учениковъ Христовыхъ, изъ 70, именно изъ кардиналъ-епископовъ, 40 кардиналъ—пресвитеровъ и 23 кардиналъ-діаконовъ. Для законнаго выбора папы, по опредѣленію латеранскаго собора (1179 г.), требовалось двѣ трети голосовъ, но не всегда, однакожъ, соблюдалось это правило (см. «Непогрѣшимость»). Съ теченіемъ времени, кардиналы получили большія привилегіи: Иннокентій IV (1243—1254) поставилъ ихъ выше прочихъ епископовъ и далъ красную шапку, Бонифацій VIII (1294—1303)—пурпурную мантію, Павелъ II (1464—1471) предоставилъ право вcase ѣзжать на иноходцѣ съ пурпурнымъ покрываломъ и золотою уздою, а Урбанъ VIII (1631) даровалъ скипетръ «свѣтлости». Въ торжественныхъ случаяхъ, они становились непосредственно за королями. Королевамъ и принцессамъ они давали священное цѣлованіе не въ руку, а въ уста. Если осужденный преступникъ на пути уже къ эшафоту встрѣчался съ кардиналомъ, былъ отпускаемъ на волю. Ни одинъ кардиналъ не могъ быть уличенъ въ преступленіи, если не было противъ него 72 свидѣтелей; для кардиналъ-діакона требовалось однакожъ только 27. Жалованья имъ полагалось не менѣе 4000 скуди (скуда около 1 ½ пруск. талера) а иногда вчетверо и вшестеро больше; но за то и самимъ имъ приходилось платить за свои мѣста довольно дорого: одно полученіе перстня, который они носили на четвертомъ пальцѣ, стоило 500 дукатовъ, а цѣна кардинальской шапки, при нѣкоторыхъ папахъ, доходила до 40,000 скуди, и поэтому случалось иногда при римскомъ дворѣ, что для пополненія пустой кассы папской прибѣгали къ „производству въ кардиналы“.

этому прибавлено позже, „въ сущности“ большаго значенія н имѣетъ. Какъ, однако, посмотрѣла на это нововведеніе свѣт ская власть, и прежде всего, императоръ? Что касается до то го времени, когда скипетръ былъ въ рукахъ „благочестив Агнесы“, опасаться реакціи было нечего; чтоже дальше?

Гильдебрандъ долженъ былъ подумать о томъ, какъ си въ случаѣ надобности, отразить силу силою, а потому ста искать союза съ своими близкими сосѣдями. Съ однимъ и нихъ—герцогомъ тосканскимъ, отцомъ знаменитой графини М тильды, заключить союзъ было легко—потому уже, что гр финя всей душою была предана Гильдебранду; большаго тру стоило склонить на свою сторону другаго сосѣда, норманск герцога—Роберта Гвискарда, который незадолго предъ эти явился смѣлымъ завоевателемъ въ нижней Италіи и не тол завоевалъ уже Апулію и Калабрію, но и намѣревался сдѣл нападеніе на папскую область. Къ счастію, однакожъ, Р бертъ былъ человѣкъ «вѣрующій», и когда, поэтому, папа Н колай II, по настоянію Гильдебранда, поразилъ его отлученіе онъ тотчасъ показалъ готовность къ уступчивости. Еще бо подѣйствовали на Роберта, когда этому князю морскихъ р бойниковъ кардиналъ Гильдебрандъ указалъ на завоеваніе С циліи (о которой тогда спорили греки съ сарацинами), ка на дѣло болѣе достойное и выгодное, чѣмъ завоеваніе церк ной области, и сверхъ того обѣщалъ ему „исходатайство утвержденіе во всѣхъ сдѣланныхъ уже имъ въ нижней Ита завоеваніяхъ“, если только герцогъ приметъ эти княжества правахъ леннаго государя. Если въ предлагаемой Робер папской Санкціи заключалось, по собственному его понятію, пр знаніе его «законнымъ» государемъ, то какъ было устоять против предложенія? Обѣими руками онъ ухватился за пре ложеніе и обѣщалъ папѣ ежегодную ленную подать, «по дв надцати падуанскихъ денаріевъ съ каждой пары воловъ. святѣйшій вручилъ ему штандартъ, наименовавъ его са знаменосцемъ святой церкви, и утвердилъ за нимъ на вѣч времена Апулію, Колабрію и имѣющую быть завоеванною С цилію [1]).

---

[1]) Съ того времени папскій престолъ сталъ считат н...

Такимъ образомъ, Гильдебрандъ нашелъ двухъ союзниковъ, и могъ потому съ большимъ спокойствіемъ дожидаться бури. Между тѣмъ Николай II умеръ, и коллегія кардиналовъ вступивъ въ первый разъ въ свою функцію, избрала (1061 г.) въ папы Александра, Миланца и вмѣстѣ орудія Гильдебранда [1], не спросивъ о томъ опекуншу—императрицу. Этого было слишкомъ ужъ много. Поэтому, по желанію ея, на соборѣ базельскомъ избраніе Александра объявлено было недѣйствительнымъ и назначенъ былъ папой епископъ пармскій, принявшій имя Гонорія II. Императрица послала на помощь своему протеже небольшое войско, которое въ вѣрной ей Ломбардіи еще умножилось; но императорское войско было разбито на голову союзниками Гильдебранда и Гонорій II долженъ былъ возвратиться въ своей пармской каѳедрѣ, не познакомившись даже съ Петровымъ престоломъ. Гильдебрандъ могъ предвидѣть что императрица не будетъ хладнокровна къ этому пораженію и потому долженъ былъ занять нѣмцевъ какимъ нибудь другимъ дѣломъ. Придуманный Гильдебрандомъ способъ отвлечь вниманіе нѣмцевъ отъ Италіи дѣлаетъ большую честь его хитрости, но никакъ не честности. Онъ убѣдилъ кёльнскаго архіепископа Ганнона, вѣрнаго слугу Рима, насильственно завладѣть особою двѣнадцатилѣтняго сына императрицы, т. е. наслѣднаго принца и будущаго императора Генриха IV, и тѣмъ самымъ de facto лишить императрицу званія регентши. Ганнонъ вошолъ въ сношеніе съ вельможами недовольными правленіемъ Агнесы, заманилъ молодаго Генриха на рейнскій корабль и, среди бѣлаго дня, увезъ его въ Кёльнъ. Разумѣется, вмѣстѣ съ похищеніемъ принца, архіепископъ завладѣлъ и правленіемъ не безъ противодѣйствія другихъ имперскихъ князей. Противодѣйствіе и

политанское королевство римскимъ леномъ, которымъ папа могъ распоряжаться по своему усмотрѣнію.

[1]) Гильдебрандъ обыкновенно называлъ Александра презрительнымъ именемъ „Asinandrello,“ „осленокъ,“ и даже, по свидѣтельству кардинала Беннона, „билъ его по щекамъ, если замѣчалъ въ немъ упрямство;“ при этомъ папѣ онъ одинъ распоряжался всѣми доходами апостольскаго престола и воспользовался ими для составленія себѣ партіи.

недовольство были такъ сильны, что Германія въ теченіе многихъ лѣтъ не могла оправиться отъ потрясенія; но папа поставилъ на своемъ и воспиталъ Генриха по своему, отчего даровитый юноша сдѣлался совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ онъ могъ быть при руководствѣ болѣе честныхъ воспитателей.

Такъ были серьезны печальныя послѣдствія внушеннаго Ганнону совѣта. Но что до нихъ заправлявшему папскимъ престоломъ? Чѣмъ болѣе безпорядковъ въ Германіи, тѣмъ выгоднѣе это для Рима, стремившагося къ совершенной независимости! Главная цѣль была достигнута,—именно: Ганнонъ, «какъ правитель нѣмецкаго государства», призналъ Александра папой когда на мантуанскомъ соборѣ Гильдебрандъ устроилъ отрѣшен[ie] Гонорія. Это была первая побѣда Гильдебранда надъ свѣт[]скою властію. Но такъ какъ онъ предвидѣлъ, что безпорядки въ Германіи не только не уменьшатся, а еще увеличат[ся] то возъимѣлъ надежду извлечь изъ того наибольшія выгоды, [и] для этого рѣшился наконецъ «самъ взять въ свои руки кормило». Александръ II необходимо долженъ былъ теперь сой[ти] со сцены и уступить свое мѣсто Гильдебранду, и эта необходимость, можетъ быть, и ускорила его смерть (1073 г.) и о[чи]щеніе папскаго престола. Но Гильдебрандъ былъ увѣренъ, что е[го] товарищи—кардиналы боялись его какъ огня а потому, есл[и] имъ однимъ предоставленъ былъ выборъ, то они предоставили [бы] свои голоса въ пользу менѣе энергичнаго собрата, а пото[му] чрезъ посредство своихъ приверженцевъ, горстями раз[бро]савшихъ золото, послучаю погребенія умершаго Александ[ра] устроилъ большое стеченіе народа, который, порядкомъ угост[ив]шись на роскошныхъ папскихъ поминкахъ, неистово, въ од[инъ] голосъ кричалъ: „Гильдебрандъ папа, другаго мы нехотимъ кр[о]мѣ Гильдебранда.“ Сбѣжался весь Римъ и наконецъ нѣсколь[ко] экзальтированныхъ или лучше подученныхъ и подкупленныхъ схватили кардинала, посадили его на плечи, понесли въ церко[вь] св. Петра, посадили на папскій престолъ, начали „Te Deum“ которое подхвачено было всѣми присутствующими. Такимъ об[]разомъ Гильдебрандъ сдѣлался папой безъ участія созда[нн]ой имъ коллегіи кардиналовъ и съ соизволенія собственнаго од[ного] „плебса.“

Между тѣмъ, еще въ 1065 г., Генрихъ VI, несмотр[я]

ю, что ему было тогда только пятнадцать лѣтъ, объявленъ былъ совершеннолѣтнимъ, и съ Гельдебранда, бывшаго прежде посломъ въ Германіи, взялъ клятву, чтобы онъ безъ его (королевскаго) соизволенія, ни самъ не вступалъ на папскій престолъ ни другаго къ тому не допускалъ. Опасаясь, такимъ образомъ, что Генрихъ явится въ Римѣ „судьею клятвопреступленія," Гильдебрандъ немедленно отправилъ курьера въ Германію, съ смиреннымъ письмомъ, которымъ, прося у будущаго императора извиненія въ насильственномъ выборѣ его въ папы, хлопоталъ, однакожъ, о его утвержденіи. Дальновидные въ свитѣ Генриха неотступно предостерегали его отъ „волка въ овечьей шкурѣ," но другіе приняли сторону Гильдебранда. Къ томуже самъ Гильдебрандъ вторично писалъ въ самомъ смиренномъ и ласкательномъ тонѣ, и совокупное дѣйствіе [1]) писемъ и благопріятелей Гильдебранда произвело доброе впечатлѣніе на Генриха, котораго легко было эксплуатировать въ свою пользу. Короче: послѣднимъ результатомъ всѣхъ этихъ ловкостей было то, что выборъ Гильдебранда былъ утвержденъ императоромъ, и онъ принявъ имя Григорія седьмаго, возложилъ на себя трехъярусную корону. Вскорѣ, однакожъ, послѣ этого Генрихъ долженъ былъ замѣтить, какого рода благодарности могъ онъ ждать отъ папы.

Если первымъ дѣломъ правленія Григорія было введеніе целибата, о чемъ уже говорено выше; то вторымъ—ничто другое, какъ подчиненіе папѣ свѣтскихъ государей, или – другими словами,—онъ хотѣлъ узаконить, чтобы всѣ европейскіе государи, по примѣру норманскаго герцога, превратились въ его вассаловъ и давали ему присягу на вѣрность. Такъ, онъ вскорѣ за своимъ вступленіемъ на престолъ всѣмъ правителямъ Европы, исключая только короля Германіи—строго предписывалъ— „что они должны признавать его леннымъ государемъ и платить дань Риму." Такого рода грамоты отправлены были въ

---

[1]) Гильдебрандъ писалъ, между прочимъ, будто онъ принялъ избраніе только на время „безъ оскорбленія чести и правъ нашего возлюбленнаго сына, будущаго императора (salvo debito honore et reverentia dilecti filii nostri imperatoris futuri"), и даже просилъ Генриха назначить въ папы болѣе достойнаго и вѣрнаго, если найдется такого.

Аррагонію, Леонъ, Кастилію, Наварру, Францію, Англію, Да... Норвегію, Польшу, Венгрію, Далмацію и т. д. и т. д. и ... всѣхъ этихъ грамотахъ онъ ссылался на древній обычай, кот... раго, разумѣется, никогда и нигдѣ небыло. Нѣкоторыя госуда... ства (наприм. Франція, Леонъ, Кастилія, Наварра) совершен... отказались отъ подчиненія папѣ, другія, какъ Аррагонія, А... лія, Норвегія и Данія согласились на „ежегодный подарок... (подъ названіемъ „петровой лепты"), а не на подать и пр... заніе ленной зависимости,—и Григорій VII, при тогдашни... обстоятельствахъ, удовольствовался невполнѣ удовлетворитель... ми или даже отрицательными отвѣтами, потому что боялся р... сковать—уронить свое достоинство въ ссорѣ съ сильными и р... шительными противниками. Другое дѣло—съ Польшею, Венгріе... и Далмаціею! Послѣднею страною управлялъ герцогъ, которо... сильно хотѣлось сдѣлаться королемъ, и онъ обратился за эти... титуломъ къ Григорію VII, какъ нѣкогда венгерскій герцогъ Стефанъ къ Сильвестру II! Григорій исполнилъ его желаніе, но только подъ условіемъ присяги, на вѣрность, и—герцогъ, прельщенный блескомъ королевской короны, согласился. Далѣе Венгріею правилъ король Саломонъ, который для пріобрѣтенія себѣ, сильной защиты противъ своего совмѣстника, двоюроднаго брата—Іейзы, готовъ былъ поступить въ ленную зависимость отъ нѣмецкаго императора; но Григорій, утверждавшій, будто, чрезъ коронованіе Стефана въ 999 году, Венгрія сдѣлалась „папскимъ" леномъ, сталъ теперь такъ сильно и успѣшно поддерживать претендента Гейзу, признавшаго, конечно, господство папы, что Саломонъ остался побѣжденнымъ и вмѣстѣ съ престоломъ потерялъ и жизнь. Слѣдствіемъ этого было то, что Венгрія превратилась въ вассальное королевство, зависимое отъ папы. Что было съ Саломономъ, тоже случилось и съ Болеславомъ королемъ польскимъ или вѣрнѣе краковскимъ (съ своими тремя братьями онъ долженъ былъ подѣлить королевство и владѣлъ только краковскимъ округомъ), потому что, когда онъ отказался отъ уплаты римскому престолу требуемой „петровой лепты," и къ тому же имѣлъ несчастіе, поспоривши съ краковскимъ епископомъ Станиславомъ, убить его,—Григорій отлучилъ Болеслава отъ церкви, наложилъ на его государство интердиктъ и не успокоился до тѣхъ поръ, пока Болеславъ не бѣжалъ,

лишились своего царства. Между тѣмъ папа сталъ всѣми находившимися въ его распоряженіи средствами поддерживать брабѣжавшаго и даже короновалъ его, когда послѣдній призналъ ю зависимость отъ папы. Такъ поступалъ Григорій съ меньши государями, которые, по его сознанію, были ему подъ у; но скоро онъ отважился помѣряться съ величайшимъ мохомъ тогдашней Европы,—съ императоромъ и королемъ Герiи, разсчитывая, что если удастся ему одолѣть и этого на о станутъ смотрѣть тогда, какъ на владыку міра.

Какъ мы уже раньше сказали, Григорій VII домогался унисальной деспотіи, хотѣлъ государство подчинить церкви, и того прежде всего долженъ былъ сдѣлать духовенство соленно независимымъ отъ свѣтской власти. Относительно низю духовенства онъ имѣлъ въ виду достигнуть этого целибаъ (независимостію отъ семьи и общества), относительно римго епископа—коллегіею кардиналовъ (независимостію отъ ператора) и, наконецъ, относительно высшаго духовенства,—исконовъ и архіепископовъ—закономъ объ инвеститурѣ. О поднемъ надобно сказась нѣсколько словъ. Различныя епископія каѳедры, въ различныхъ странахъ Европы, съ теченіемъ емени, такъ щедро надѣлены были не только деньгами и угодья, но и землею и крестьянами, что вотчину епископа или арепископа всегда можно было назвать, въ большей или меньшей рѣ, княжествомъ. Въ силу господствовавшей тогда въ Европѣ феодальной системы, эти княжества имѣли не только права, и обязанности, какъ наприм., обязанность выставлять государству извѣстное число воиновъ и т. п., другими словами, епископскія владѣнья, какъ и другія княжества, были ленами, и такимъ образомъ епископы, до пріобрѣтенія права вступленія въ ою должность и пользованія доходами съ вотчины, должны были быть пожалованы леномъ отъ того, кто управлялъ государствомъ. Посвященіе (ordinatio) епископа или архіепископа имѣло значеніе чисто-церковное, но съ „посвященіемъ“ онъ еще не получалъ имѣнія, этимъ имѣніемъ могъ жаловать только король, въ Германіи, слѣдовательно, императоръ. Это пожалованіе, этотъ, такъ сказать, вводъ во владѣніе извѣстною вотчиною назывался „инвеститурою,“ или „облаченіемъ,“ поставленіемъ, отъ латинскаго investire.“

Цѣлыя столѣтія право этой инвеституры аббатовъ, епис- повъ и архіепископовъ безспорно принадлежало тогдашнимъ пр- вителямъ. На это право никто не претендовалъ, даже, напр- тивъ, и правители, и духовные, и папы находили это въ поря- кѣ вещей, а потому никто изъ избранныхъ въ епископы не п- лучалъ посвященія, пока не былъ пожалованъ „перстнемъ и же- ломъ“ (это были символическіе знаки: перстень означалъ обруч- ніе съ церковію, а жезлъ—пастырскую власть): уже само соб- разумѣлось, что желавшій пользоваться имѣніемъ, долженъ бы- выполнять и обязанности, лежавшія на имѣніи. Конечно, свѣтск- власть имѣла такимъ образомъ вліяніе на выборъ епископо- равно и послѣдніе, подобно свѣтскимъ вассаламъ, задавал- интересами болѣе мірскими, чѣмъ церковными или папскими, і тому что за ослушаніе передъ сузереномъ могли лишаться с- ихъ леновъ. По планамъ Григорія, всѣ такія отношенія дол- ны были измѣниться: должна была прекратиться зависимо- епископовъ отъ государства, и они должны были преслѣдов- одинъ интересъ, именно,—римско-церковный, папскій.

Въ самомъ дѣлѣ, Григорію VII было-бы легко достиг- этой цѣли, если бы онъ имѣлъ въ виду одни интересы р- гіи; стоило только возвратить всѣ мірскія владѣнія госуд- ству; но такая жертва была слишкомъ для него невозмо- а потому онъ лучше рѣшился попытаться насильственно от- у свѣтскихъ правителей право инвеституры, принадлежавшее цѣлыя столѣтія, согласное съ природою вещей и основанно- законахъ, чѣмъ опустить малѣйшую часть доходовъ и вл- ній церкви. Подлежащій манифестъ явился уже въ 1075 г- и главное содержаніе его состояло въ томъ, что, съ одной- роны „подъ страхомъ отлученія“ запрещалось всѣмъ безъ - ключенія мірянамъ давать инвеституру какому-бы то ни - клирику, а съ другой и всѣмъ духовнымъ „подъ страхомъ- рѣшенія“ навсегда возбранялось принимать изъ рукъ свѣтс- лица пожалованіе архіепископствомъ, епископствомъ, или а- ствомъ. „Епископы должны на будущее время быть избир- исключительно капитулами, а архіепископы епископами, ут- деніе же ихъ должно зависѣть отъ одного папы, такъ что- этимъ утвержденіемъ должно было соединяться и дарован- ва на владѣніе имѣніемъ, и слѣдовательно аббаты, еписк-

ихіепископы, на дѣлѣ, изъ вассаловъ королевскихъ обращались въ вассаловъ папскихъ, а государственные лены становились ленами церковными." Таково главное содержаніе дерзкаго манифеста, разосланнаго Григоріемъ чрезъ посредство легатовъ въ Германію, Францію, Испанію, Англію и т. д.,—съ строгимъ повелѣніемъ, чтобы всѣ епископы и правители не смѣли дѣлать отступленій отъ нового закона. Происхожденіе такого насильственнаго акта объяснялось единственно и исключительно тѣмъ, что этого требовало „благо церкви," такъ какъ другимъ способомъ нельзя было искоренить симоніи, съ какою получались церковныя мѣста, а потому, для прекращенія злоупотребленій, папа считалъ себя въ правѣ сдѣлать отступленіе отъ существовавшихъ законовъ и обычаевъ.

Между прочимъ, особенно вопіющи были злоупотребленія въ Германіи, озабочивавшія Григорія. Тамъ уже самъ Императоръ Генрихъ III нерѣдко „продавалъ" высшія церковныя должности и по крайней мѣрѣ за опредѣленіе къ церковнымъ должностямъ бралъ „приношенія". Онъ за-частую жаловалъ епископскими каѳедрами и такихъ, которымъ хотѣлъ доставить доходъ, нисколько не обращая вниманія на ихъ достоинство. Еще хуже шло дѣло при его преемникѣ и сынѣ Генрихѣ IV, который въ пятнадцать лѣтъ будучи объявленъ совершеннолѣтнимъ, по руководству своего фаворита, сумазброднаго графа Вернера, сталъ вести жизнь довольно распутную. Часто, когда не было ужъ денегъ на ставку, они играли на церковныя имѣнія и платили свои долги отдачею въ залогъ церковныхъ фундушей. Злоупотребленія, стало быть, были вопіющи, и возставать противъ нихъ лежало на обязанности папы. Но какъ Григорій VII принялся за исполненіе этой обязанности? Вмѣсто того, чтобы сдѣлать сообразное съ обстоятельствами измѣненіе законовъ и наказаній относительно симоніи, онъ себѣ самому присвоилъ то право, которое до сихъ поръ принадлежало свѣтскимъ монархамъ, чтобы въ будущее время лишить ихъ всякой возможности промышлять симоніею. Какихъ цѣлей посредствомъ этого хотѣлъ достигнуть Григорій, это лучше всего видно изъ того, что онъ въ одно и тоже время, когда стремился отнять у монарховъ право инвеституры и перевесть его на себя, поставлялъ въ обязанность архіепископамъ за извѣстную сумму пріобрѣтать палліумъ.

Словомъ, папа хотѣлъ господствовать исключительно и безраздѣльно въ церкви и государствѣ.

Во всѣхъ государствахъ, куда послалъ папа свой манифестъ, не обратили на него никакого вниманія, а монархи Франціи, Англіи и т. д. продолжали по прежнему давать инвеституру своимъ аббатамъ, епископамъ и архіепископамъ. Такъ отнесся къ этому дѣлу и король Генрихъ IV, но частію своимъ кипучимъ характеромъ и безпутнымъ поведеніемъ, частію самоуправствомъ съ баварцами и саксами онъ возбудилъ противъ себя явное неудовольствіе во многихъ имперскихъ князьяхъ (особенно въ архіепископахъ), которые даже поджидали благопріятнаго случая свергнуть его съ престола. На это то обстоятельство и разсчитывалъ Григорій, когда рѣшался начать споръ объ инвеститурѣ съ нѣмецкимъ монархомъ. И разсчетъ его былъ совершенно вѣренъ. Прежде всего онъ попробовалъ твердость почвы подъ собой тѣмъ, что объявилъ отрѣшеніе четыремъ нѣмецкимъ епископамъ, купившимъ себѣ мѣста, а пяти имперскимъ совѣтникамъ отлученіе отъ церкви за то, что они оказались продавцами; ихъ тутъ должно было рѣшиться, во первыхъ, осмѣлится—ли Генрихъ IV поднять брошенную папой перчатку, а, во вторыхъ, если онъ сдѣлаетъ это, единодушно ли перейдутъ нѣмцы на его сторону или нѣтъ? Первое случилось, именно: Генрихъ взялъ отлученныхъ и отрѣшенныхъ подъ свою защиту и пенялъ Григорію за его насильственный поступокъ; втораго же не произошло, потому что нисколько и ничѣмъ не обнаружилось единодушіе нѣмцевъ. Напротивъ, недовольные между князьями воспользовались случаемъ и, чтобы увеличить затруднительное положеніе Генриха, доносили папѣ о разныхъ его безпутствахъ, какъ бы тѣмъ самымъ поощряя римскій престолъ идти далѣе въ начатомъ направленіи. Теперь Григорій увидѣлъ, что дѣло его выиграно, и сорвавъ вдругъ маску, потребовалъ, чтобы Генрихъ уступилъ ему инвеституру жезломъ и перстнемъ и даже, чтобы къ началу 1076 г., нѣмецкій король явился въ Римъ, для оправданія предъ созваннымъ папой соборомъ въ своемъ худомъ поведеніи а также и по другимъ поступившимъ на него жалобамъ. Замѣчателенъ смыслъ этого требованія: „папа требовалъ своего леннаго государя къ себѣ на судъ и такимъ образомъ

ставилъ себя верховнымъ судіею королей, главою верховнаго главы нѣмецкаго государства".

Эта, до сихъ поръ неслыханная заносчивость, такъ раздражила Генриха, что онъ легатовъ, вручившихъ ему папскую повѣстку, съ позоромъ прогналъ отъ себя, и циркуляромъ, въ которомъ излагалось положеніе дѣла, приглашалъ всѣхъ епископовъ и архіепископовъ своего государства, на 24 Іюня 1076 г., на соборъ въ Ворисъ „для обсужденія мѣръ какъ лучше избавить церковь отъ тиранства человѣка, который хочетъ быть всемірнымъ деспотомъ". Соборъ состоялся и былъ чрезвычайно многочисленъ. Архіепископъ трирскій Энгельбертъ съ вердюнскимъ епископомъ Ѳеодорикомъ и кардиналомъ Бенономъ (онъ былъ личный врагъ Григорія) такими красками изобразили на этомъ соборѣ дѣянія папы, что его „какъ симониста, прелюбодѣя, убійцу, безбожника и чародѣя единогласно объявили отрѣшоннымъ". Получивъ такой логическій отвѣтъ на свой заносчивый вызовъ, Григорій поразилъ короля Генриха проклятіемъ, во имя апостола Петра, разрѣшилъ подданныхъ его отъ присяги и наконецъ, постановилъ, что нѣмецкій король развѣнчанъ, такъ какъ въ отлученіи короля заключается его свержепіе съ престола.

Такъ, отрѣшеніе на отрѣшеніе, проклятіе на проклатіе! Въ одномъ мѣстѣ слышалось „Sacerdotium, т. е. церковь," въ другомъ, Imperium т. е. божественное право королей".

Впрочемъ никакого сомнѣнія не было бы, кому достанется пальма побѣды, если бы на исходъ этого дѣла не имѣлъ огромнаго вліянія страхъ проклятія и его ужасающихъ послѣдствій. А тутъ еще стали на каждомъ шагу появляться разосланные папой прислужники, впушавшіе народу, что всѣ и каждый обращающіеся съ отлученными прокляты и въ сей и въ будущей жизни. Вездѣ стали проповѣдывать папскіе легаты, что кто станетъ поддерживать дѣло Генриха, подобно ему будетъ отлученъ и долженъ будетъ лишиться всего своего имущества. Разстройство со дня на день увеличивалось, всѣ до того обезумѣли, что никому не приходило и на мысль спросить: да въ правѣ ли папа произносить отлученіе, когда споръ касался чисто мірскихъ дѣлъ, а не церковныхъ! Даже собственная мать Генриха, благочестивая Агнесса, жившая уже въ монастырѣ, такъ возмущена была въ своей совѣсти проклятіемъ папы, что пошла

противъ сына, тоже самое сдѣлала и его тетка герцогиня Беатрисса. Въ концѣ концовъ у Генриха только и осталось друзей, что епископъ утрехтскій и лотаринскій герцогъ Годфридъ, которые одни знали уже тогда какъ надобно смотрѣть на отлученіе. Главнѣйшіе изъ недовольныхъ Генрихомъ, и прежде всего герцоги—Вельфъ баварскій, Бертольдъ каринтійскій и Рудольфъ швабскій, желая неблагорасположеніе къ Генриху обратить въ свою пользу, октябрь 1076 г., назначили княжескій сеймъ въ Трибурѣ и постановили на этомъ сеймѣ „отрѣшеніе Генриха, если въ теченіи года не будетъ снято съ него проклятіе."

Вотъ какія ужасныя были послѣдствія папскаго отлученія! Всѣ оставили короля, отворотились отъ Генриха, и имъ овладѣло такое страшное отчаяніе, что онъ ничего лучшаго не придумалъ, какъ отправиться въ Италію и молить папу о прощеніи. Среди жестокой зимы, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лишь служителей, подвергаясь ежеминутной опасности быть погребеннымъ подъ льдомъ и снѣгомъ, перешелъ онъ Монтсеннисъ и въ началѣ января прибылъ въ Ломбардію. Здѣсь съ величайшею радостію встрѣтили его ломбардцы, думавшіе, что, онъ пришелъ наказать папу.

Такъ какъ и епископы, и все населеніе востороженно приняли его сторону, то онъ могъ бы идти на Римъ во главѣ многочисленнаго войска, если бы только въ состояніи былъ освободиться отъ своей душевной летаргіи. Самъ папа намѣревался, вмѣстѣ съ графиней Матильдой, отправиться на имперскій сеймъ въ Аусбургѣ (куда приглашали его недовольные императоромъ нѣмцы), когда получилъ извѣстіе о прибытіи Генриха въ Миланъ, и такъ какъ онъ вовсе не ожидалъ встрѣтить въ немъ покорнаго просителя (такимъ простякомъ онъ не могъ и считать его), а скорѣе ожесточеннаго врага, то поспѣшно бѣжалъ съ Матильдою въ замокъ Каносса, чтобы укрыться за его крѣпкими стѣнами. Но, какъ уже сказано, бѣдный Генрихъ прибылъ въ Италію не повелителемъ и королемъ, а смиреннымъ и покорнѣйшимъ слугою церкви, и—потянулся вслѣдъ за папой къ Каноссѣ, чтобы тамъ въ пеплѣ и вретищѣ принесть покаяніе и вымолить разрѣшеніе. Въ самый замокъ его не впустили, а только во дворъ, между внѣшними и внутренними стѣна-

ми, гдѣ стоялъ онъ во власяницѣ, съ открытою головой и босыми ногами, безъ пищи и питья цѣлые три дня и три ночи, съ 25 до 28 января 1077 г., пока наконецъ Григорій, снисходя къ просьбамъ Матильды и кардинала Куно, не умилостивился надъ нимъ и не даровалъ ему разрѣшеніе. Впрочемъ, Григорій разрѣшилъ его не „безусловно", но отсрочивалъ такое разрѣшеніе до имперскаго сейма, предъ которымъ Генрихъ долженъ былъ дать отвѣтъ на всѣ взведенныя на него жалобы. „Только послѣ этого торжественнаго оправданія и подъ условіемъ послушанія и покорности папѣ обѣщано ему было возвращеніе короны и скипетра".

Никогда еще никакой повелитель не былъ никѣмъ такъ униженъ, какъ Генрихъ IV Григоріемъ VII. Бравые ломбардцы стыдились за него и говорили ему это прямо въ лицо. Тутъ пробудилось въ немъ сознаніе своего униженія, онъ ободрился и на собраніи ломбардскихъ сословій объявилъ торжественно, что отмститъ свой стыдъ. Обрадованные такою мужественною рѣшимостію, ломбардцы тотчасъ представили въ его распоряженіе довольно значительное войско. Между тѣмъ недовольные Генрихомъ въ Германіи, въ его отсутствіе, 15 марта 1077 г. на княжескомъ сеймѣ въ Форшгеймѣ, по совѣту и настоянію Григорія VII, избрали королемъ герцога швабскаго Рудольфа, и папа, разумѣется, подъ условіемъ отрѣченія отъ права инвеституры, призналъ его въ новомъ достоинствѣ. Генриху слѣдовало какъ можно поспѣшить въ Германію, чтобы свергнуть антикороля, и для этого ломбардцы дали ему и деньги и войско.

Кромѣ того въ Германіи, особенно въ имперскихъ городахъ, такъ были раздражены неслыханною заносчивостію и притязаніями Григорія, что со всѣхъ сторонъ подъ знамена королевскія стекались недовольные папой. Даже большая часть епископовъ перешла на его сторону, такъ какъ папа сталъ дѣлаться для нихъ „ужаснымъ", и на государственномъ сеймѣ въ Ульмѣ Рудольфъ швабскій, Вельфъ баварскій и Бертольдъ каринтійскій, по аллеманскимъ законамъ, признаны были и объявлены виновными въ оскорбленіи величества. Съ этихъ поръ началась борьба, которой не суждено было окончиться съ жизнію Генриха и которая повергла всю Германію въ отчаянное положеніе.

Три раза былъ побѣждаемъ Генрихъ, главнымъ образомъ благодаря храбрости и воинскому искусству, Оттона нордгеймскаго въ первый разъ 7 августа 1078 г., при Меллърихсштадѣ, второй разъ, 27 января 1080 г. при Фладенгеймѣ, и третій— 15 октября, тогоже года, при Мользенѣ, недалеко отъ Мерзсбурга, и папа уже думалъ что Генрихъ не оправится отъ такихъ ударовъ: поэтому онъ снова поразилъ его отлученіемъ и послалъ антикоролю Рудольфу корону съ знаменитою надписью: „Petra dedit Petro, Petrus diadema Rudolpho“. Между тѣмъ школа жизни сдѣлала Генриха болѣе мужественнымъ и рѣшительнымъ, и онъ, не смотря на военныя неудачи, продолжалъ борьбу, а когда въ послѣднемъ сраженіи палъ самъ Рудольфъ, онъ получилъ даже перевѣсъ надъ своими противниками. Объ отлученіи онъ ужъ и недумалъ, а помышлялъ только о томъ, какъ бы отмстить папѣ за свой позоръ.

Поэтому онъ созвалъ соборъ въ Майнцѣ и вскорѣ потомъ другой въ Бриксенѣ, и на обоихъ Григорій единогласно былъ отрѣшенъ и въ тоже время назначенъ папой равенскій архіепископъ Гвибертъ, принявшій имя Климента 11. О такомъ опредѣленіи Генрихъ извѣщалъ своего страшнаго врага указомъ, начинавшимся слѣдующими словами: „Генрихъ, Божіею милостію король, Гильдебранду уже не папѣ, а лжемонаху“, и готовился за тѣмъ осуществить свою месть и посадить новаго папу.

Разумѣется, и Григорій не сидѣлъ сложа руки, но отлучилъ Генриха въ третій разъ (по поговоркѣ: двойной, тройной шовъ крѣпче), проклялъ новаго папу (на что и этотъ отвѣчалъ тѣмъ же), и приглашалъ своихъ союзниковъ—графиню тосканскую Матильду и неаполитанскаго герцога Роберта Гвискарда помочь ему войскомъ, а самъ между тѣмъ привелъ Римъ въ возможно лучшее оборонительное положеніе.

Но все это не остановило Генриха въ его намѣреніи и весной 1081 года Генрихъ съ сильнымъ войскомъ перешелъ Альпы. Походъ его уподоблялся тріумфальному шествію, и къ Троицину дню онъ стоялъ уже передъ Римомъ, разбивши армію Матильды (Робертъ Гвискардъ остался нейтральнымъ). Городъ, впрочемъ, оборонялся такъ мужественно, что только чрезъ три года, въ мартѣ 1084 г. императору удалось вступить въ него. Гильдебрандъ заключился въ крѣпкій замокъ св. Ангела, а Генрихъ

лператскомъ дворцѣ, возвелъ Климента на папскій престолъ сам торжественнѣйшимъ образомъ былъ коронованъ имъ въ кви св. Петра императорскою короною.

Между тѣмъ недовольные въ Германіи, 9 августа 1081 г., рали антикоролемъ люксембугскаго графа Германа, извѣстнаго ъ именемъ „чесночнаго короля“, и этотъ до того сталъ уситься, что Генрихъ принужденъ былъ воротиться въ Германію, лвши замка св. Ангела. Тогда Григорій еще разъ убѣльно сталъ просить герцога Роберта Гвискарда о помощи, тотъ, видя, что оставленное Генрихомъ войско несильно, шилъ въ Римъ и освободилъ папу. Но, по норманскому обыне, остановилъ своихъ воиновъ отъ разграбленія вѣчгорода, на что римляне такъ разсвирѣпѣли, что лишь тольступилъ Робертъ Гвискардъ, они возстали противъ Григои принудили его бѣжать изъ города. Это случилось осенью 1 г. и папа поэтому увидѣлъ себя въ необходимости искать ища у норманновъ. Оттуда онъ еще разъ грянулъ своимъ юмъ на Генриха и его приверженцевъ, но вскорѣ за тѣмъ, ая 1085 г., умеръ еще прежде чѣмъ Робертъ приготовилъ новому походу на Римъ. На смертномъ одрѣ, когда чувствовать приближеніе послѣдняго часа, Григорій разлъ всѣхъ, которыхъ онъ отлучалъ и проклиналъ при жиза исключеніемъ только императора Генриха и антипапы ента, потому что ненависть къ нимъ онъ хотѣлъ унесть бой и на тотъ свѣтъ!

'акъ кончилъ Григорій VII, много безславнѣй, чѣмъ наСамаго могущественнаго монарха видѣлъ онъ у своихъ ногъ, юднѣйшее царство вовлекъ въ непримиримую борьбу, сотни ь по его милости умерли насильственною смертію, но свое ю дѣло, созданіе папской универсальной деспотіи долженъ оставитъ неоконченнымъ и даже самъ умеръ въ изгнаніи, ю Наполеону! Вѣрный портретъ его можно видѣть въ церк. Северія въ Неаполѣ. Въ лѣвой рукѣ пастырскій жезлъ, авой бичь, глаза сверкающіе, лицо красное, гнѣвное:—поля противоположность смиренію!!

Б.

(Окончаніе будетъ).

III.

О ВНОВЬ ВЫШЕДШЕЙ ВЪ СВѢТЪ
КНИГѢ КАГАЛА.
Сочиненіе Я. Брафмана [1]).

На дняхъ довелось намъ читать давно ожидаемую кни-
носящую заглавіе „Книга Кагала“, сочиненія г. Браф-
а, который уже извѣстенъ своими трудами по еврейско-
вопросу. Спѣшимъ подѣлиться съ читателемъ нѣкото-
ми замѣчаніями о достоинствахъ этой книги, далеко остав-
ющей позади себя все пестрое множество статей и бро-
ръ о евреяхъ. Это трудъ новый, небывалый, затронув-
і непочатую еще доселѣ область изслѣдованія—органи-
ію еврейскихъ общинъ—и, благодаря рѣдкому знаком-
ƒ автора со всѣми сторонами еврейской жизни и богат-
ƒ собранныхъ данныхъ, мы, безъ преувеличенія можемъ
зать, что „Книга Кагала“ представляетъ осмысленную
вдивую картину еврейскаго быта съ его вѣковыми не-
ами и немощами. Она, по своему содержанію, дѣлится
двѣ части: одна содержитъ въ себѣ 285 документовъ и
тановленій кагальнаго управленія, а въ другой заклю-
тся 17 объяснительныхъ примѣчаній, служащихъ необ-
имымъ дополненіемъ, или вѣрнѣе, ключемъ къ ясному
иманію самыхъ документовъ, которые впервые являются
вѣтъ изъ архивной кагальной пыли. Тутъ раскрывает-

---

[1]) Изъ 30 № Вил. Вѣст. за 1870 годъ. Тому же автору, т. е.
рафману принадлежитъ и другое замѣчательное сочиненіе:
рейскія братства мѣстныя и всемірныя“. Вильна, 1869.
Ред.

ся передъ нами все талмудическое царство, считавшее до сихъ поръ terra incognita,—его отдѣльныя учрежденія административныя, судебныя, воспитательныя и всякія; и получаемъ вѣрные очерки всѣхъ этихъ учрежденій, знакомимся не только съ ихъ внѣшнимъ видомъ, но и внутреннею обстановкой, съ началами, законами, даже обычаями лежащими въ ихъ основѣ, а что всего важнѣе, съ самою жизнью евреевъ, слагающеюся изъ этихъ элементовъ. Вся талмудическая обстановка, которая, невидимою, но вмѣстѣ съ тѣмъ непроницаемой перегородкой отдѣляетъ евреевъ отъ остальнаго міра, разоблачается въ настоящемъ своемъ видѣ, въ естественныхъ своихъ размѣрахъ, обнаруживая при этомъ всѣ свои гноящіяся болячки, отравляющія не только жизнь евреевъ, но разными путями, и жизнь не евреевъ. И все это говорится не умозрительно, голословно, бездоказательно, а языкомъ фактовъ, данныхъ, въ которыхъ слышится и чуется пульсъ жизни, біеніе дѣйствительности.

Съ научной стороны „Книга Кагала" представляется какъ громадный археологическій трудъ, требовавшій, кромѣ совершеннаго знанія жизни евреевъ, тщательныхъ внимательныхъ изслѣдованій, рѣдкаго терпѣнія и трудолюбія. Для оцѣнки книги съ этой научной стороны, мы не имѣемъ никакихъ средствъ, ибо книга эта первая въ своемъ родѣ и спеціалистовъ въ подобномъ родѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, въ той литературѣ, которая не боится Божьяго свѣта. Мы не можемъ быть судьею съ научной стороны „Книги Кагала" какъ по изложенной причинѣ, такъ и потому, что насъ смущаетъ, признаться, жалкая роль г. нѣкоего рецензента „Еврейскихъ братствъ" г. Брафмана, въ газетѣ „День", который, горя желаніемъ разгромить разбираемое имъ сочиненіе, ловко отлыниваетъ отъ серіозныхъ доказательствъ и замѣняетъ ихъ кажущимися *ему* сомнѣніями и шутками. Въ силу сего, мы скажемъ только нѣсколько словъ объ отношеніяхъ этой замѣчательной книги къ еврейскому вопросу, занимающему въ настоящее время наше правительство и русское общество. Съ того времени, какъ журналистика, желая содѣйствовать благимъ стремленіямъ правительства—уничтожить еврейскій закоснѣлый сепаратизмъ

и другія сорныя плеведы, къ счастію самихъ евреевъ и остальнаго населенія, занялась еврейскимъ вопросемъ, было написано много очень много статей, высказалось очень много разнообразныхъ мнѣній о евреяхъ. Но всѣ эти сужденія вращались только въ теоретической сферѣ, въ разныхъ препирательствахъ pro и contra, и ничего больше. Правда, набиралось все болѣе и болѣе указаній на вредныя проявленія еврейскихъ особенностей, порицались многія темныя явленія, но вѣдь согласитесь, что этого недостаточно, даже весьма недостаточно. Тянуть, постоянно тянуть одну и туже заунывную пѣснь о различной вредности евреевъ безполезно, мало того — вредно, въ такомъ серіозномъ, жизненномъ и насущномъ дѣлѣ, какъ еврейскій вопросъ. Подобное созерцательное отношеніе къ замѣчаемымъ уродливостямъ не могло привести ни къ какому существенному, плодотворному результату, не могло съ точностію указать на корень зла, причины ненормальности. „Книга же кагала" совершенно сводитъ еврейскій вопросъ съ туманной выси теоріи и ставитъ его на реальную, практическую почву. Вотъ почему ее можно привѣтствовать, какъ *первую* удачную попытку положительнаго, трезваго изученія вопроса на его самородной почвѣ, чѣмъ она представляетъ жгучій, жиротрепещущій интересъ дня. Прислушиваясь къ непререкаемому голосу документовъ, становящемуся еще болѣе внятнымъ отъ объяснительныхъ примѣчаній, мы узнаемъ, просто ощупываемъ ту калѣчащую, надламывающую совѣсть, правильныя, человѣческія отношенія евреевъ силу, которая всегда и вездѣ вносила ядовитую струю во весь строй жизни тѣхъ странъ, гдѣ имѣли только свое пребываніе. Сила эта воплощена въ пагубной организаціи еврейскихъ общинъ, или, какъ справедливо называетъ ее авторъ, талмудическо-муниципальной республикѣ, которая, прикрываясь различными благообразными и невинными вывѣсками, таитъ внутри себя цѣли и стремленія, идущія совершенно въ разрѣзъ съ правильными отправленіями всякаго благоустроеннаго государства и общества. Она и только она опутала жизнь евреевъ сепаратистически-талмудическими путами была главной

виновницей исторической недоли евреевъ, вѣчно существующаго противъ нихъ неудовольствія, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ. Мы согласились съ авторомъ, что „причины гоненій и бѣдствій, постигавшихъ евреевъ въ разныхъ странахъ и разныя эпохи, равно и того поразительнаго явленія, что гражданскія права, пріобрѣтенныя ими, часто у нихъ отнимались, выясняются этою книгою до очевидности. Онѣ лежатъ въ самомъ іудѣйствѣ, въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ.... Эти учрежденія составляютъ ту искусно-сотканную организацію, во главѣ коей стоитъ *кагалъ*, имѣющій диктаторскую власть надъ еврейской массой, вторгаясь своимъ деспотическимъ уставомъ во всѣ сферы жизни еврея. Тяжелое чувство щемитъ сердце, когда читаешь документы, свидѣтельствующіе о той рабской кабалѣ, въ которой находится еврей у могучаго и безапелляціоннаго кагала. Послѣдній распоряжается по своей доброй волѣ не только имуществомъ, достояніемъ своихъ подданныхъ, назначаетъ, какіе угодно, поборы и налоги, но запускаетъ даже свою дерзскую и нахальную руку въ самыя неприкосновенныя права человѣка, какъ напр., супружескія отношенія, эксплуатируя ихъ тоже въ свою пользу. Однако кагалъ не довольствуется еще такою широкою властью надъ евреями: онъ посягаетъ даже на права не-евреевъ, живущихъ въ его раіонѣ. Дикія и странныя начала „хазака“ и „мероніе“ представляютъ кагалу возможность—продавать еврею права на эксплуатированіе собственности христіанина, государства, даютъ ему какъ бы средство задабривать угнетенную еврейскую массу за свои хищническія затѣи. Кагалъ не признаетъ общихъ, государственныхъ законовъ; въ основаніи его лежитъ талмудъ, который даетъ ему полное право расходиться по широкому раздолью „личнаго благоусмотрѣнія“; и потому понятно, что онъ есть самый мужественный, геройскій піонеръ сепаратистически-талмудическаго знамени и всѣхъ его прелестныхъ атрибутовъ. Держа еврейскую массу въ талмудическихъ тискахъ, онъ съумѣлъ для упроченія прибыльнаго для него господства талмуда, съ помощью разныхъ закулисныхъ нечистыхъ средствъ, какъ, напр., фак-

торовъ, лжесвидѣтелей, и. т. п., обратить въ своего вѣрнаго пособника и мѣстную власть. Искусно замаскировавъ свои злые умыслы различными благовидными ширмами, кагалу напр., удалось завалить налогами самыя необходимыя потребности, и сдѣлать мѣстную полицію, посредствомъ учрежденія коробочнаго сбора съ мяса, строгой охранительницей отъ нарушенія самой крошечной мелочи талмудическаго закона о кошерѣ и трефѣ. Примѣчанія II IV выводятъ на чистоту такія продѣлки кагала, по милости которыхъ еврей, отшатнувшійся на іоту отъ предписаній кагала, можетъ быть отомщенъ своимъ повелителемъ самымъ свирѣпымъ образомъ, и некому будетъ даже жаловаться.—Кромѣ кагала, главной теплицы плѣсени и глины, покрывающей еврейскую почву, есть еще многія учрежденія, тоже стоящія, на стражѣ талмудическихъ идеаловъ, смотрящія въ оба, чтобы евреи жили отдѣльно. Всѣ эти учрежденія отчетливо изображенныя въ „Книгѣ Кагала", на основаніи документальныхъ данныхъ, не имѣютъ никакой солидарности съ народомъ, т. е. еврейскою массой, которая совершенно забита, затерта, унижена и оскорблена своею аристократіею, главною представительницею драконовскаго кагала и подвѣдомственныхъ ему низшихъ учрежденій. Вся книга есть какъ бы рѣзкій, вопіющій протестъ противъ кагальнаго праленія несчастной массы еврейскаго народа, оплеванной и попранной въ своихъ неотъемлемыхъ, человѣческихъ правахъ. За нею, нечего грѣха таить, водится совсѣмъ мало гражданскихъ добродѣтелей, но въ томъ вина не ея. Невеселая, мрачная картина, которая представляется во всю свою полноту передъ глазами каждаго, умѣющаго прочувствовать суровыя, грусть наводящія ноты документовъ и примѣчаній, содержитъ въ себѣ много штриховъ, которыми рисуется печальный ликъ еврейскаго люда. Въ средѣ его творятся многія гадкія безобразія; тьма кромѣшная суевѣрій, фанатизма, извращенныхъ понятій обуреваетъ многія тысячи еврейскихъ головъ, но нравственная отвѣтственность за всю эту неурядицу падаетъ исключительно только на еврейскія учрежденія, на еврей-

ское представительство. Онѣ ввели народъ въ сепаратическія дебри, взвалили на его схудалыя плечи тяжелую ношу талмуда; и наконецъ, онъ, изнеможенный, обезсиленный и безотвѣтный,—покорился своей горькой долѣ, застрявши въ глубокой и топкой трясинѣ, обведенной вокругъ въ образѣ разныхъ отдѣльныхъ учрежденій, китайскою стѣною отъ прочаго міра. На этомъ основаніи, мы твердо убѣждены, что русское общество, прочитавъ книгу г. Брафмана, которая первая *фактически* доказала пассивную роль еврейской массы въ разыгрывающейся житейской драмѣ между еврейскимъ и христіанскимъ міромъ, не броситъ въ него камнемъ и не отвернется отъ него съ презрѣніемъ.

Ужасъ, какъ тупо, безтолково, безалаберно сложился бытъ этого народа: виноватъ, стало быть, не онъ, а сама организація его, процвѣтающая, благодаря ухищреніямъ этихъ псевдо-либеральныхъ образованныхъ евревъ. И такъ „Книга Кагала" не произноситъ обвинительнаго приговора противъ евреейской массы, не возбуждаетъ къ ней презрѣнія, а призываетъ облегчать участь этой массы, которую аристократическія организація заставляетъ сидѣть въ потемкахъ, въ видахъ своего собственнаго благоденствія и процвѣтанія. Мы знаемъ, что многіе, корчащіе изъ себя передовыхъ евреевъ, бросятъ камень въ названную нами книгу, но это будетъ изъ стана, служащаго, какъ говорится, Богу и мамонѣ, отъ нихъ впрочемъ, ничего другаго нельзя ожидать, какъ отъ людей, свой грошевый интересъ ставящихъ выше общестненнаго блага и интереса своихъ единовѣрцевъ.

Я. Братинъ.

IV.

ДОЧЬ ЭМИГРАНТА [1]).

(Окончаніе).

VII.

Прошло два мѣсяца послѣ разговора Голубкова съ Топоровымъ, описаннаго въ прошлой главѣ,—и дѣла моихъ героевъ значительно подвинулись впередъ. Какъ ни былъ робокъ и застѣнчивъ Николай Ивановичъ въ присутствіи Елены, однако, ободряемый толчками и многозначительными взглядами Максима Максимовича осмѣлился, заикаясь, признаться ей въ любви. Хотя Елена Михайловна инстинктивно чувствовала, что когда либо это должно было наступить,—однако, въ первую минуту неожиданнаго признанія, она сильно покраснѣла и сконфузилась. Къ счастію, прелестная Annette Холевка, съ нѣкоторыхъ поръ возымѣвшая сильную претензію на Николая Ивановича и, по этому поводу, ни на шагъ не отступавшая отъ Елены въ обычныхъ ея прогулкахъ, на этотъ разъ была отвлечена отъ влюбленной пары Максимомъ Максимовичемъ, который безцеремонно взялъ ее подъ руку и увлекъ впередъ отъ Голубкова; чтобы старой дѣвѣ впослѣдствіи не было чѣмъ пикировать Елену въ минуту сплина, который часто посѣщалъ ее.

Елена, не подражая тѣмъ дѣвицамъ, которыя въ подобныхъ обстоятельствахъ любятъ разыгрывать патетическія сцены, откровенно, хотя и застѣнчиво, призналась, что она также любитъ Николая Ивановича; что много чрезъ это страдаетъ и раз-

---

[1]) См. Вѣст. зап. Россіи, книж. 12, 1869 г.

сказала сцену разыгравшуюся у них въ домѣ. Голубковъ былъ на верху блаженства. Онъ любимъ и любимъ сильно такою умною дѣвицею! Но, къ его счастію примѣшивалась и порядочная доза горести. Справедливо кто то сказалъ: на землѣ нѣтъ полнаго счастія. Елена страдаетъ отъ фанатизма отца и страдаетъ изъ-за него. Нужно скорѣе привесть дѣло къ концу; нужно скорѣе вырвать ее изъ этой мертвящей среды и пересадить нѣжное разстеніе на иную почву, гдѣ бы оно могло безъ помѣхи расти и впослѣдствіи принесть полезные плоды. Много плановъ завертѣлось въ головѣ Голубкова; но всѣ они приводили его къ одному результату, что дѣло нужно скорѣе довести до свадьбы. И тутъ пылкому юношѣ живое воображеніе рисовало картину счастливой семейной жизни, подлѣ умной, красивой и любимой жены. Правда, нога почти одна.... Но что за дѣло до ноги! Развѣ нельзя любить женщину съ вывихнутой, ногой? Иное дѣло, еслибы у нея въ головѣ замѣтенъ былъ вывихъ.

Такъ думалъ онъ и рѣшился хлопотать о повышеніи по службѣ, чтобы милая Елена, сдѣлавшись его женою, хоть въ необходимомъ не терпѣла нужды.

Максимъ Максимовичъ по медвежьи ухаживалъ за Холевкою, чтобы зоркій глазъ хищной птицы отвлечь отъ влюбленныхъ. Это удалось ему, потому что Холевка, со всѣмъ пыломъ тридцати-пяти-лѣтней дѣвы, стала кокетничать съ нимъ и съ наступленіемъ сумерокъ увлекала его въ темныя уединенныя аллеи сада.

Михаилъ Ружанко еще болѣе бранилъ азіятскихъ пришельцевъ, явившихся въ сѣверо-западный край съ миссіонерскою цѣлью обрусѣнія. Пани Ружанко бранила мужа за его сумазбродничанье и хвастала по прежнему предъ Зайковскою знакомствомъ съ виконтами, маркизами. Она разсказывала Холевкѣ, что въ просвѣщенной и цивилизованной Франціи не водятся разбойники, подобные Ринальдо-Ринальдини,—когда Холевка спросила ее о томъ, вспомнивъ, что нѣкогда читала о подвигахъ знаменитаго бандита, но позабыла мѣсто его похожденій.

Теперь посмотримъ, что подѣлываетъ пани капитанова Трибухова.

Послѣ ухода друзей на прогулку, Марья Ивановна находилась долго въ глубокомъ раздумьи. Наконецъ, вспомнивъ объ

ужинѣ, она отправилась въ кухню, гдѣ ея навѣрсница, повѣренная и кухарка,—заключавшіеся въ одной недурненькой но глупой личности, блондинкѣ Магдѣ (Магдалена)—разводила на комину [1]) огонь.

— Что ты, моя кохана Магдуся, думаешь сегодня готовить на ужинъ?

— Тржеба [2]) картофель въ мундирахъ [3]) отварить. Только мало у насъ картофеля.

Ничего что мало. Лишъ бы мужчинамъ хватило на ужинъ. Олинькѣ можно дать хлѣба съ чаемъ, и ты напьешься гербаты съ хлѣбомъ....Паненки должны мало ѣсть (Магда была дѣвушка), чтобы тоньше быть; чтобы кавалеры сильнѣе любили. За то какъ выйдете за мужъ, то мужья васъ откормятъ.

Магда ничего не отвѣтила на эту логику. Не извѣстно, можетъ быть въ душѣ она раздѣляла мнѣніе пани, но смѣло можно предполагать, что подобная логика сильно не нравилась ея желудку.

Обѣ собесѣдницы задумались.

— Мнѣ кажется, заговорила Марья Ивановна,—что нашей Олинькѣ придется нынче зимою выдти за мужъ.

— Что жъ ее держать! И хвала Богу, если найдется женихъ.

— Не женится-ли только на ней Голубковъ? что ходитъ къ нашему Максиму Максимовичу. Сегодня онъ такъ внимательно прислушивался, когда въ разговорѣ съ ними я упомянула про Ольгу.... Даже все приданое ея осмотрѣлъ.

— То и хвала Богу!.... Только наша паненка ужасно дика съ чужими мущинами.

— Тржеба будетъ ее помуштровать [4]).

— Слѣдовало бы и пани подумать о мужѣ. И не такія, якъ [5]) пани выходятъ за мужъ!.... Съ мужемъ лучше жить, мущина въ домѣ есть,—есть кому кормить.

— Если бы мнѣ и теперь зашнуроваться, задумчиво и вслухъ мечтала Марья Ивановна,—то буду тоньше Оленьки.

Наступило молчаніе.

---

[1]) Каминъ. [2]) Нужно [3]) Въ мундирахъ (въ скорлупѣ).
[4]) Погонять. [5]) Какъ.

Твои же дѣла съ Ясемъ [1]) какъ идутъ?.... Скоро ли ты замужъ пойдешь? спросила капитанова.

— Э, цо [2]) тамъ Ясь!, рѣзко отвѣчала Магда,—паскудство [3]). Давно его не видѣла. Ужо я не люблю Яся. Теперь гораздо лучшій у меня есть.... Мой Юзя [4]) обѣщалъ ко мнѣ въ воскресенье въ гости придти, на чай. Пріидется закуску подать. Нужно котлеты съ горошкомъ приготовить.... Я попрошу, паню, дать мнѣ два рубля изъ моего жалованья.... Нужно будетъ принять его, какъ слѣдуетъ. Онъ красивѣе Яся.... И кто же Ясь? Лакей, изъ гостинницы Нишковскаго! А Юзя, говоритъ, будетъ чиновникомъ: онъ поступаетъ, по вольному найму, писцемъ въ кварталъ. Онъ очень красиво пишетъ.

— Моя коханенькая Магдуся, сходи завтра къ соркѣ разнощицѣ и проси, нѣтъ ли у нея въ продажѣ чорнаго шолковаго платья къ таліи, со шлейфомъ, на мой ростъ. Пусть принесетъ мнѣ показать. Хочу купить себѣ шолковое платье, и куплю себѣ ботинки съ холевками [5]). Теперь они въ большой модѣ.... Коротенькое платье имѣю....

— Что то пани начинаетъ франтить! лукаво произнесла Магда.

— Не смѣйся, Магда. Я еще не такъ стара.... Тогда засмѣешься, когда къ вѣнцу станешь меня одѣвать, тоже лукаво отвѣчала Марья Ивановна.

— И хорошо пани сдѣлаете. Я давно это совѣтую.... Но кто жъ бы могъ?...

— Скажу тебе, но только, помни, Магда, подъ большимъ секретомъ: не только Ольга, но и я ныньче выйду за мужъ. Это вѣрно.

— Кто-жъ бы такой могъ быть?

— Еще скажу подъ секретомъ: нашъ Максимъ Максимовичъ очень и очень посматриваетъ на меня. Мнѣ кажется, онъ сильно влюбленъ въ меня,—меланхолически закончила Марья Ивановна.

— Езусъ, Марія, Юзефъ!! Магда всплеснула руками отъ удивленія.

— Развѣ я ему не пара?

---

[1]) Ласкательное Иванъ. [2]) Что. [3]) Дрянь.

[4]) Ласкательное—Осипъ. [5]) Съ голенищами.

— Кто же говоритъ, что вы ему не пара.

— Или онъ меня не стоитъ?!... Правда, не очень онъ кра-, не очень гржечный [1]); грубоватъ. За то очень умный; съ съ голода не умрешь.

И точно, Марья Ивановна была искренно убѣждена, что iее влюбленъ Топоровъ, что она выйдетъ за него замужъ и Ольга непременно тоже выйдетъ за мужъ за Голубкова.— ько нужно помуштровать ее, чтобы съ ними она не была такъ а! думала она. Откуда въ ней родились подобныя соображе— не извѣстно.

Уходя изъ кухни, Марья Ивановна напоминала Магдѣ о евкѣ Соркѣ и добавила:

— Поментай [2]), Магдусенька, Максиму Миксимовичу отбери нѣйшiй и лучшiй картофель.

VIII.

Съ первыхъ дней послѣ переѣзда на квартиру Трибуховой, юровъ познакомился съ девицею Людмиллою Родкевичъ, коая часто посѣщала Олиньку и Марью Ивановну. Людмил- Родкевичъ была сиротою. Бѣдняки—родители ея умерли зно, когда она была еще ребенкомъ, оставивъ ее на рукахъ ди ея по отцѣ, Игнатiя Родкевичъ. Разбитый параличемъ, натiй Родкевичъ доживалъ или, лучше сказать долеживалъ кровати, съ которой недугъ не позволялъ ему подняться,— татокъ дней своихъ въ крохотномъ фольваркѣ Виленской гурнiи. И вотъ, подлѣ больнаго старика, терпя во всемъ нестатокъ, росла Людмилла. Наступило время воспитанiя; Игтiй Родкевичъ, съ неразлучною кроватью, переѣхалъ въ Виль-; поселился въ какой то полуразвалившейся лачужкѣ на Таърской улицѣ и на послѣнiя крохи, часто отказывая себѣ въ ькарствахъ,—отдалъ Людмиллу въ какой-то пансiонъ. Выръ пансiона былъ удаченъ, и практиченъ. Въ немъ не вычили Людмиллу французскому и нѣмецкому языку, чтенiю роановъ и тратѣ денегъ на костюмы, а ее выучили необходимоу и,—главное, рукодѣлью.

[1]) Вѣжливый [2]) Помни.

Больной старикъ сильно любилъ племянницу, которая о ходила около него съ дѣтски-нѣжною заботливостію и любо По окончаніи ученія въ пансіонѣ, первою обязанностію пост ла себѣ Людмилла посвятить знаніе, пріобрѣтенное ею въ п сіонѣ, старику. Она стала заниматься самыми разнообраз работами, получая ихъ изъ разныхъ магазиновъ какъ ни чтожно цѣнится у насъ женское рукодѣлье и трудъ, но ея ранія достигли того, что она получала плату гораздо боль чѣмъ другія мастерицы. Заработанныя деньги обращались улучшеніе быта старика.

Людмилла не была красива: Но стройный станъ, весе прямой и откровенный характеръ, и мягкость, и доброта д свѣтившіеся въ ея голубыхъ глазахъ, дѣлали ее болѣе ч пріятною. Она была дѣвушкою съ здравымъ смысломъ, ко рый часто замѣнялъ ей знаніе; была чужда разныхъ патріо ческихъ бредней и фантазерства; этихъ занятій праздныхъ дей. Ей нѣкогда было заниматься ими: она чуть не съ пе нокъ, стала заботиться о существованіи своемъ и своего ста ка—благодѣтеля.

И вотъ, съ этою Людмиллою Родкевичъ познакомился поровъ. Она понравилась ему вопреки всѣмъ его философст ваніямъ. Онъ чувствовалъ, что его тянуло что-то къ ней; что?—въ томъ онъ не могъ дать себѣ отчета. Доброта но онъ встрѣчалъ уже въ жизни своей добрыхъ женщинъ они не производили на него такого впечатлѣнія. Ея открове ность?—нѣтъ; не то. Можетъ быть одинаковость положе обоихъ въ жизни,—такъ какъ оба были круглыми сирота которыя сами прокладывали себѣ дорогу въ жизни? Что там ни было, но Людмилла была первою дѣвушкою, въ с ществѣ которой онъ ощущалъ особенную пріятность въ пр сутствіи которой онъ чувствовалъ себя добрѣе, не стѣснялся не чувствовалъ себя неловкимъ. Въ ея разговорѣ не слыш лись ему фразы, вырванныя изъ разныхъ книгъ, но сознавала работа ея собственнаго мозга.

Олинька Трибухова, подруга Родкевичъ, была кроткая, ти хая дѣвушка; и хотя ей только наступилъ шестнадцатый годъ но Марья Ивановна спѣшила выдать ее за кого-бы то ни бы ло за мужъ, чтобы товаръ не залежался и, сохрани Боже, в

[ц]ѣлый вѣкъ не остался на ея попеченіи. Ольга Ивановна была [м]иленькою дѣвушкою; она собиралась скоро кончить курсъ въ гим[н]азіи. Отъ природы робкая, она дѣлалась еще робче и за[с]тѣнчивѣе, отъ сознанія смѣшныхъ сторонъ характера и поня[т]ій своей матери, надъ которыми многіе тонко подсмѣивались и [о]тъ нежеланія сдѣлаться и самой подобно матери предметомъ ост[р]отъ и каламбуровъ. Людмилла Родкевичъ еще болѣе съ ней [с]близилась и чаще стала бывать у Трибуховыхъ со смерти сво[е]го дяди, которая случилась за нѣсколько мѣсяцевъ до начала [н]ашего разсказа.

Пусть же проститъ читатель маленькое отступленіе отъ раз[с]каза, которое я сдѣлалъ, чтобы хоть мимоходомъ познакомить [е]го съ остальными дѣйствующими лицами этаго разсказа.

Вскорѣ Максиму Максимовичу до того сдѣлалось приторно [м]истифицировать Холевку,—которая своимъ жеманствомъ наго[н]яла на него невыносимую тоску,—что онъ рѣшился прекратить [съ] нею всѣ сношенія.

Въ одинъ вечеръ, сверхъ обыкновенія, Голубковъ явился [в]ъ садъ одинъ. Холевка, съ нетерпѣніемъ ждавшая Топорова, [о]братилась съ вопросомъ къ Николаю Ивановичу о причинѣ [о]тсутствія его товарища. Она намѣревалась сего дня, во чтобы [н]и стало, заставить Максима Максимовича признаться ей въ [л]юбви.

— Дома остался читать вновь отпечатанный романъ Гюго, [о]твѣтилъ Николай Ивановичъ, бывшій въ заговорѣ съ Топоровымъ.

Annette пожелтѣла отъ досады и чтобы на комъ либо вы[м]стить ее, весь вечеръ, какъ тѣнь Банко, преслѣдовала своимъ [п]рисутствіемъ влюбленную пару.

Въ слѣдующій вечеръ она опять услышала:

— Топоровъ читаетъ дома Гюго.

Въ третій вечеръ:

— Топоровъ не пошелъ потому, что ему въ саду, окружен[н]омъ со всѣхъ сторонъ или высокими горами, или сплошною [ст]ѣною каменныхъ зданій,—душно и онъ отправился на Анто[п]оль подышать болѣе свѣжимъ воздухомъ.

Потомъ, Annette услыхала:

— Топоровъ легъ отдыхать послѣ обѣда.

И въ слѣдующіе, за тѣмъ, дни она свегда одно слышала:—

легъ отдыхать послѣ обѣда. Обманутая надежда сильно разли
въ ней желчь. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ и огорченій, Холевк
случайно встрѣтила Топорова гуляющимъ по довольно уед
ненному Антоколю съ молодою дѣвицею, которая была
кто иная какъ наша знакомка, Людмилла Родкевичъ. Гуляющ
какъ видно, вполнѣ были довольны другъ другомъ. Топоро
что то весело разсказывалъ своей спутницѣ, которая непринуж
денно облокотилась на его руку, часто улыбалась и еще ча
съ любовью заглядывала своему кавалеру *прямо* въ глаз
Максимъ Максимовичъ непоклонился Холевкѣ и показалъ вид
будто ея не знаетъ. Тогда все сдѣлалось для нея понятны
и частый послѣ обѣденный сонъ Максима Максимовича, и страс
его читать вечеромъ Гюго. Она ясно увидѣла, что Топоро
былъ фальшивою мишенью, чтобы отвлечь ея вниманіе о
Елены,—и она далась въ обманъ! Ревность къ Еленѣ, ч
она перехитрила ее и постаралась завербовать Голубкова се
и обманутыя надежды относительно Топорова заставили
дать себѣ слово отомстить «интригантке» Еленѣ.

Болѣе коварнаго и вѣроломнаго народа, какъ москали,
нé знаю. Они говорятъ одно, другое дѣлаютъ, и со всѣмъ ин
думаютъ, говорила Холевка Михаилу Ружанко, однажды си
подлѣ него въ саду. Елена гуляла въ это время съ Голу
ковымъ.—Я никогда, ни въ чемъ, ни одному москалю не
вѣрю.

Ружанко навострилъ уши и лице его прояснилось.

— О, какъ пріятны мнѣ ваши слова, въ которыхъ сл
шится душа чистой сарматки! Если бы больше у насъ бы
женщинъ съ такими убѣжденіями, то крулевство наше не бы
бы въ плачевномъ положеніи. Такія женщины съумѣли
быть почтенными матерями семействъ, и ихъ понятія, съ мол
комъ, перешли бы къ ихъ дѣтямъ. Къ несчастію, матеріализ
съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе одолѣваетъ насъ и заглушае
въ сердцѣ благородныя стремленія. . . . Желѣю очень, ч
Елена не такихъ убѣжденій!

— Не можетъ быть, чтобы Елена была иного мнѣнія, чѣ
ея отецъ?! воскликнула, съ притворнымъ удивленіемъ, Холевк
— Впрочемъ, спустя минуту, продолжала она какъ бы

ькимъ сожалѣніемъ: на этотъ разъ къ несчастію, кажется, ва ваши справедливы.

— И я скажу вамъ, что вы не ошибаетесь. Увы! вмѣсто о, чтобы чувствовать къ своимъ врагамъ отвращеніе и пре- ніе, она даритъ ихъ своимъ сочувствіемъ и симпатіей. . . нако, что особеннаго замѣтили вы въ ней?, спохватился цъ.

Только этого вопроса ждала Холевка.

— Ея обращеніе съ русскими довольно странно. Взамѣнъ довѣрія, она вполнѣ довѣряется москалямъ. По моему мнѣнію, вушка не должна довѣряться молодому человѣку, кто бы онъ былъ, (Въ это время она вспомнила Топорова). Эти господа въ какомъ случаѣ не заслуживаютъ нашего довѣрія, и дѣ- шка, поступающая иначе, впослѣдствіи горько разочаровы- ется. . . . .

— Говорите яснѣе, что вы замѣтили за Еленою?! тревожно пытывался Ружанко.

— Не придавайте большаго значенія тому, что услышите больно не тревожьтесь. Быть можетъ наша милая Елена динственно по легкомыслію и не обдуманности такъ поступаетъ. .

— Мадмоазель Аннеттъ напрасно слишкомъ распростра- ется. По моему, лучше начинать рѣчь безъ предисловія,—не- рпѣливо замѣтилъ Ружанко.

— Елена поощряетъ ухаживанье за собою молодаго мос- аля.

Хотя Ружанко смутно предчувствовалъ это, однако полное ясное открытіе сильно его ошеломило.

Холевка, съ милымъ участіемъ, предупредила Ружанко о огущемъ стрястись надъ ихъ семействомъ несчастіи отъ вѣтрен- ости Елены, и разсказала отцу все, что было ей извѣстно, азумѣется, не пременувъ все преувеличить.

Ружанко былъ пораженъ какъ громомъ. Его Елена, пред- етъ его самыхъ нѣжныхъ попеченій и золотыхъ надеждъ любез- ичала съ его смертельнымъ врагомъ!

— Гдѣ же теперь она?! спросилъ Ружанко.

— По обыкновенію, гуляетъ съ москалемъ, тамъ, въ уеди- енной аллеѣ. . . . Мой коханый пане Ружанко, вѣрьте, я никогда не сказала бы вамъ этого, зная на сколько васъ встре-

вожу своими словами, еслибы была увѣрена, что отъ неосмотри-тельности Елены не произойдетъ несчастія. Въ такомъ случ[illegible] я никогда не выдала бы секрета своего друга. . .

— О! я знаю, вы добрая, честная дѣвушка! съ тяжелы[illegible] вздохомъ произнесъ Ружанко и хотѣлъ броситься по указані[illegible] Холевки, въ уединенную аллею, но въ это время Елена подош[illegible] къ разговаривавшимъ. Госпожа Ружанко, прекратившая въ эт[illegible] минуту бесѣду съ Зайковской, предложила своему семейству ид[illegible] домой, гдѣ снова произошла сцена между отцемъ и дочерь[illegible] въ которой любовь не уступила польской щепетильности [illegible] фанатизму.

— И кто же всѣ эти искатели приключеній?! говори[illegible] Ружанко: сыновья сапожниковъ, мѣщанъ и проч., происхо[illegible] деніе которыхъ очень темно. Въ ихъ жилахъ, подобно нашим[illegible] не течетъ шляхетская кровь, облагороженная многими вѣкам[illegible] изъ нихъ никто не имѣетъ геральдическаго древа. Это жалк[illegible] лучше сказать, презрѣнные аферисты.

Всю ночь не спалось бѣдному Михаилу Ружанко. Онъ во[illegible] рочался съ бока на бокъ и придумывалъ способъ спасти доч[illegible] отъ роковой, богопротивной любви. Утромъ, на разсвѣтѣ, он[illegible] рѣшилъ отыскать дочери мѣсто гувернантки на выѣздъ, въ ка[illegible] кой либо уѣздъ сосѣдней губерніи. Въ восемъ часовъ утр[illegible] безъ чая, онъ отправился въ городъ и, воротясь, вечеро[illegible] объявилъ семейству, что помѣщица Гродненской губерніи[illegible] Пржикольская—ищетъ гувернантку для единственной сво[illegible] дочери, на очень выгодныхъ условіяхъ—съ тѣмъ, что гувернант[illegible] будетъ жить при семействѣ, въ ихъ помѣстьи, и должна н[illegible] медленно, вмѣстѣ съ Пржикальскою, ѣхать.

Болѣзненно сжалось сердце у Елены при мысли о разлукѣ с[illegible] Голубковымъ. Но она рѣшилась принесть себя въ жертву роди[illegible] телямъ, зная ихъ безвыходное положеніе. Условія, предложен[illegible] ныя Пржикальскою, были очень соблазнительны. Елена, занимая[illegible] только съ однимъ ребенкомъ, получала хорошее содержаніе, [illegible] койную жизнь и очень приличное денежное вознагражден[illegible] которое могло обезпечить жизнь родителей. Любовь уступи[illegible] мѣсто обязанностямъ дочери.

Печально было свиданіе въ слѣдующій вечеръ Елены с[illegible] Голубковымъ. Во избѣжаніе зоркаго глаза отца, она встрѣти[illegible]

убкова на набережной Виліи и предложила ему пройтись Антоколю. Блѣдно было личико Елены; щеки не много ли; глаза печально смотрѣли и были окружены синеватостью; и вспухли и покраснѣли: признаки въ слезахъ проведенной и. Николай Ивановичь при первомъ взглядѣ замѣтилъ въ страшную перемѣну и остановился въ недоумѣніи.

— Я уѣзжаю изъ Вильны, Николай, на долго и, быть етъ, съ вами вижусь въ послѣдній разъ,—произнесла она въ ѣтъ, на его вопросъ о причинѣ замѣченной имъ въ цей перемѣны.

Голубковъ растерялся отъ этой неожиданности. Ударъ былъ аянный и сильный. Придя въ себя, онъ осыпалъ Елену росами, куда она ѣдетъ, когда и за чѣмъ?

Но Елена могла только объяснить ему, что уѣзжаетъ зав; отецъ будетъ провожать ее въ вокзалъ желѣзной дороги, ютому они сегодня должны проститься. Сказала ему причину ѣзда; но куда ѣхала—она положительно сама не знала. ожиданный отъѣздъ до того ее озадачилъ, что она забыла просить подробно Пржикальскую; съ которою видѣлась всего инъ разъ и то нѣсколько минутъ, въ какомъ именно мѣстѣ ходится ея имѣніе.

— Я брошу все и уѣду въ слѣдъ за вами, Елена, говоіъ жалобно Николай Ивановичъ; я не могу жить безъ васъ!

Елена старалась доказать, что ему не возможно слѣдовать нею.

— Въ такомъ случаѣ я пойду въ монахи. Вѣрьте, Елена, о безъ васъ и вашей любви жизнь мнѣ въ тягость. Съ того астливаго вечера, когда я узналъ, что любимъ вами я часто арался заглянуть въ глубь своего сердца, чтобъ измѣрить взвѣсить свою любовь. Не разъ проводилъ я бозсонныя ночи, слѣдывая силу своей любви. Эти самоиспытанія привели меня ь тому заключенію что любовь моя не мимолетная. Понимая ю важность слова «любовь», которое нельзя опрометчиво бросать, енщинѣ и, не увѣрившись въ силѣ чувства, кидаться въ ною жизнь, открываемую намъ любовью (потому что главнѣйшимъ оводомъ впослѣдствіи всѣхъ несчастій семейной жизни бываетъ шибка въ своихъ чувствахъ), я старался хорошенько взвѣсить е... Нѣтъ, Елена! жить безъ васъ мнѣ невозможно! трагиески воскликнулъ Голубковъ.

— А мнѣ кажется, Николай, впрочемъ, можетъ быть ошибаюсь,—вы скоро утѣшитесь послѣ моего отъѣзда. Ми есть дѣвицъ привлекательнѣе меня.... смутно говорила Ел

— Не говорите такъ, Елена! Вы только увеличи страданія, которыхъ я не заслужилъ. Неужели мущины лю женщинъ только за счасливую наружность? Я цѣню въ ж щинѣ характеръ, умъ и сердце. Только при этихъ услові я могу любить такъ, какъ люблю васъ, т. е. глубоко, искр но, безъизмѣнно. Не предполагаю, чтобы такая любовь м исчезнуть скоро.

— Отъ души желаю вѣрить вашимъ словамъ, хотя та предчувствіе говоритъ мнѣ противное.... Какъ ни горько, пора мнѣ съ вами проститься и воротиться къ своимъ. О одномъ буду просить васъ, Николай: когда исчезнетъ въ ва любовь, то хоть изрѣдка, вспомните обо мнѣ. О себѣ не бу много говорить; скажу только, что въ эту любовь, такъ ма принесшую намъ свѣтлыхъ и ясныхъ дней, я вложила всю жиз всю свою душу.... Слезы навернулись на глазахъ Елены глухія рыданія захватили у нея голосъ.

Они проходили мимо пустой скамейки. Голубковъ усади Елену и прижалъ ее къ своему сердцу.

— Дай на прощанье поцѣловать мнѣ твои добрые глаза Николай! произнесла чрезъ минуту Елена.—Да будетъ надъ тобой покровительство Божіей Матери Остробрамской, предъ которой я такъ благоговѣю,—и да благословитъ тебя Господь!

Они поднялись и направились къ саду. У калитки пожатіе руки, прощальный взглядъ—и они разстались. Голубковъ, которому Елена разсказала послѣднюю сцену съ отцемъ, не осмѣлился провожать ее далѣе.

Онъ машинально, безъ цѣли пустился бродить по городу. Ему было душно, тѣсно тоска страшно давила его грудь. Солнце давно сѣло; полный мѣсяцъ выплылъ изъ за горизонта; заискрились звѣзды въ безпредѣльной висотѣ. Николай Ивановичъ, самъ не зная какъ, очутился противъ оконъ квартиры Ружанковъ. Вездѣ было темно; только въ одномъ окнѣ, сквозь бѣлую занавѣску, свѣтился огонь. То было окно комнаты Елены. Голубковъ оперся о противуположную стѣну, въ тѣни, и сталъ безцѣльно глядѣть въ окно. Цѣлый рядъ весе-

ъ и пріятныхъ картинъ живо пронесся въ его мысляхъ. Не-
нная встрѣча съ Еленою, знакомство съ нею, объясненіе,
казанное имъ глупо, при чемъ онъ былъ очень комиченъ,
ь что посторонній зритель непременно расхохотался бы,
гря на него; тихіе и спокойные вечера, въ которые онъ
ъ такъ счастливъ, узнавъ о взаимности. Не сонъ ли все
? Давно ли это было! И вотъ, сегодня онъ уже простился съ нею...

Ему показалось будто заколыхалась занавѣска. Скоро
идимая но хорошо знакомая Голубкову ручка, отдернала
авѣсъ и осторожно отворила окно; Голубковъ вышелъ изъ
и.

— Сердце сказало, что здѣсь мой милый и я отворила окно.
дишь, оно не ошиблось, проговорила Елена.

И долго бесѣдовали они передъ разлукою. На зарѣ, пе-
льный Голубковъ возвращался домой, унося на память локонъ
елестныхъ волосъ и портретъ Елены. Она же еще ранѣе
лучила отъ него его фотографическую карточку, которую бе-
жно спрятала теперь въ чемоданъ.

Пріѣхавъ въ вокзалъ желѣзной дороги съ отцемъ и Пржи-
льскою Елена, при входѣ въ залъ, быстро окинула глазами
олпящихся и встрѣтилась съ глазами Голубкова, устремленными
а входныя двери. Скоро раздался второй звонокъ; пассажи-
ы бросились на платформу и въ вагоны; раздался свистокъ
поѣздъ тронулся. Елена кивнула головою по направленію
ъ Голубкову; тотъ приподнялъ шляпу,—и въ клубахъ дыма
искръ бѣдная Елена, убитая сумазброднымъ фанатизмомъ отца,
исчезла.

Съ тоскою въ разбитомъ сердцѣ воротился домой Николай
Ивановичъ. Сонъ и аппетитъ покинули его. Ему было невы-
носимо скучно. Къ счастію, Максимъ Максимовичъ, понимая
душевное состояніе друга, почти не покидалъ его. На третій
день Голубковъ дался Топорову уговорить себя зайдти въ трактиръ
Іодки, завтракать. Усѣвшись за колдуны, которыми слыветъ
этотъ трактиръ между виленскими жителями средней руки, Ни-
колай Ивановичъ не замѣтилъ какъ онъ одинъ упряталъ ихъ
двѣ копы. Потомъ друзья распили бутылку овсянаго пива и
печаль Голубкова сдѣлалась болѣе тихою. Въ эту ночь онъ
лучше спалъ и во снѣ видѣлъ, что танцуетъ мазурку съ до-

черью своего начальника и ловко выдѣлываетъ неслыханные и не виданные па отъ которыхъ всѣ бывшіе въ залѣ пришли въ восторгъ, въ томъ числѣ и его начальникъ. Когда, послѣ мазурки, онъ усадилъ свою даму, то восхищенный папаша подошелъ къ нему, снисходительно потрепалъ его по плечу и обѣщалъ повышеніе по службѣ.

На слѣдующій день, Голубкову дѣйствительно было объявлено повышеніе по службѣ, вмѣстѣ съ которымъ значительн увеличилось и его содержаніе. Тоже случилось и съ Топоровымъ, хотя тотъ не танцовалъ во снѣ мазурки съ дочерь своего начальника, а напротивъ, надѣвалъ ботинки съ *хол-ками* Марьѣ Ивановнѣ; отъ чего проснувшись, онъ съ досад плюнулъ.

Николай Ивановичъ скоро пересталъ грустить объ Елен и только въ немъ осталось пріятное о ней воспоминаніе. Еле въ деревенской глуши, день ото дня, кажется, сильнѣе люби Голубкова, который, въ отсутствіи, становился болѣе идеальны въ ея воображеніи. Она сильно тосковала; похудѣла: глаза е уже неискрились огнемъ. Она сдѣлалась молчаливою. О часто уходила въ свою комнату смотрѣть на его портретъ плакать, и сильно полюбила минорную музыку, фантазіи и лодіи, въ которыхъ звучали слезы, грусть и безнадежность.

IX.

Прекративъ знакомство съ Холевкою, Топоровъ чаще ста навѣщать Людмиллу Родкевичъ. Въ ея отсутствіи ему ста вилось грустно и какъ бы чего то недоставало. Эта тоска того стала замѣтною, что обратила на себя его вниманіе. Од нажды, воротясь домой послѣ прогулки съ Людмиллою Родк вичъ, онъ долго думалъ о чемъ то, шагая по комнатѣ; по томъ легъ въ кровать, но ночь провелъ безсонною и на друг день, послѣ обѣда, отправился къ Родкевичъ.

— Людмилла Павловна, посвятите мнѣ сегодня нѣсколь минутъ вашего вниманія. Мнѣ хочется переговорить съ ва серьозно кое о чемъ.

Знакомство съ Родкевичъ незамѣтно сдѣлало Топорова въ ливѣйшимъ въ обращеніи.

— Можете быть увѣрены, что не откажу вамъ въ этомъ, мило пролепетала Людмилла.

— Съ нѣкоторыхъ поръ я замѣтилъ въ себѣ сильную нравственную перемѣну къ лучшему. Желая узнать кому этимъ я обязанъ, я долго вчера допрашивалъ себя, кто эта добрая фея, подарившая мнѣ такой дорогой талисманъ. Не спалъ цѣлую ночь и, наконецъ убѣдился, что этотъ геній, эта фея, возбудившая во мнѣ чувства, существованія которыхъ въ себѣ я не подозрѣвалъ до сихъ поръ,—вы.

— Благодарю васъ, Максимъ Максимовичъ, за комплиментъ. Вы очень краснорѣчивы.

— Неудивительно: постоянно пользуюсь вашимъ обществомъ, а вы способны сдѣлать и косноязычнаго Цицерономъ.

— Вамъ извѣстно,—я не долюбливаю лесть?

— Это не лесть, но правда нисколько не преувеличенная...... Но мы уклонились отъ нашего разговора. Продолжаю. Увѣрившись, что мой добрый геній — вы, я задался вопросомъ: чѣмъ отблагодарилъ я генія за нравственное мое усовершенствованіе? Привязанностію,—отвѣтилъ мнѣ внутренній голосъ. Тогда я перешелъ къ рѣшенію другаго вопроса: на сколько къ вамъ я привязанъ, или какъ сильна во мнѣ эта привязанность? Отвѣтъ былъ слѣдующій: Максимъ Максимовичъ такъ сильно привязанъ къ своей феѣ, что только тогда будетъ вполнѣ счастливымъ, когда будетъ не разлученъ съ нею. Что вы скажете на это?

— Въ отвѣтъ и я скажу: если Максимъ Максимовичъ полагаетъ единственное свое счастіе въ неразлучности со мною, то я прямо и откровенно скажу, что Максимъ Максимовичъ мнѣ нравится; я уважаю его, за его правила и согласна быть его женою.

— Такой откровенный, безъ кокетства и жеманства, отвѣтъ еще болѣе возвышаетъ васъ въ моихъ глазахъ и даю вамъ обѣтъ всегда заботиться о томъ, чтобы не потерять вашего ко мнѣ расположенія. Позвольте-жь мнѣ поцѣловать васъ, какъ свою невѣсту!

— Не нахожу въ этомъ ничего предосудительнаго и потому сама поцѣлую васъ, какъ своего жениха; а потомъ сварю кофе, которымъ я сегодня собиралась васъ угостить.

Они поцѣловались. Женственность, не смотря на разсудокъ, все таки заговорила въ Людмиллѣ: она покраснѣла. Что-

бы скрыть свое смущеніе, она поспѣшно принялась хлопотать возлѣ кофейника.

За кофеемъ они уговорились сегодняшній вечеръ провести вмѣстѣ, а завтра сойтись у Трибуховой, куда пригласятъ Голубкова и сдѣлаютъ всѣмъ имъ сюрпризъ, объявивъ о своей помолвкѣ.

Въ слѣдующій вечеръ Топоровъ задумчиво шагалъ по своей комнатѣ, а Голубковъ, сидя на диванѣ, перелистывалъ какую то книгу. Пани Трибухова дала себѣ слово сегодня повести рѣшительную аттаку противъ молодыхъ людей.

Подавая на подносѣ чай, она сказала:

— Знаете, Максимъ Максимовичъ, какую новость мнѣ сказалъ сегодня Константинъ (старшій сынъ ея, въ лѣтахъ Топорова)? Что, говоритъ, маменька, вы такъ сильно ухаживаете около Максима Максимовича; все у васъ Максимъ Максимовичъ да Максимъ Максимовичъ: и вкусное что—несете Максиму Максимовичу, и лучшее что—Максиму Максимовичу; и днемъ, и ночью вы все бредите Максимомъ Максимовичемъ. Лучше вы, маменька, выходите за него замужъ. Тогда намъ не будетъ обидно, что вы оказываете ему такое предпочтеніе, и у насъ будетъ отецъ.

При этихъ словахъ Марья Ивановна старалась покраснѣть и поэтому поводу состроила не очень красивую гримасу.

— А Ольга пусть выходитъ за Голубкова, говоритъ Константинъ. Олинька моя ужасно влюблена въ васъ, Николай Ивановичъ, добавила пани Трибухова.

Не получивъ отвѣта отъ молодыхъ, людей, она ретировалась въ свою комнату,—твердо постановивъ приготовить отличный ужинъ и когда сердца друзей смягчатся при видѣ вкуснаго блюда, сдѣлать вторичную аттаку. Она приказала Магдѣ заняться хорошимъ бифштексомъ.

Вскорѣ пришла Родкевичъ. Снявъ бурнусъ, она посидѣла не много въ комнатахъ Марьи Ивановны. Потомъ вошла въ комнату Топорова. Посѣщеніе ею квартиры молодого человѣка никого не удивляло, потому что это не въ первый разъ случилось и потому, что эта комната была просторнѣе и лучше

жирована, исправляла должность пріемной знакомыхъ Трибувой и Топорова.

Топоровъ встрѣтилъ Людмилу Павловну радостно; онъ давно съ нетерпѣніемъ ждалъ ея.

Марья Ивановна приказала Олинькѣ сегодня нарядинѣе ѣться и сама къ своему костюму приложила всѣ извѣстные секреты и пріемы, чтобы (казаться) какъ можно моложѣе.

Скоро въ комнату Топорова вошла и Марья Ивановна съ енькой, нашептывая ей на ухо:—будь сегодня, дура, какъ жно любезнѣе съ Голубковымъ и по чаще дѣлай ему глазки,— мнишь, какъ я тебя учила?

Завязался общій разговоръ. Марья Ивановна допытывалась у юдмиллы Павловны: отчего она сегодня блѣднѣе обыкновеннаго отъ чего у нея глаза окаймлены синевою? Голубковъ, на ою бѣду, занялся разговоромъ съ Олинькой, на которую чао посматривала многозначительно Марья Ивановна,—и расашивалъ ее о женской гимназіи. Топоровъ командировалъ Маг за полушампанскимъ и пирожнымъ. Узнавъ объ этомъ, арья Ивановна несказанно удивилась и построила на этомъ стоятельствѣ цѣлый волшебный замокъ.

Кажется, онъ сегодня сдѣлаетъ мнѣ предложеніе, послѣ его намека. Что-жь,—хоть я не много старше его, но гораздо лучше и красивѣе его лицемъ. Только нужно будетъ нѣ самой осмѣлить его къ этому и дать оборотъ разговору ютвѣтственный..... Онъ молодъ, хорошо сложенъ, здоровъ. орошо имѣть молодого мужа, такъ думала она и поспѣшила одарить Максима Максимовича самыми восхитительными въ вѣтѣ, по ея мнѣнію, глазками.

Вино и пирожное явилось на столѣ.

— Марья Ивановна! сегодня я хочу сказать вамъ, что о вовсе для васъ неожиданное..... заговорилъ Топоровъ, разливая въ рюмки вино.

— Ахъ! Максимъ Максимовичъ, говорите скорѣе; жду съ нетерпѣніемъ. Вы знаете, что вдовы моихъ лѣтъ и провдовствовавшія, какъ я, столько лѣтъ, ужасно нетерпѣливы! При томъ Марья Ивановна такъ поправила платье, что ботинка и чулокъ явились предъ глазами топорова. Какъ увидитъ, не

вытерпитъ и при всѣхъ станетъ на колѣна предо мною подумала она.

— Я, господа, рѣшился жениться. (Марья Ивановна сдѣлала убійственные глазки оратору и громко вздохнула). А потому приглашаю васъ выпить за здоровье моей невѣсты, Людмиллы Павловны,—которая такъ была ко мнѣ добра и снисходительна, что не отказала мнѣ въ своей рукѣ!

Отъ неожиданнаго удара, Марья Ивановна, такъ привскочила и потомъ такъ сильно шлепнулась на диванъ, что объ уже подвязки на ея ногахъ показались зрителямъ. На нее напалъ столбнякъ.

Никто не замѣтилъ ея замѣшательства. Голубковъ, занятый своею любовью, не замѣтилъ перемѣны, произшедшей с нѣкотораго времени въ его товарищѣ, и теперь былъ сильно удивленъ и озадаченъ его сюрпризомъ. Впрочемъ, онъ отъ души поздравилъ молодыхъ и отъ души чокнулся съ ними. Олинка бросилась на шею Людмиллѣ и искренно и крѣпко ее поцѣловала. Скоро оправилась и Марья Ивановна. Она холодно поздравила молодыхъ и ушла въ свою комнату, приказавъ Маңдѣ потушить огонь на коминку [1],—добавивъ, что Топорову сегодня не до бифштекса.

Съ этого дня жизнь Топорова у Марьи Ивановны перемѣнилась. Она стала давать ему на обѣдъ одну тарелку жиденькаго супу и микроскопическій кусочекъ какого то синяго мяса. На второе блюдо очень экономную порцію жаркого. Ужинъ рѣдко подавался. На вопросъ Топорова о такой діэтѣ, у нея всегда былъ готовъ отвѣтъ, что она долго съ ужиномъ ждала его и хотѣла приготовить бифштексъ; но какъ нельзя всю ночь держать огонь на коминку, то безъ него она не рѣшалась угощать его холоднымъ бифштексомъ.

Топоровъ скоро сыгралъ свадьбу и переселился на новую квартиру.

X.

(и послѣдняя.)

Я окончилъ свой разказъ, не знаю только въ какой мѣ-

---

[1] Каминъ, въ которомъ на треножникѣ готовятъ кушанья.

ѣ удовлетворительно и предоставляю судить о томъ читате-
ю. Я хотѣлъ выставить женскую личность на столько силь-
ю характеромъ, что она можетъ преодолѣть вѣковое суевѣріе
, не смотря на всѣ усилія окружающей ея среды, въ силахъ
тоять на прямой дорогѣ. Дай Богъ больше такихъ жен-
инъ какъ Елена Ружанко среди сарматокъ и тогда, задача
имиренія—окончена. Польша и Литва освободятся отъ вѣ-
выхъ своихъ предразсудковъ и всѣ славяне сростутся въ
но громадное тѣло подъ единодержавнымъ монархическимъ
кипетромъ.

Теперь, вкратцѣ, я разскажу читателю дальнѣйшую судьбу
йствующихъ лицъ этого разсказа.

Михаилъ Ружанко сильно тосковалъ объ отсутствующей
енѣ и о погибели крулевства. Онъ терпѣлъ крайнюю бѣд-
сть, искалъ кладовъ и скоро послѣ отъѣзда дочери сошелъ
ума. Сидя въ одинокой кельѣ бонифратровъ [1]), онъ писалъ ко-
ксъ для возстановленной,—какъ казалось его разстроенному
ображенію,—Польши; себя же онъ воображалъ сенаторомъ и,
агая изъ угла въ уголъ, важно ораторствовалъ по-польски,
имѣшивая въ свою рѣчь фразы извѣстныхъ латинскихъ мы-
ителей. Болѣе всего онъ любилъ говорить, что самое луч-
е противуядіе любви: cedit amor rebus: res agetutus eris. Вспо-
миналъ аргументъ древнихъ: A malis, igitur, mors abducit, non a
nis. Или языческое правило: Mori licet cui vivere non placet.
мкуя про себя о Польшѣ и, вспомнивъ Косцюшку, или Сте-
на Баторія, или свою личность, восклицалъ: o terra! mater
agna virum!

Узнавъ о случившейся бѣдѣ, Елена тотчасъ воротилась въ
ильну и приложила все стараніе привести отца къ разсудку;
заботы ея остались напрасны.

Препятствій къ браку Голубкова съ Еленою не существова
и чрезъ полгода они сыграли свою свадьбу. Вѣнчаніе ихъ
ло совершено довольно торжественно въ Николаевскомъ соборѣ.

Эмилія Ружанко жила въ довольствѣ, при молодыхъ и пи-

[1]) Домъ умалишенныхъ въ Вильнѣ. Онъ такъ называется
этому, что здѣсь былъ прежде католическій монастырь этого
мени.

ла по десяти разъ въ день кофе съ сухариками; отъ чего и... иновѣрно потолстѣла. Скоро она стала жаловаться, что х... дѣетъ отъ несчастія, случившагося съ ея супругомъ, котор... очень нѣжно любила.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ у Топоровыхъ явилось нѣсколько с... новей, которыхъ крестнымъ отцемъ былъ Голубковъ. Онъ и... вѣшалъ на шею золотыя крестики на розовыхъ ленточкахъ. Елена Михайловна шила имъ батистовыя рубашенки. Голуб... вымъ за это время Богъ далъ дочь.

Анна Холевка осталась до смерти дѣвою. Чѣмъ бо... она старѣла, тѣмъ сильнѣе проявлялось въ ней влеченіе къ ... лодымъ людямъ. Передъ смертью же, она стала уже интр... говать въ ботаническомъ саду гимназистовъ-классиковъ, по... му что реалисты незамѣчали ее.

Олинька Трибухова, бѣгая зимою въ лѣтнемъ пальто, бе... галошъ и на тощакъ въ гимназію, простудилась и слегла ... кровать. Марья Ивановна не могла собраться сшить ей ч... либо по теплѣе лѣтняго бурнуса, потому что всѣ деньги тра... ла на свой гардеробъ, разсчитывая выйдти за мужъ за *пу... ковника*. Она всегда читала дѣтямъ ту мораль, что съ ... лода нужно привыкать къ холоду и голоду. Благодаря эт... гигіенѣ, Олинька скоро умерла отъ скаротечной чахотки. П... ни Трибухова ни какъ не рѣшилась пригласить къ больно... доктора говоря, что молодость самое лучшее лѣкарство. О... во все время болѣзни, почти недавала ѣсть больной на то... основаніи, что больнымъ вредно много кушать. Похороны устроила она великолѣпныя и впослѣдствіи хвастала своимъ сосѣдкамъ, что на похоронахъ своей драгоцѣнной дочери она пила четырехъ рублевый хересъ

Пани Трибухова не вышла замужъ; но и по настоящее время мечтаетъ быть скоро пулковниковой.

Магда тоже не вышла за мужъ. Она ищетъ жениха шляхетнаго и при томъ чиновника.

О. А. Б.

НЕОБДУМАННЫЙ ПОСТУПОКЪ И ГИБЕЛЬ ЮНОШИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

*(Окончаніе *).*

Когда почтенъ быть хочешь у людей—
Съ разборомъ заводи знакомства и друзей!
Крыловъ.

Басню эту лишнимъ я почелъ-бы толковать,
Но какъ здѣсь къ слову не сказать,
Что лучше вѣрнаго держаться,
Чѣмъ за обманчивой надеждою гоняться.
Найдется тысячу несчастныхъ отъ нея
На одного, кто не былъ ей обманутъ,
А мнѣ что говорить ни станутъ
Я буду все твердить свое:
Что впереди—Богъ вѣсть; а что мое—мое.
Его-же.

Въ одно прекрасное утро Цемахъ, отправившись молиться въ школу, встрѣтился на дорогѣ съ двумя своими старыми знакомыми—земляками. Онъ пять полугодій просидѣлъ съ ними на одной скамейкѣ въ хедерѣ меламеда, ребъ Азріэля. Онъ очень обрадовался такой пріятной встрѣчѣ, думая найдти въ своихъ хедерныхъ товарищахъ пассажировъ одной съ нимъ жизненной колеи. Завязался между ними живой разговоръ, въ которомъ, какъ водится, каждый вспоминалъ о былыхъ годахъ, о пріятныхъ и непріятныхъ минутахъ, проведенныхъ вмѣстѣ на хедерной лавкѣ. Затѣмъ воспослѣдовали взаимныя изліянія душъ, жалобы и панигирикъ промежуточному времени. Они разспросили Цемаха о пребываніи его въ городѣ Свенціанахъ,—онъ—о новостяхъ, достозамѣчательныхъ приключеніяхъ, происшедшихъ въ его отсутствіи. Отъ одного предмета переходили къ другому, отъ другаго къ третьему, четвертому и. т. д.; каждый любопытствовалъ получить свѣденіе о судьбѣ и карьерѣ прочихъ своихъ бывшихъ товарищей. Хотя короткіе пейсики товарищей, не то длинныя, не то короткія епанчи и вообще наружный видъ

---

*) См. «Вѣст. зап. Россіи кн. №№ 1, 2 и 3-ая.

ихъ породили въ Цемахѣ сомнѣніе насчетъ подлиннаго образа ихъ убѣжденій, но онъ приписалъ внѣшность своихъ друзей моде и городскимъ привычкамъ. Послѣднее мнѣніе окончательно въ немъ утвердилось, когда онъ вспомнилъ, что товарищи его считались въ хедерѣ мальчиками лѣнивыми, пустыми, только и способными заниматься туалетомъ. Скоро загадка разрѣшилась сама собою изъ слѣдующаго разговора.

— Ужъ пора, думаю? обратился одинъ товарищъ къ другому.

— Что вы такъ торопитесь: еще полчасочка поболтать можно, возразилъ Цемахъ, думавшій, что и они, подобно ему спѣшатъ на молитву.

— Нѣтъ, пора, настаивалъ одинъ изъ встрѣченныхъ товарищей.

— Пора-то пора, да ты забылъ, что намъ слѣдуетъ завернуть въ мясницкую школу, возразилъ другой товарищъ первому.

Оба товарища вышли изъ дома съ намѣреніемъ завернуть въ упомянутую школу для нанятія какого нибудь арембахера, заниматься съ ними по еврейскимъ предметамъ. Читатель навѣрное догадывается, что эти товарищи Цемаха—ученики раввинскаго училища.

— Отчего-же не въ нашу школу? спросилъ Цемахъ.

— Въ какую вашу?

— Да въ столярскую.

— Тамъ не найдемъ способныхъ, отвѣтили оба.

— Что вы говорите?!.. не найдете?!.. что? миніэна, что ли, думаете не застанете? [1]), спросилъ Цемахъ, которому казалось, что они вмѣсто слова: „способныхъ,“ сказали: „миніэнъ“—слово, въ настоящую минуту, занимавшее его мысли.

— Какъ, миніэна? Будь тамъ миніэнъ, или нѣтъ—намъ все равно. Мы не надзиратели Божьи, чтобы наблюдать за тѣмъ, молится ли кто или нѣтъ. Да мы слыхали, что въ столярской школѣ нѣтъ арембахеровъ, способныхъ изучать съ другими мишну, библію, гемару и шульханъ-арухъ. [2])

---

[1]) Собраніе 10-ти человѣкъ, безъ которыхъ нельзя совершать молитвы, равно какъ и всякій другой обрядъ.

[2]) Сводъ—узаконеній.

— Я что—то не возьму въ толкъ, подумалъ Цемахъ. -Къ чему имъ мишна, библія,—эти послѣдніе предметы въ ласти талмудистики? на что имъ арембахеръ?! неужто они не состояніи нанять себѣ способнаго меламда, или?... Что бы кое это значило?... Но... спрошу лучше ихъ самихъ.

— Да рѣшите, ради Бога, мое сомнѣніе:—я что-то не поmаю васъ, развѣ вы ужъ не учитесь у ребъ Азріэля? спросилъ ьмахъ.

— Вотъ тебѣ на! Вотъ тебѣ и здравствуй! Ты, видно, просто ричалъ въ глуши. Какъ—же! съ тобою толкуютъ, толкуютъ, ты еще сомнѣваешься въ чемъ то. Развѣ не знаешь, что и раввинскомъ училищѣ мало знакомятъ съ еврейскими предтами, такъ что приходится восполнять эти пробѣлы домашнимъ ученіемъ? Мы добрую цѣну платимъ: такимъ учителямъ за едневный часъ мы будемъ платить рубль въ недѣлю! Эхъ, и еврейскіе предметы! Они ужъ такъ надоѣли намъ, что ерть хотѣлось бы скорѣй освободиться отъ училища. Да ю-жъ съ родителями—то подѣлаешь? Намъ бы лучше хотѣкь въ гимназію, гдѣ вмѣсто того, чтобы потѣть два часа надъ ие—адамомъ, еврейскимъ языкомъ или библіею, налегать въ ю время на французскій, латинскій или другой какой нибудь икъ. Но чтожъ дѣлать: ужъ такова воля родительская. перь, кажется, понимаешь, Цемахъ, что мы не хедеристы, а ввинисты. Рекомендуй же намъ искуснаго знатока по еврейкимъ предметамъ. Онъ кромѣ условленной платы отъ насъ убыткѣ не будетъ. Мы ученики—добрые братья.

Цемахъ ушамъ своимъ не вѣрилъ. Ноги подъ нимъ подкоились. „Какъ? Судьба невольно свела меня съ раввинистами?" умалъ онъ—„злой духъ искушаетъ меня. Настоящее искуеніе! Какъ привлекательны—то слова ихъ. Но я не поддамся."— оварищи замѣтили это смущеніе и спросили:

— Чтожъ, не отвѣчаешь? Стоишь, словно деревянный. Что тебя удивляетъ? Не боишься ли попасть на колею передоныхъ евреевъ? Говори откровенно: къ чему, стѣсняться. Не нравится ебѣ нашъ разговоръ, мы и прекратимъ его. Ты думаешь, ы станемъ тебя уговаривать: слѣдуй, молъ, голубчикъ, нашему римѣру. Вольному воля. Теперь не училище гоняется за учениами какъ бывало, а наоборотъ ученики толпами стучатся

въ дверь училища. Довольно, братъ, учениковъ тамъ и безъ тебя. Пословица недаромъ говоритъ: рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше.

—„Знаю я вашу лисью хитрость," подумалъ Цемахъ;— „но наткнулись вы не на такого,—и я внукъ Авраама." Оставимъ совсѣмъ этотъ разговоръ, отозвался Цемахъ,—и лучше поговоримъ о чемъ нибудь полезномъ. Слыхали—вы о реформѣ, которую хотятъ завести въ молельняхъ? Хотятъ улучшить безотрадное положеніе аремъ-бахеровъ. Высшіе габаи, вникнувши въ положеніе послѣднихъ и замѣтивъ отсутствіе различія въ положеніи достойныхъ и не достойныхъ арембахеровъ, рѣшились ..

— Эхъ, братъ, со всѣмъ одичалъ ты! прервалъ его одинъ изъ товарищей.—Вмѣсто серьезнаго разговора, ты пустился въ болтовню о пустякахъ. Знаемъ мы еврейскія реформы и какой интересъ эта арембахерская реформа имѣетъ для насъ. Ты вотъ лучше указалъ бы намъ на кого нибудь изъ своихъ знакомыхъ клаузниковъ, который былъ-бы въ состояніи изучать съ нами еврейскіе предметы. Если ты найдешъ намъ такого силача въ этихъ предметахъ, какъ ты, мы, пожалуй, и четыре рубля въ мѣсяцъ ему заплатили бы, да еще рекомендовали бы ему еще два столь же выгодные урока.

"Четыре рубля въ мѣсяцъ, да еще два такіе же урока, обольстительно рисовались воображенію Цемаха, никогда не видавшаго и мѣднаго гроша въ своемъ карманѣ. Онъ подумалъ минутъ пять и сказалъ: знаете что, Файвке и Ханике? Я придумалъ для васъ славнаго учителя, на котораго вы вполнѣ можете положиться.

— Сдѣлай одолженіе! Услужимъ и тебѣ къ случаю. Кто-жъ онъ? Впрочемъ, когда ты ручаешься за его знаніе, мы вполнѣ спокойны, и только изъ неизбѣжнаго любопытства снова спрашиваемъ тебя: кто онъ?

— Это я, отвѣтилъ Цемахъ.

— Очень радъ, очень радъ! заговорили оба въ одинъ голосъ:—мы не смѣли сначала просить тебя быть нашимъ наставникомъ, зная, что ты ограниченъ волею отца и что отецъ, вѣроятно, воспротивился бы осуществленію нашего желанія. И въ самомъ дѣлѣ, скажи, пожалуста, какимъ же образомъ ты исполнишь наше намѣреніе? Безъ согласія отца?

— Объ этомъ не безпокойтесь: вѣдь, я въ отвѣтѣ. Развѣ тецъ обо всемъ долженъ знать? Ужели я и шагу не смѣю гупить безъ его позволенія? Я ужъ не мальчишка: пора мнѣ самому что нибудь предпринять.

— Браво, браво, закричали товарищи. Видно, что городская ровь течетъ въ твоихъ жилахъ. Ну, чтожъ, такъ по рукамъ?

— Пожалуй, по рукамъ. Но позвольте спросить на счетъ словій полученія денегъ?

— Конечно! Дружба дружбой, а служба службой: деньги — удешь получать въ два срока: половину впередъ, а остальныя ь концѣ мѣсяца. Только старайся оправдать общественное тебѣ мнѣніе и мы будемъ другъ другомъ довольны.

— Будьте спокойны. Я постараюсь быть достойнымъ своей грады.

— Такъ приходи сегодня ко мнѣ, Цемахъ: съ сего же дня нутся наши *лекціи*. Пойдемъ съ нами на квартиру и я те- отсчитаю два рубля серебромъ.

Хотя Цемахъ зналъ, что время молитвы уже давно нуло, однако онъ нисколько не огорчился этимъ: надежда ро сдѣлаться владѣтелемъ двухъ рублей заглушила въ мъ внутреній голосъ, упрекавшій его во многомъ: въ непо- шности къ отцу, во *вредномъ* для него *сношеніи* съ бинчиками, а особенно въ тяжкомъ преступленіи, первый ъ въ жизни имъ совершаемомъ, а именно: въ непосѣщеніи гуза для отправленія утренней молитвы съ собраніемъ. По- ивъ условленную половину платы за уроки, онъ на возврат- мъ пути шелъ не то веселъ, не то грустенъ, словно помѣшан- й. То веселая улыбка скользила по лицу его и онъ уско- лъ шаги, словно гонимый дѣйствіемъ внутренняго пара; то ругъ вся физіономія его принимала нуналый видъ, слезы являлись на глазахъ, и онъ плелся медленно, будто не тя. Каждую минуту онъ опускалъ руку въ карманъ и, щупавъ деньги, улыбался; но вдругъ вырывалъ съ презрѣніемъ изъ рмана руку и ему воображалось, что отецъ съ нагайкою, вчера ъ купленною, стоитъ уже на порогѣ и, завидѣвъ его издали, житъ къ нему навстрѣчу, хватаетъ обѣими руками за волоса, бѣшеннымъ крикомъ тащитъ въ домъ и такъ безпощадно егаетъ его по лицу, по плечамъ, по всему тѣлу, что кровь

изъ него льется ручьями. Чѣмъ больше онъ приближался къ дому, тѣмъ страшнѣе и живѣе становились эти грезы. Наконецъ онъ подумалъ и, зашедши въ ближнюю подворотню, оглянулся во всѣ стороны, и, увидѣвъ, что никого нѣтъ, опустилъ деньги въ голенище и отправился далѣе. Теперь онъ насчетъ денегъ нѣсколько успокоился. Но что будетъ, подумалъ онъ, если служка столярской школы донесъ отцу о томъ, что онъ не молился въ клаузѣ?!

Вотъ Цемахъ подошелъ къ дому. Вдругъ геніальная мысль мелкнула въ головѣ его: сказать отцу, что онъ молился сегодня не въ школѣ столярской, а въ большой синагогѣ. Все уже хорошо. Ничто его уже не безпокоитъ. Вдругъ чело его опять помрачилось, онъ подумалъ: быть можетъ, кто замѣтилъ его въ то время, когда онъ бесѣдовалъ съ рабинчиками, и донесъ отцу. Что онъ ему на это скажетъ? Словомъ, онъ никакъ не могъ помириться съ своими опасеніями, такъ быстро и неотвязчиво смѣнявшими другъ друга. Мучимый такими мыслями, онъ вдругъ наткнулся на отца, бѣжавшаго къ нему на встрѣчу съ распростертыми руками. „Вотъ осущвляются мои опасенія“, подумалъ онъ и отступилъ отъ отца на нѣсколько шаговъ.

— Я молился... залепеталъ Цемахъ.

— Знаю, что молился, перебилъ его отецъ.

— Ей Богу, не хотѣлось что-то въ столярской, такъ я отправился въ большую синогогу, почти со слезами извинялся Цемахъ, которому слова отца: „знаю, что молился“ показались ироническими.

Къ счастью отецъ не замѣтилъ смущенія сына.

— Къ чему ты это говоришь? я, вѣдь, спѣшу извѣстить тебя, что одинъ человѣкъ пришелъ ко мнѣ и спрашиваетъ: вы знаете, гдѣ сынъ вашъ?

— Я съ ними.., по дорогѣ... ей Богу... по дорогѣ встрѣтился... ей Богу...

— Такъ онъ, стало быть, не узналъ тебя, гнѣвно сказалъ отецъ, разслышавшій слово „съ ними“ и думалъ что сынъ „съ нимъ“ сказалъ.

Отецъ и сынъ не понимали другъ друга. Сыну показалось, что отецъ уже упрекаетъ его; каждое отцовское слово коробило его до костей, и онъ спѣшилъ оправдываться. Отецъ-же, ничего

і не подозрѣвавшій, спѣшившій извѣстить его о письмѣ, за нѣсколько минутъ полученномъ имъ изъ Свенціанъ на его имя, не понималъ намековъ своего сына. Долго они болтали безъ толку и связи. Цемахъ готовъ ужъ былъ расцѣловать отца и просить прощеніе въ необдуманномъ поступкѣ своемъ, переводя слова отца по своему и придавая имъ значеніе упрека; но когда увидѣлъ письмо, поданное ему отцемъ, съ прибавленіемъ: „къ тебѣ изъ Свенціанъ“, онъ пришелъ въ себя, понялъ свое заблужденіе и съ сердца его свалился стопудовой камень. Его лице вдругъ приняло спокойный видъ и онъ внутренно благодарилъ Бога за такой счастливый исходъ дѣла. Тутъ онъ припомнилъ о своемъ богатствѣ, скрывающемся въ гленищѣ, окончательно развеселился и считалъ себя счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ. Онъ прочелъ письмо и узналъ, что въ скоромъ времени прибудетъ въ Вильну закадычный другъ его. Это еще болѣе обрадовало его. „То-то весело будетъ“! подумалъ онъ. Онъ попросилъ у отца завтрака, и, получивъ его, отправился въ клаузъ.

Съ описаннаго дня Цемахъ сталъ, по заключенному условію, ежедневно ходить на урокъ къ бывшимъ его хедернымъ товарищамъ,—теперь ученикамъ пятаго класса раввинскаго училища. Онъ проводилъ у нихъ ежедневно три—четыре часа и занимался съ ними какъ нельзя усерднѣе, стараясь доказать не одну свою добросовѣстность, но и глубину своего знанія еврейской премудрости. Ученики были очень имъ довольны, а ничего не подозрѣвавшій о настоящей профессіи Цемаха отецъ, думалъ, что сынъ постоянный членъ клауза, расхваливалъ сына встрѣчному и поперечному и каждому твердилъ: сынишко мой непремѣнно въ самое короткое время будетъ избранъ въ Виленскіе раввины. Бывало, онъ приходилъ домой обѣдать истомленный, измученный, и отдохнетъ потомъ часа два-три; теперь же спохватился: время дорого, говоритъ; обѣденныя блюда такъ летятъ одно за другимъ, что онъ, кажется, не успѣваетъ замѣчать, что онъ именно кушаетъ. Пообѣдаетъ, да опрометью и въ клаузъ. „Вотъ то-то еврейчикъ ростетъ,“ отвѣчаютъ тѣ, къ которымъ столяръ обращается. Цемахъ нерѣдко подслушивалъ эти діалоги, что еще болѣе разъѣдало его совѣсть. Но время взяло свое: чѣмъ дальше, тѣмъ ему становилось легче, чѣмъ болѣе онъ свыкался съ свои-

ми учениками, тѣмъ болѣе онъ мирился съ своею совѣстью и тѣмъ невиннѣе казалась ему его профессія. Сначала Цемаху совѣстно было смотрѣть, какъ ученики его сидятъ надъ еврейскими книгами съ обнаженными головами; много разъ приходилъ онъ отъ такого нигилизма въ ярость, даже рѣшался впередъ не приходить къ нимъ. Онъ сначала цѣлые уроки просиживалъ какъ на каленыхъ угольяхъ при видѣ, какъ его ученики произносятъ *божественныя* слова безъ особеннаго къ нимъ благоговѣнія. Но все это происходило въ немъ только сначала, и это *сначала* не было продолжительно. Прошло полмѣсяца; Цемахъ получаетъ деньги исправно; ему предложили еще одинъ выгодный урокъ; хотя онъ стѣснялся занять этотъ урокъ, такъ какъ не зналъ съ чего ежедневно сорвать три-четыре часа: съ ученья ли, со сна ли, однако онъ занялъ его и рѣшился сдѣлать возможной первую невозможность. Къ такой рѣшимости больше всего расположили Цемаха его ученики, которые поминутно твердили ему: полно тебѣ сѣять, пора и плоды собирать. Пора тебѣ перестать трусить и отца: ты ужъ не мальчикъ. Отцу можешь сказать: я съ клаузнымъ товарищемъ три-четыре часа ежедневно гуляю; смѣлѣе только нужно дѣйствовать. Не смекнетъ отецъ дѣла, повѣритъ тебѣ,—и преотлично; смѣкнетъ, ты и отрѣжь ему: „я не мальчишка“. Извѣстно, что на юношей вообще, на легкомысленныхъ въ особенности товарищи имѣютъ огромное вліяніе; сперва они докажутъ, что отецъ—де человѣкъ стараго закала, человѣкъ не современный и что слушать его молодымъ людямъ безумно. На юношу съ твердымъ характеромъ, обладающаго самостоятельнымъ взглядомъ на вещи, такія слова не произвели бы особеннаго впечатлѣнія. Цемахъ, какъ по нѣкоторымъ даннымъ мы могли уже замѣтить, не принадлежалъ къ категоріи такихъ юношей и потому не отказывался отъ второго урока, рѣшившись при первомъ столкновеніи съ отцомъ доказать ему, что онъ вышелъ уже изъ ребячества.

И такъ Цемахъ уже уменьшилъ программу своихъ занятій талмудомъ почти на половину. Отецъ началъ замѣчать въ сынѣ нѣкоторое охлажденіе къ талмуду. Долго онъ не хотѣлъ передать сыну свое замѣчаніе, но, наконецъ, не выдержалъ и однажды въ субботу послѣ сна завелъ съ нимъ разговоръ, въ которомъ упрекалъ своего сына въ нерадѣніи ни о здѣшней, ни о будущей жизни

ни и грозилъ ему огласкою его поведенія. Цемахъ не промолвилъ ни слова: онъ, видно, на этотъ разъ не готовился къ допросу, отецъ совсѣмъ неожиданно завелъ съ нимъ рѣчь. Слова отца переданы были Цемахомъ слово въ слово его ученикамъ и, конечно, были ими осмѣяны. „Какія узкія понятія, какія отсталыя сужденія! и бѣдный Цемахъ долженъ былъ ихъ выслушивать", сказалъ одинъ.

— Будь я на мѣстѣ Цемаха, при такомъ обильномъ знаніи еврейскихъ предметовъ и при такихъ отличныхъ способностяхъ, я бы прямо махнулъ въ раввинское училище, отозвался другой, я бы...

— Да перестаньте городить такія страсти, перебилъ Цемахъ, принимая угрюмый видъ.

— *Страсти*? Вотъ понятіе о наукахъ, вскричалъ со смѣхомъ третій. А сколько тебѣ лѣтъ спросилъ онъ.

— 16-й идетъ.

— О! тебѣ только пятнадцать лѣтъ? какая молодость! Ей Богу, я не выпущу тебя изъ рукъ. Вѣдь счастіе само напрашивается, на пять только шаговъ оно, вѣдь, отъ тебя.

— Гдѣ-же оно? Гдѣ счастіе-то?

— Да, вотъ вообрази себѣ: тебѣ теперь пятнадцать лѣтъ, да? по еврейскимъ предметамъ тебя и въ десятый классъ примутъ...

— Ахъ, пожалуста, не говорите мнѣ про классъ!

— Не перебивай, когда говорятъ тебѣ дѣло. Слушай со вниманіемъ. Ну... такъ, значитъ, о еврейскихъ предметахъ и толковать нечего. Что касается общихъ—то предметовъ, такъ я бы самъ взялся приготовить тебя на будущій годъ къ четвертому классу. Тогда тебѣ минетъ шестнадцать. Пройдетъ семнадцатый, восемнадцатый, девятнадцатый, дальше двадцатый и двадцать первый, и ты, молодой человѣкъ, двадцати одного года, уже получишь аттестатъ, займешь мѣсто, будешь получать триста рублей въ годъ жалованья, квартиру, прислугу, отопленіе. А уживешься съ еврейчиками, тамъ и раввиномъ тебя изберутъ: тогда дѣло въ шляпѣ. Эхъ-ма! какая блестящая будущность! Деньги, карьера, слава, все, все, все! и все это отъ одного поступленія въ училище. Что касается времени пребыванія въ училищѣ, то оно, я тебя увѣряю, пролетитъ словно день. Ты не повѣришь, какъ весела ученическая жизнь! Знаніе-же еврейскихъ предметовъ доставитъ тебѣ самое роскошное пропитаніе. За три рубля въ

недѣлю я ручаюсь. А что получишь больше трехъ, пусть будетъ по поламъ, согласенъ?

Ученики нашли прямую дорогу къ сердцу Цемаха. Послѣднія слова сильно подѣйствовали на его корыстолюбивую душу. «Три рубля въ недѣлю, триста рублей въ годъ, мѣсто раввина», всѣ эти сладкозвучныя слова попеременно шевелили его мозгъ и воображеніе. Занятый этими мыслями, онъ на нѣсколько минутъ призадумался. Въ эти нѣсколько минутъ онъ рѣшилъ всю задачу своей жизни. Онъ обратился къ раввинисту—миссіонеру съ слѣдующими словами.

— А какъ отецъ объ этомъ узнаетъ? мнѣ, вѣдь, тогда придется бѣжать изъ родного города. Вы не знаете, какъ онъ строгъ! Для него открыты всѣ двери. Онъ и къ самому губернатору, пожалуй, найдетъ дорогу. А....

— Перестань молоть вздоръ! «Къ губернатору пойдетъ»! А коли пойдетъ, такъ чтожъ? Ты думаешь—губернаторъ—звѣрь какой? Онъ человѣкъ образованный, прозорливый, получившій образованіе въ высшемъ учебномъ заведеніи. Пускай только твой отецъ заикнется предъ нимъ съ такими отсталыми жалобами, такъ его уведутъ сейчасъ внизъ, какъ жениха [1]. И къ чему тебѣ такъ безпокоиться объ отцѣ? Это вѣдь твое личное дѣло; нравится тебѣ предлагаемая нами карьера, ну и маршъ къ экзамену. Отецъ, можетъ быть, на первыхъ порахъ и осерчаетъ, но со временемъ гнѣвъ его простынетъ: стерпится, слюбится, говоритъ пословица. А какъ за порогъ училища перейдешь, да крупными денежками карманчики наполнишь, да возьмешь его, старика отца, къ себѣ на пожизненное пропитаніе, тогда онъ самъ тебѣ скажетъ: спасибо.

— Такъ мнѣ, значитъ, сей-же часъ приходится бросить талмудъ и всѣ мои юношескія занятія и предаться исключительно русскому, что ли, языку? Какъ же я могу быть такимъ тираномъ своего собственнаго родителя? Онъ и дня послѣ этого не проживетъ. Мнѣ страшно и подумать объ этомъ. Довольно, хевре (господа), говорить объ этомъ.

— Эхъ, Цемахъ! ты настоящая баба, или пятилѣтнее дитя. Въ тебѣ просто ни капли нѣтъ характера. Самъ себя спрашива-

[1] Еврейское выраженіе.

ешь, самъ себѣ и отвѣчаешь. Вопросы твои странны, отвѣты ребячески. Кто же говоритъ тебѣ, что тебѣ сію же минуту приходится предаться всецѣло общимъ предметамъ? Ты долженъ тольо рѣшиться на поступленіе въ училище и дать намъ рѣшительный отвѣтъ, а тамъ положись на насъ. Мы устранимъ всякія затрудненія и всѣ непріятности. Да ты все забываешь, что мы бьемся изъ-за твоей же пользы. Мы полюбили тебя; мы знаемъ, какъ близко отъ тебя счастіе; мы хорошо знакомы съ училищемъ: училище въ три скачка перепрыгнешь, а тамъ столбовая дорога къ славѣ и богатству.

— Ну, я рѣшился: будь по вашему, отвѣчалъ Цемахъ, прельщенный такими прекрасными надеждами. У него голова пошла кругомъ отъ заманчивой перспективы.

— Помни жь! сказалъ рѣшительное слово: „согласенъ", такъ держись! Такъ по рукамъ?

— По рукамъ!

— Ну, кончено! Вотъ молодецъ такъ молодецъ!

Съ того дня Цемахъ сталъ учиться азбукамъ русской и нѣмецкой и знакомиться съ ариѳметикой. Эти предметы дались ему безъ излишнихъ затрудненій, какъ мальчику, носившему названіе: «красы Израиля». Въ теченіе полутора, мѣсяцевъ онъ уже читалъ безъ запинки и декламировалъ порядочно стихи. Прошелъ еще мѣсяцъ, и Цемахъ преодолѣлъ первыя 4 дѣйствія ариѳметики, грамматику прошелъ до глаголовъ и кромѣ того сдѣлалъ хорошіе успѣхи въ географіи. Въ книгахъ онъ не имѣлъ недостатка, благодаря его кліентамъ—ученикамъ. Мало того что прежніе *ученики* его дружно принялись за его подготовку, каждый изъ приходившихъ къ нимъ на квартиру учениковъ считалъ себя обязаннымъ посвятить нѣсколько минутъ образованію Цемаха, проводившаго большую часть дня на квартирѣ у своихъ учениковъ. Отъ интимнаго общенія съ учениками Цемахъ совсѣмъ перемѣнился. Его нерѣдко уже встрѣчали тамъ съ обнаженною головою. Опущеніе молитвы не только послѣобѣденной, но и утренней нисколько уже не тревожило его совѣсти. Многія непозволительныя для *еврейскаго* мальчика вещи обратились уже для него, отъ частаго повторенія, въ привычку. Онъ ужъ позволялъ себѣ быть свидѣтелемъ субботняго куренія учениками папиросъ, зажиганія ими же свѣчъ въ субботній

день и тому подобныхъ, строжайше запрещенныхъ у евреевъ, поступковъ. Словомъ, охлажденіе къ талмуду шло у него объ руку съ охлажденіемъ ко всему религіозному. Причина этого индиферентизма была прямымъ результатомъ довѣренности Цемаха къ его ученикамъ—учителямъ, которые всячески старались породить въ немъ самый презрительный и критическій взглядъ на своихъ единовѣрцевъ.

Вотъ пришла пора пріема учениковъ въ раввинское училище. Между просителями, подающими прошенія, я увидѣлъ и Цемаха. Онъ былъ окруженъ толпою учениковъ, интересовавшихся его участью и принимавшихъ дѣятельное участіе въ его приготовленіи. Я поздоровался съ нимъ, пожелалъ ему счастливаго экзамена, прочелъ его прошеніе, гдѣ значилось, что *Цимисхій Іохимовичъ Стружевскій* проситъ быть допущеннымъ къ испытанію на поступленіе въ третій классъ.

Отецъ ни о чемъ не зналъ, потому что Цемахъ, послѣ описанной мною бесѣды, въ домѣ учениковъ раввинистовъ, продолжалъ еще кое-какъ заниматься гемарою и тайкомъ учился класснымъ предметамъ. Онъ хотя замѣчалъ въ сынѣ большую внѣшнюю перемѣну и ощутительную внутреннюю метаморфозу, видѣлъ сильное охлажденіе къ еврейскимъ предметамъ, инстинктивно чувствовалъ сближеніе сына съ раввинистами, да много разъ замѣчалъ, что какіе то ученики суетятся у оконъ какъ бы поджидая кого-то; но такъ какъ фактовъ для полной улики Цемаха въ его сомнительномъ поведеніи не было, то и эти замѣчанія отца остались безъ послѣдствій.

Въ одно октябрьское утро, къ отцу Цемаха прибѣгаетъ какой-то незнакомецъ и какъ бы нехотя началъ съ нимъ говорить:

— Гдѣ вашъ сынъ? вы знаете?

— Какъ, гдѣ онъ? Вотъ вопросъ! Кажется, весь городъ знаетъ, что Цемахъ, столярскій сынъ, въ эту пору дня обыкновенно въ школѣ столярской. Развѣ можетъ кто въ этомъ сомнѣваться?

— Я первый осмѣлюсь сомнѣваться и скажу, что не только сегодня, но и....

Тутъ незнакомецъ заикнулся и не хотѣлъ продолжать начатый имъ монологъ.

— Чтоже вы остановились? вѣдь вы что нибудь начали, кончайте—же.

— Нѣтъ, не договорю. Къ чему же мнѣ быть вѣстникомъ непріятныхъ извѣстій? Это извѣстіе не уйдетъ отъ васъ: рано или поздно, вы его узнаете.

— Вы сдѣлаете большое преступленіе, если оставите меня въ настоящемъ положеніи. Я васъ прошу, именемъ Бога заклинаю васъ, говорите!

— Да что мнѣ говорить-то? Я пришелъ извѣстить васъ, что.... раввинское.... училище на дняхъ закрывается.

— Ахъ! пожалуста, не мучьте. Подобное извѣстіе, вы сами понимаете, доставило бы мнѣ гораздо больше удовольствія, чѣмъ всякія другія. Къ величайшему моему прискорбію, слухъ о закрытіи раввинскаго училища уже давно носится по городу, повторяется каждый мѣсяцъ, но никогда не осуществляется. Но, пожалуста, договорите.... что вы хотѣли сказать о моемъ сынѣ?

— Ну, ужъ коли вы такъ неотвязчивы, то я долженъ васъ извѣстить, что... сынъ вашъ... Цемахъ ужъ болѣе четырехъ недѣль и носу въ клаузѣ не показываетъ, а водится по улицамъ съ рабинчиками; но это еще не все: сегодня онъ подалъ прошеніе о вступленіи въ училище.

Эти слова словно пулею ударили отцу Цемаха въ грудь. Онъ поблѣднѣлъ какъ полотно и закричалъ: что?! что!!! какъ! Цемахъ въ рабинчики?!! какъ!! скорѣе, дайте мнѣ пальто! скорѣе!... скорѣе!...! побѣгу, пойду! или мнѣ, или ему смерть!— одна только смерть можетъ быть посредницею между нами. Но нѣтъ! Я и послѣ смерти его не прощу. О! до чего я дожилъ! Я предчувствовалъ это!... О!...

Послѣднія слова онъ произнесъ, бѣгая по улицѣ и самъ не зная, гдѣ онъ находится. Многіе останавливали его, любопытствуя узнать причину такого изступленія. Но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія и, сломя голову, бѣжалъ впередъ и впередъ. Онъ завернулъ къ главному габаю столярскаго клауза. На улицѣ слышны были изъ растворенныхъ оконъ дома, раздирающіе душу крики и вопли. Онъ плакалъ и причитывалъ, какъ надъ мертвымъ. Черезъ пять минутъ столяръ вмѣстѣ съ габаемъ вышли изъ клауза и направились къ канцеляріи виленскаго кагала. Зашедъ въ канцелярію, столяръ

спросилъ: не выдано ли на дняхъ свидѣтельство его сыну на поступленіе въ училище? Оказалось, что сынъ его, по рекомендаціи губернатора, уже два мѣсяца какъ записался въ ревизскую книгу и получилъ свидѣтельство. Столяръ онѣмѣлъ отъ страха. Онъ заломалъ руки и на взрыдъ заплакалъ. Одинъ общественный депутатъ спросилъ его: въ чемъ дѣло?

— Богъ съ вами? отвѣчалъ сквозь слезы столяръ,— какже мнѣ не плакать, когда эти душегубы, это терніе израиля, эти гоимъ, эти рабинчики отняли у меня мое сокровище, мой перлъ, красу нашего города и предали его въ гойскія руки?

— Какъ? онъ крестился?!

— Еще хуже!

— А чтожъ еще хуже?

— Онъ поступаетъ въ раввинское училище. О! вей миръ! вей миръ!....

— Я никогда не ожидалъ, чтобы вы были такого глупаго десятка. Поступилъ, ну чтожъ! онъ отъ еврейства, вѣдь, не отказывается. Мой совѣтъ таковъ: вы не должны препятствовать задуманному вашимъ сыномъ предпріятію. Вы только держите при себѣ, не выгоняйте его, пусть онъ будетъ подъ вашимъ надзоромъ. Что за бѣда? и у меня два сына посѣщаютъ раввинское училище, а дай Богъ всѣмъ еврейскимъ дѣтямъ быть такими.

— А! и здѣсь раввинскимъ духомъ пахнетъ! О! Эта зараза! О! я несчастный! Ведите меня отсюда, покажите мнѣ его!

— Идите, идите! посмотримъ, что вы черезъ пять-шесть лѣтъ запоете, когда вашъ сынъ будетъ услаждать вашу старость?

Столяръ направился было къ воротамъ училища, чтобы физически выместить на сынѣ свое негодованіе; но габай не допустилъ его, увѣряя, что кулачныя средства поведутъ къ гораздо худшимъ послѣдствіямъ, что сына изъ училища онъ не вырветъ, и что, въ случаѣ насилія, только накличетъ на себя бѣду: Цемахъ ужъ, видно, извѣстенъ губернатору, когда послѣдній принялъ участіе

въ его судьбѣ, а противъ такой протекціи возставать опасно и безполезно.

Столяръ согласился и оба разошлись по домамъ.

„Цимисхій Стружевскій“ выдержалъ экзаменъ только во второй классъ, и хотя сначала и гнушался этимъ низкимъ для хорошаго арембахера классомъ, но и на этотъ разъ старые ученики-раввинисты съумѣли успокоить его: „предметы второго класса тебѣ отчасти извѣстны, говорили ему ученики,—тебѣ понадобится меньше времени на изученіе уроковъ и остатокъ его ты употребить на пользованіе частными уроками по еврейскимъ предметамъ.“

Домъ столяра посѣтило словно какое то бѣдствіе. На лицахъ всѣхъ можно было прочесть, какъ глубоко затронуло ихъ отреченіе Цемаха отъ арембахерства и посвященіе себя наукамъ. Столяръ, въ теченіи цѣлой недѣли, не находилъ себѣ покоя отъ безпрестаннаго бѣганья съ улицы въ домъ, изъ дома на улицу. Ему заработки ужъ и на умъ не шли. Его жена бродила по дому какъ тѣнь, измученная и усталая отъ слезъ и хлопотъ.

— О—о—о!! подѣломъ тебѣ, кричитъ она на мужа.—Я тебѣ говорила: Хаимъ, жени Цемаха! жени Цемаха.

— Да поразитъ тебя холера!!! въ бѣшенствѣ вопитъ мужъ,—я ангелъ, пророкъ, что ли?

— Кляни, кляни меня! Видишь уже, чѣмъ кончились твои проклятія? на твою же голову они и обрушились. Развѣ ты думаешь, что ты совсѣмъ не виноватъ въ поступленіи Цемаха въ *рабинеры*?

— Я! я? ну, ну, скажи!

— Вмѣсто проклятій ты бы лучше сбѣгалъ къ Цемке на квартиру, да серьезно поговорилъ съ нимъ,—можетъ онъ смилуется надъ нами? Говори, что хочешь, а у Цемке сердце предоброе. Послушай, у Бога все возможно.

— Такъ подавай скорѣе обѣдать, а затѣмъ я пойду къ нему. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, Богъ помилуетъ насъ, вселитъ въ сердце Цемке покорность ко мнѣ и Цемке сейчасъже откажется отъ рабинеровъ.

— Ахъ, какое это было-бы счастье!

Жена подала обѣдъ и сама вышла изъ комнаты: поступокъ Цемаха произвелъ разладъ между его родителями.

Окончивъ обѣдъ и усердно помолившись Богу, столяръ, набросивъ на себя свое загрязненное верхнее платье, ушелъ.

По сдержаніи экзамена, Цемахъ, зная, что домъ отцовскій для него уже запертъ, сталъ искать пріюта. Средства къ пропитанію у него были достаточныя: онъ имѣлъ три хорошихъ урока, доставлявшіе ему довольно сытное пропитаніе. Въ классѣ на первыхъ порахъ онъ былъ еще чужимъ. Надъ нимъ иногда подтрунивали въ классѣ, какъ надъ новичкомъ—арельбахеромъ; но онъ не обижался, считая каждаго стараго ученика выше себя. Не будучи еще знакомъ съ училищными порядками, онъ полагалъ, что самымъ удобнымъ мѣстомъ для занятій можно считать квартиру *второ-курсниковъ*, какъ выражается г. Помяловскій. Они, по его мнѣнію, какъ хорошо знакомые уже съ прошлаго года съ предметами этого класса, должны служить наилучшими товарищами и опытными руководителями; но онъ не зналъ того, что именно эти молодцы—первыя невѣжды, что оставшійся на второй годъ подаетъ надежды остаться еще и на третій, на четвертый годъ какъ это замѣчалось уже много разъ (въ давно минувшія времена, когда позволялось ученику сидѣть въ одномъ классѣ по нѣскольку лѣтъ). А такъ какъ знакомыхъ опытныхъ учениковъ, которые указали бы ему его ошибку и отсовѣтовали бы ему сближеніе съ второкурсниками у него не было, то Цемахъ и привелъ въ исполненіе задуманное рѣшеніе, а второкурсники съ отверстыми объятіями приняли новаго сотоварища въ свою конуру.

Эту квартиру, помѣщавшую въ себѣ, въ описываемую зиму, пять постоянныхъ жильцевъ, кромѣ непостоянныхъ, которыхъ тоже было каждую ночь около четырехъ, составляла всего одна комната, имѣвшая одно окошко, находившееся въ одномъ почти уровнѣ съ поломъ. Въ стѣнѣ противоположной окну была продѣлана дверь, служившая когда-то проходною изъ одной комнаты въ другую; эта дверь теперь уже неотправляетъ своей прежней службы и постоян-

› заперта. Входомъ служила дверь, выходившая въ сѣни, торыя составляла темная обширная комната. У окна стоъ столикъ, на которомъ наброcаны бумаги, книги, аспидная ска, подсвѣчникъ, огарокъ свѣчи, игла, нитки, афиши .. и... разбросанныя замасленныя, какъ видно часто употребляемыя, игральныя карты. Возлѣ этого столика торчитъ овать съ разломанною ножкою: вмѣсто матраца и подумъ наброcана на ней куча соломы; впрочемъ солома составляетъ украшеніе не одной только койки, но и всей комнаты: тъ ни одного угла, гдѣ бы ея не было. Посреди комна‹ стоитъ одинъ стулъ, а другой предъ кроватью. На слѣднемъ стулѣ лежитъ полотенце, щетки и нѣсколько игъ. Комната всегда полна густаго дыма отъ излишняго ренія. Вообще воздухъ этой комнаты мраченъ, зловоненъ удушливъ.

Сюда—то вошелъ столяръ упрашивать своего сына, заинѣе спрятаннаго сожильцами, чтобъ онъ отрекся отъ учища. При входѣ въ комнату, столяръ остановился въ умленіи у двери, при видѣ трехъ учениковъ, сидѣвшихъ съ наженными головами. Онъ было испугался, думая, что тутъ ивутъ не евреи и обернулся уже къ двери; но одинъ учекъ обратился къ нему по еврейски: кого вамъ нужно?

Столяръ обернулся и робко произнесъ: здѣсь живутъ *рабинеры*?

— Нѣтъ, не рабинеры, а ученики здѣсь живутъ. А го?

— Здѣсь находится мой сынъ?

— Кто вашъ сынъ?

— Его зовутъ Цемахомъ.

— Тутъ нѣтъ никакого Цемаха. Какъ фамилія вашего ына?

— Онъ виленскій, здѣшній.

Ученики пересмѣивались между собою.

— Нѣтъ, вы не понимаете, что васъ спрашиваютъ, отовался одинъ, принимая вѣжливый тонъ и онѣмечивши свое произношеніе: васъ спрашиваютъ: какъ прозвище вашего сына? потому что у насъ въ раввинскомъ училищѣ не зовутъ другъ друга по именамъ, а по прозвищамъ.

— Стр.... струж....Стружевскій Цемахъ.

— А, Стружевскій, мы его очень хорошо знаемъ. Чт онъ сынъ вашъ?

— Сынъ, сынъ! чтобъ онъ лучше не былъ моимъ сыно онъ бы дней моихъ не сократилъ.

— Что, вы гнушаетесь вашимъ сыномъ? кажется онъ д брый малый.

— Да, онъ отличный мальчикъ, но вотъ въ томъ-то вся бѣда: еслибъ онъ способностей не имѣлъ, то я махнулъ на него рукой, а то....

— Что: а то? Если у него хорошія способности, такъ о вѣдь, будетъ отличнымъ ученикомъ.

— Что-бъ онъ лучше до этого не дожилъ, произнесъ вздохомъ столяръ.

— Послушайте, здѣсь не мясные ряды, что вы пришли да съ проклятіями!! грубо закричалъ ему пожилый угрюмый у никъ, помѣщавшійся на стулѣ у кровати, скрывая такимъ разомъ Цемаха, лежавшаго ничкомъ на полу подъ кроват Во первыхъ вашего сына нѣтъ здѣсь, а еслибъ и былъ, онъ ни чуть не согрѣшилъ бы предъ совѣстью, *указавъ* ва за такія слова на дверь [1]).

Цемахъ при этомъ ущипнулъ ногу скрывавшаго его.

— Своего роднаго сына я имѣю право проклинать, гать и даже бить, сколько мнѣ угодно за ослушаніе. стали его отцами нѣсколько лишь дней, а я исправ эту должность уже много лѣтъ, съ азартомъ и почти со с зами на глазахъ сказалъ столяръ. Вамъ онъ ни гроша ного не стоитъ, а мнѣ онъ стоитъ моей крови, моей пло моей жизни, не говоря уже о деньгахъ, которыя я тратилъ на него и которыхъ, одинъ Богъ знаетъ, у меня даже и не было. Спросите-же: гдѣ-же я взялъ ихъ? правду говоря: я самъ тоже теперь не знаю, откуда у меня взялось столько денегъ. Столько денегъ: о Господи! должно быть, я много согрѣшилъ предъ Тобою, что ты отнимаешь у меня мое дитя!!!

— Эхъ! уши вянутъ, ей Богу, слыша такія глупыя тирады, видя такія вздорныя слезы! Чѣмъ вы такъ огорчаетесь? Вы

---

[1]) Еврейское выраженіе, прогнать.

олжны радоваться, что вашъ сынъ достигнетъ со временемъ глучной карьеры.

— Ой, Богъ съ вами! Хотя вы рабинеръ, однакожъ, вѣдь у васъ души еврейскія есть (ученики пересмѣивались). Какъ о можете вы мнѣ хладнокровно говорить: радоваться я долженъ? Мальчикъ, котораго Богъ не надѣлилъ *хорошими осудами* [1]), который не въ состояніи трудиться надъ талмудомъ, ну, тому еще простительно посѣщать ваши *классы*. Но альчикъ, подобный моему сыну,—тутъ онъ ковырнулъ пальцемъ ь воздухѣ и запѣлъ послѣднія слова напѣвомъ, употребляющимся въ талмудѣ,—напѣвомъ, къ которому евреи прибѣгаютъ въ большей асти разговоровъ,—который по своимъ способностямъ составляетъ ѣдкость, который успѣлъ уже въ гемарѣ на столько, что скоро олучилъ бы смихесъ [2]), который служилъ предметомъ благоговеній всего города и который, кромѣ всего этого, происходитъ отъ геніальнѣйшихъ евреевъ,—не должно-ли сердце, которое имѣетъ хоть каплю человѣческаго чувства, превращаться въ ну, въ ничто, при слухѣ, что такой мальчикъ, такая рѣдкость оторвался отъ святой гемарры нашей и... и... сталъ рабинеромъ. Ну, не нужно ли умереть отъ такой сердечной боли. Ужъ конецъ міру, конецъ всему, когда въ такомъ большомъ городѣ, какъ Вильна, могло это случиться! Конецъ, конецъ всему: видно, что это наказаніе, предопредѣленное самимъ Богомъ. Кому только я ни разсказывалъ о моемъ горѣ, у всякаго волоса дыбомъ становятся. О моей женѣ ужъ говорить нечего: если она перенесетъ благополучно этотъ ударъ, такъ я тогда скажу, что она—желѣзо, крѣпче желѣза: она бѣдная бьется, плачетъ, утѣшенія не находитъ ни въ чемъ.

Цемаха растрогала эта, почти со слезами отцемъ произнесенная тирада. Онъ уже нѣсколько разъ хотѣлъ выдти изъ своего убѣжища, предстать предъ отцемъ и утѣшить его исполненіемъ его воли, но ученикъ, скрывшій его, крѣпко держалъ его подъ спудомъ, желая вдоволь насмѣяться надъ смѣшнымъ, въ самомъ дѣлѣ, столяромъ. Но, услыхавъ о горькомъ положеніи своей матери, онъ съ усиліемъ оттолкнулъ ученика,

---

[1]) Тоже: хорошія способности.

[2]) Аттестатъ на званіе духовнаго раввина.

зались крупными слезами и поднялся, какъ будто изъ земли выросъ. На лицѣ Цемаха появлялись попеременно всевозможные цвѣта.

— Гм!.. ухмылялся отецъ, котораго скрытіе Цемаха подъ кроватью, а затѣмъ появленіе его изъ подъ нея невольно разсмѣшили. Уннин! провались сквозь землю, отцеослушникъ! проказничаетъ недоростокъ со мною, какъ съ равнымъ себѣ. Послушай, Цемке, съ какихъ-то поръ сталъ ты такъ фамильяренъ со мною?

— Отецъ! вѣдь ты за дѣломъ, должно быть, пришелъ, отчего-жь ты забылъ о цѣли прихода и пустился въ болтовню, ни къ чему не ведущую? Чего хочешь?

— Я пришелъ увести тебя домой. Вѣдь ты ужъ, вѣрно, нѣсколько дней ничего во рту не имѣлъ, отчего-жь домой не идешь?

— Во первыхъ я, слава Богу, сытъ, хлѣба у меня хватитъ еще на цѣлую недѣлю, масла, селедки, сыру тоже. Во вторыхъ, еслибъ даже у меня ничего съѣстнаго не было, я — бы тоже домой не осмѣлился пойдти, зная напередъ, что цѣлъ бы оттуда не вышелъ.

— Съ какихъ поръ сталъ ты такъ смѣтливъ? Развѣ ты чувствуешь за собою какой нибудь тяжкій грѣхъ, за который ожидаешь заслуженнаго наказанія?

— Грѣховъ—то я никакихъ не совершалъ, но поступленіе мое въ раввинское училище тебѣ кажется, какъ я слыхалъ, смертнымъ грѣхомъ. По дошедшимъ до меня слухамъ, ты норовишь захватить меня въ домъ, чтобы поломать мои ребра.

— Кто это тебя вразумилъ? твои добрые братья? А я тебѣ говорю: иди безопасно домой.

— Неужели въ одинъ день ты измѣнилъ на стлько свой взглядъ на училище, чтобы рѣшиться принять въ домъ—сына рабинера?

— Какъ? неужели ты думаешь остаться ужъ на всегда въ училищѣ и забыть о своемъ отцѣ и о своей матери.

— Конечно! развѣ я поступилъ въ училище для того, чтобъ подшутить немножко надъ тобою, пожить въ немъ нѣсколько дней и поминай какъ звали?

— Слушай, Цемке, къ чему намъ долго болтать? я тебѣ

скажу коротко да ясно: если ты намѣренъ посѣщать *классы*, такъ можешь въ скоромъ времени приготовиться къ похоронамъ отца и матери.

— Отецъ! грѣшно тебѣ такія слова произносить, отвѣтилъ Цемахъ, сильно тронутый словами отца.

Ученики-сожильцы Цемаха, зная его мягкую натуру и нетерпительность, поспѣшили остановить ихъ разговоръ: что вы пришли сюда плакать? здѣсь не кладбище! Хотите *увѣщевать* вашего сына, возьмите его къ себѣ и дѣйствуйте такъ на него своими глупыми, до слезъ смѣшными, словами. Вотъ забавный еврей! Не радъ онъ, что сынъ его принялся за науки! иной всего состоянія не жалѣетъ, чтобъ сына какъ нибудь поставить на путь образованія. А тутъ смѣшно, ей Богу, видѣть, какъ отецъ выбивается изъ силъ, чтобъ сынъ его оставилъ науки и принялся съизнова за оставленную путаницу и болтовню.

— Про что вы говорите: болтовню, путаницу? отчаянно спросилъ столяръ.

— Про то, чему Цемахъ былъ такъ сильно преданъ.

— И ты, Цемхъ, ты.... ты, можешь равнодушно слушать подобныя слова, жить съ такими людьми, которые перестали уже быть евреями, которые... которые... ты, ты, Цемахъ! нѣтъ! не переживу этого!...

Ученики разразились дружнымъ смѣхомъ; они уже готовились вытолкать столяра, но Цемахъ предупредилъ ихъ, обратившись къ отцу съ слѣдующими словами: къ чему тебѣ напрасно тратить время и слова? Лучше ступай домой, занимайся своимъ ремесломъ, а я непоколебимо рѣшился остаться ученикомъ. Видно Богу такъ угодно, чтобъ я не кончилъ остатокъ своей юности въ *скамейкодавленіи* [1]) и безполезной тратѣ времени надъ талмудомъ.

— Что, что ты?! Нашъ святой талмудъ безполезенъ? О! будь ты проклятъ! чтобъ языкъ твой усохъ! И еще смѣетъ произносить онъ имя Бога! Послушай, Цемке, какъ видно добромъ съ тобою не подѣлаешь: такъ я долженъ тебѣ сказать,

1) Еврейское выраженіе: означаетъ арембахерствовать, заниматься въ клаузѣ геммарою, что сопряжено съ безпрерывнымъ сидѣньемъ на скамейкѣ.

что я буду и у инспектора вашего; вѣроятно онъ вступится за меня.

— Вотъ забавникъ! возразилъ ученикъ. Вы думаете, что инспекторъ такой же еврейчикъ, какъ и вы, человѣкъ темный и закоснѣлый въ жидовствѣ; нѣтъ, онъ просвѣщенный человѣкъ, самъ науками занимающійся и искренно желающій, чтобъ всѣ его единовѣрцы вышли изъ тьмы талмуда на свѣтъ науки. Ну, къ кому еще изъ нашихъ начальниковъ сдѣлаете *визитъ*? прибавилъ иронически ученикъ.

— Это мнѣ знать! Я тебѣ говорю, Цемке, это тебѣ не сойдетъ такъ: еще настрадаешься, намучишься и въ концѣ концовъ бросишь *клясы*. Твой дѣдушка, котораго ты носишь имя, тоже этого не допуститъ. Онъ ночью задушитъ тебя и возьметъ тебя къ себѣ. Этакой недоросль смѣетъ ослушаться отца! Отецъ все болѣе приходилъ въ азартъ и наконецъ вышелъ изъ себя и закричалъ во все горло: здѣсь лѣсъ? нѣтъ, не допустятъ такого злодѣйства. Я всѣхъ подниму на ноги: если ты собственною волею не оставишь *школу*, такъ тебя отсюда прогонятъ.

— Будьте увѣрены, что этого никогда не будетъ, отозвался один ученикъ.

— Ты говоришь: меня прогонятъ, а я говорю: посмотримъ, чья возьметъ верхъ? упорно отвѣтилъ Цемахъ

— Что—о—о? ты еще смѣешь говорить такъ дерзко со мною? Такъ вотъ тебѣ!!

Столяръ при этихъ словахъ отвѣсилъ сыну такую оплеуху, что всѣ переполошились и въ одинъ голосъ закричали: вонъ отсюда! какое вы имѣете право его бить? Вы ему ѣсть, пить даете? ! Мы всѣ будемъ свидѣтелями того, что вы за то его били, что онъ говорилъ по русски, что вы его книги бросили на землю и топтали ихъ ногами; посмотримъ, что вы тогда запоете? Стружевскій, скорѣе набрось на голову шапку, бѣги прямо въ полицію: мы уже неоднократно прятали такихъ жидковъ въ участковый погребъ. Небось, за насъ всѣ. Ну, что же идемъ?

Цемахъ, разумѣется, и съ мѣста не двинулся: ученики подавали ему разные знаки посредствомъ миганья глазъ, топанья ногъ, щипанья, чтобъ онъ смѣлѣе дѣйствовалъ. Цемахъ наконецъ закричалъ: чего ты отъ меня хочешь? За что не даешь

нѣ свободно продолжать начатаго мною курса. Неужели я тебѣ что нибудь стою теперь: ни ѣсть, ни пить, ни одежды, ни книгъ, ничего, рѣшительно ничего отъ тебя не требую. Будь моимъ отцомъ издали: наши пути розные. Я даже не прошу тебя, чтобъ ты посѣщалъ меня, чтобъ ты у кого либо освѣдомлялся обо мнѣ.

— Ужъ такимъ самостоятельнымъ ты сталъ? Ай, ай, ай! совсѣмъ забылъ, что мой любезненькій сынъ вступилъ уже во второй *кляс*ъ. Счастливецъ, нечего говорить! Какъ-же иначе: ученикъ втораго *кляса*, рабинеръ! Однакожъ не мѣшало бы тебѣ позаботиться о сапогахъ. Смотри: вѣдь ты ужъ ходишь босой.

— Къ чему толковать о пустякахъ? я тебѣ говорю разъ на всегда: не приходи ко мнѣ и не повторяй подобныхъ увѣщаній и угрозъ, не то хуже будетъ...

— Что, что такое будетъ?

— Ужъ будетъ. Я твоимъ сыномъ не буду, а ты моимъ отцемъ не....

— Что, что бормочешь себѣ подъ носъ?! Договори, договори, но я уже и безъ твоихъ словъ знаю свое несчастіе. О, Господи! за что ты такъ наказываешь меня? Ничего, Богъ отомститъ тебѣ, сказалъ столяръ послѣ нѣкотораго раздумья. Ну, скажи-же, Цемахъ, продолжалъ онъ, принимая добродушный видъ и смягчая свой тонъ, — чѣмъ это кончится? Ты вѣдь скоро сдѣлаешься отцеубицею, право—слово ты скоро лишишь меня жизни, со слезами сказалъ столяръ.

— Пускай стѣна тебѣ отвѣтитъ; отъ меня ты больше и живаго слова не добьешься, сказалъ Цемахъ.

— Чего вы отъ него хотите? обратился сожилецъ Цемаха къ столяру,—вѣдь вы видите уже, что всѣ слова и старанія ваши напрасны. Помиритесь съ нимъ лучше и пускай будетъ по вчерашнему.

— Только смерть помиритъ насъ. Ну, Цемахъ, я ухожу; хочешь признать свою ошибку и послѣдовать за мною?

— Да что мнѣ тебя слушать! говори съ ними, не со мною, закричалъ Цемахъ и, отворивъ дверь, выбѣжалъ изъ комнаты.

Черезъ окошко видно было, какъ Цемахъ стремглавъ пробѣжалъ черезъ ворота и скрылся изъ виду.

Столяръ обратился къ ученикамъ, по наущенію которыхъ Цемахъ скрылся, но они всѣ заткнули уши, показывая видъ что не намѣрены слушать его.

Столяръ, пробормотавъ что—то, удалился изъ комнаты.

Цемахъ постоялъ нѣсколько времени за какими то вороты и, увидѣвъ проходящаго отца, вышелъ изъ—за воротъ, скоры шагомъ вернулся домой и вбѣжалъ туда, заливаясь громки смѣхомъ и закричавъ: ну, господа, какъ я игралъ свою ро не правда ли артистически?

— Молодецъ, молодецъ, закричали нѣкоторые, хлопая ладоши,—недостовало только того, чтобъ ты при немъ—же ся за книгу и закричалъ—бы во все горло, бѣгая по ком тѣ. Хотѣли—бы мы видѣть, какую рожу онъ состроилъ— при этомъ! Однакожъ, молодецъ, нечего сказать.

Въ комнату прибыло еще три ученика.

— Э, опоздали вы, закричали сожильцы Цемаха.—При вы нѣсколькими минутами раньше, вы—бы имѣли удовольст видѣть сцену, происходившую между Стружевскимъ и отцемъ ег

— Развѣ здѣсь былъ отецъ Стружевскаго? Неужели? Вы вре

— Спросите у самаго Стружевскаго.

— Чему-жъ тутъ не вѣрить? отозвался Цемахъ,—зд былъ мой отецъ: онъ плакалъ, бился, просилъ, грозилъ а я.. спросите у нихъ.

— Онъ разыгрывалъ свою роль какъ нельзя лучше.

— Господа, кто хочетъ въ карты?

— Я, я, отозвались всѣ.

Всѣ сѣли вокругъ столика, на которомъ тускло мерца грошевая свѣчка, воткнутая въ чернильницу. Игра въ карт продолжалась до двухъ часовъ ночи. Въ продолженіи игры нѣкотрые изъ учениковъ по нѣскольку разъ перебранивались; эт перебранки доходили иногда до серьозной драки, потомъ игро опять мирились. По окончаніи игры, рѣшено было большинство голосовъ подкутить немножко на выигранныя деньги. Принесл полгуся, кондиторскія сухари и разныя другія лакомства. Так какъ часовая стрѣлка указывала уже на два съ половиною пополуночи, то и прибывшіе партнеры остались въ этой гос пріимной квартирѣ на ночлегъ. Трое легли на полъ, постла свои только сюртуки и брюки. Трое залегли въ постель,

ядилъ легъ на голыхъ стульяхъ. Цемахъ съ другимъ легли на окошко. Долго они не заснули; долго раздавались въ комнатѣ перебранки, хохотъ, неудобныя къ печати проказы, наконецъ сонъ одолѣлъ всю безалаберную братію.

Утромъ разбудилъ ихъ стукъ въ окно двухъ учениковъ, рѣшившихся не посѣщать сего дня классовъ, и для того, чтобъ провести весело и безпечно классное время, завернули въ Цемахову квартиру,—гостепріимный притонъ для подобныхъ господъ. Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ. Понятно, что вся эта компанія тоже должна была оставаться дома на все классное время. Закурили папироски; запѣли пѣсни; нѣкоторые изъ учениковъ начали передразнивать разныхъ учителей, осмѣивать ихъ, говорили о ничтожности и безполезности образованія вообще и раввинскаго училища въ частности. Всѣ эти пріятныя занятія смѣнились наконецъ всеобщею игрою въ карты. Для большей безопасности и для предохраненія себя отъ случайнаго нашествія надзирателя за домашними учениками, они заперли дверь, а окошко завѣсили разнымъ хламомъ. Кончили картежъ и заиграли въ *фанты*. Въ подобныхъ играхъ незамѣтно прошло классное время. Ночью повторилось прошлоночное, съ нѣкоторыми лишь перемѣнами въ лицахъ, играхъ, разныхъ другихъ занятіяхъ, но никакъ не классныхъ.

Такъ текли у нихъ дни, мѣсяцы, трети. Описывать одно и тоже считаю лишнимъ.

Понятно уже, какое вліяніе могла имѣть эта квартира на нашего героя. Будь Цемахъ въ кругу прилежныхъ, нравственныхъ учениковъ, не прильни онъ къ партіи негодяевъ, составляющихъ язву училища, и онъ со временемъ успѣлъ бы расположить къ себѣ отца и доказать своимъ единовѣрцамъ пользу наукъ, какъ въ моральномъ такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ. При его способностяхъ и прилежаніи, онъ былъ бы въ числѣ первыхъ учениковъ класса, изъ него вышелъ бы наконецъ полезный гражданинъ отечества, здоровый членъ единовѣрцевъ и крѣпкая опора семейства. Но человѣкъ, какъ извѣстно, самъ строитель своего счастья и несчастья. Цемахъ тоже самъ положилъ прочный фундаментъ своего несчастія и гибели: изъ него наконецъ вышла негодная посуда, вялый, тряпичный человѣкъ, вредная вещь. Причиною всему его вертопрашество.

Частію по неопытности, частію по легкомыслію, онъ душой и тѣломъ примкнулъ къ компаніи ословъ, занимающихся всѣмъ, кромѣ того, что полезно и благородно, и старающихся, по свойственной злому началу пропагандѣ, умножить число своихъ прозелитовъ. Завербовать Цемаха въ свою корпорацію имъ было такъ же легко, какъ догнать черепаху. Гибкая натура Цемаха поддалась увлеченію безъ всякой реакціи,—словомъ, повторю снова, фундаментъ насчастія заложенъ. Второй классъ онъ кое-какъ проползъ, посредствомъ разныхъ уловокъ и плутовствъ. Перешедъ-же въ III-й классъ и предавшись окончательно вліянію распутныхъ товарищей, онъ вращался между баллами 1 и 2. Прошла первая треть. Баллы Цемаха оказались равносильными балламъ прочихъ его компаніоновъ. Ученики добрые и прилежные, сначала домогавшіеся дружбы съ Цемахомъ, начали мало по малу чуждаться его и прекратить начавшіяся между ними интимности.

Случалось, хотя довольно рѣдко, что Цемахъ вдругъ принимался за книги и нѣсколько дней не разставался съ ними. Въ эти дни онъ успѣвалъ запасаться соотвѣтствующими его способностямъ отмѣтками. Но это прилежаніе продолжалось до тѣхъ только поръ, пока товарищи его конуры не замѣчали нѣкоторыхъ плодовъ его трудовъ, а лишь только видѣли, что Цемахъ начинаетъ превосходить ихъ баллами и репутаціей, зависть вступала въ свои права и они сбивали его на свою дорогу.

Одинъ изъ родственниковъ Цемаха,—которому вступленіе его въ училище въ началѣ очень понравилось, услыхавъ о развратномъ поведеніи его, вздумалъ однажды, при встрѣчѣ съ нимъ, прочитать ему наставительную рѣчь.

— Ну, какъ, Цемахъ, идутъ твои училищныя дѣла? заговорилъ съ нимъ родственникъ, дѣлая видъ, будто онъ ничего не знаетъ о безпутномъ его поведеніи: ты уже вѣрно далеко заѣхалъ! при четвертомъ, что ли, или пятомъ ты классѣ?

— Я только въ третьемъ, сказалъ Цемахъ, покраснѣвъ немного.

— Ну, и зато славу Багу! А что ты, быть можетъ, надѣешься попасть на казенное содержаніе? Это вырвало бы тебя изъ когтей губящей твою будущность компаніи: мнѣ про тебя раз-

азывали . . . Родственникъ на минуту остановился, видимо ѣсняясь продолженіемъ своего монолога. Потомъ, собравшись духомъ, продолжалъ: коли къ слову пришлось и пошло на откровенность, такъ я тебѣ скажу, что я про тебя наслышался олько мерзостей, что уши просто вянутъ. Не того я и всѣ кидали отъ тебя, когда ты вступилъ въ училище. Ты, емахъ, подавалъ такія блестящія надежды, что всѣ лагали, увидѣть со временемъ въ сынѣ столяра перваго рейскаго Гаона (самый великій мужъ между евреями въ настоящемъ вѣкѣ) или знаменитаго юриста, и вдругъ, языкъ не повернется, съякшался, чортъ знаетъ, съ какими негодяями и арлатанами, съ негоднѣйшими изъ негоднѣйшихъ и танцуетъ ихъ дудкѣ! Ты, кажется, знаешь, что я раввинистовъ не олько не пренебрегаю, но даже уважаю ихъ, какъ юношей, остойныхъ уваженія. Я не то, что твой отецъ, дядя или друй еврей фанатикъ, который упрекалъ бы тебя за то, что ты береалъ, еретикъ, что ты присоединился къ шайкѣ вольнодумовъ, эпикурейцевъ, атеистовъ, что куришь ты по субботамъ проч . . По мнѣ ты не бери хоть въ руки филактерій нигда, да только знай свое дѣло. Далѣе, ты, кажется, знаешь, то я тебѣ искренній другъ, что въ пониманіи дѣла я не уступлю твоимъ негоднымъ товарищамъ . . .

— Объ этомъ и говорить нечего: я бы никогда не промѣялъ ума, кроющагося въ вашихъ пятахъ, на весь мозгъ, покоющійся въ ихъ головѣ, но. . . .

— Не перебивай, пожалуста. Когда ты признаешь мои лова, такъ, значитъ, на чемъ я тамъ остановился, да. . . такъ, начитъ, я заслуживаю, чтобъ ты вѣрилъ мнѣ болѣе, нежели воимъ негоднымъ сосѣдямъ, которые, по зависти лишь къ твоимъ богатымъ способностямъ, заманили тебя въ свою шайку, то бы еще однимъ ученикомъ въ классѣ сократить число ѣхъ, которые срамятъ ихъ своимъ надъ ними превосходствомъ. Я все знаю. Ты думаешь, что я не имѣю сношеній съ учениками? ного ихъ меня посѣщаетъ. Стало быть мои слова, мои упреки не безосновательны. Укажи мнѣ хоть на одного изъ твоихъ товарищей, который исполнялъ бы аккуратно свои ученическія и общечеловѣческія обязанности. Не укажешь ни одного, потому что всѣ ихъ дѣла и намѣренія клонятся лишь къ тому, чтобы раз-

вращать добрыхъ учениковъ. Они всѣмъ и каждому твердя: къ чему тебѣ учиться? Къ чему тебѣ казенное пропитаніе? Ка- кія надежды сулитъ тебѣ училище? На какую дорогу постав оно тебя? На раввинскую, на меламедскую? Ужъ лучше бы с ложниками быть.„ Впрочемъ, эти пустыя фразы могутъ сб съ толку лишь дураковъ или новичковъ подобныхъ тебѣ; ра- зумный же юноша отвернется отъ такихъ искусителей съ през ніемъ. Онъ знаетъ, что училище подобно морю, что оно,— время отлива, выброситъ на берегъ всякій соръ и мертвечи что они озлоблены на училище за то лишь, что оно готовитъ д нихъ изверженіе. Такому какъ ты разумному юношѣ, стыдно грѣшно поддаваться такимъ совѣтамъ. Пожелай—только б принятымъ на казенный коштъ, тогда посмотришь, какаго ми нія будетъ о тебѣ училище, какъ радушно оно тебя приметъ свои стѣны. Измѣни же твой образъ жизни, и ты современе будешь благословлять нашу теперешнюю встрѣчу, убѣдишься истинѣ словъ моихъ и вѣчно будешь благодарить Бога, что я явился твоимъ ангеломъ—избавителемъ.

— Ваша правда. Я вполнѣ убѣжденъ въ вашей ко мнѣ друж въ вашемъ здравомысліи и согласенъ слѣдовать вашимъ со тамъ. Но какъ мнѣ отдѣлаться отъ моихъ товарищей? тепер я нахожусь подъ полнымъ ихъ распоряженіемъ.

— На нѣкоторое время ты долженъ оставаться на той-же квартирѣ, по неимѣнію другой, и какъ можно скорѣе избавиться отъ ихъ гибельнаго сосѣдства, а главное—ты долженъ всѣми силами стараться пріобрѣсть лучшую репутацію, а для этого аккуратно посѣщать классъ, прилежно заниматься своимъ дѣломъ, прекра- тить общеніе съ твоими соквартирантами. Когда ты исправишься, я уговорю твоего отца, чтобы онъ согласился принять тебя къ себѣ на квартиру. Доселѣ отецъ чуждался тебя по тому лишь, что ты самъ оттолкнулъ его отъ себя, что распутство твое ужа- саетъ его, какъ это онъ мнѣ объявилъ три недѣли тому назадъ. Но веди ты себя какъ слѣдуетъ, и будь увѣренъ, что я съумѣю подѣйствовать на него въ твою пользу.

— Я вамъ очень благодаренъ за добрыя наставленія и по- стараюсь неуклонно слѣдовать имъ.

Вы, читатель, должно быть, весьма рады счастливому обороту дѣла? Вы, вѣрно, уже благодарны родственнику Ценаха,

ова котораго произвели такое благотворное вліяніе на нашего роя? И радость и благодарность ваша преждевременны: емахомъ могъ всякій владѣть по своему произволу; онъ вно поддается какъ нравственнымъ, разумнымъ, такъ и нравственнымъ и опаснымъ людямъ; попади онъ въ угъ достойныхъ учениковъ, и онъ былъ бы украшеніемъ училища, пался онъ въ руки негодныхъ, и они его погубили; встрѣтился ь съ родственникомъ, тотъ убѣждаетъ его отказаться отъ ихъ товарищей, и онъ соглашается безпрекословно съ его овами. Не отступи отъ него родственникъ, заставь его сей часъ выбираться съ его конуры, и Цемахъ сдѣлался бы подъ вліямъ добрыхъ наущеній и примѣровъ полезнымъ членомъ обства. Къ несчастію, родственникъ не съумѣлъ довершить ого добраго дѣла, и благотворный огонь, разлившійся въ рдцѣ Цемаха отъ совѣтовъ родственника, безъ, труда былъ литъ его товарищами.

Разставшись съ родственникомъ, Цемахъ сошелся съ однимъ еномъ своей конуры, видѣвшимъ издали свиданіе его съ родвенникомъ; онъ началъ разспрашивать его о предметѣ ихъ бесѣ; сначала Цемахъ не хотѣлъ открыть товарищу словъ родвенника, такъ какъ мысль его еще была подъ вліяніемъ внуеній послѣдняго, но испараясь постепенно, скоро поддалась ювамъ и настояніямъ мнимаго друга, и онъ передалъ ему весь азговоръ свой съ родственникомъ. Товарищъ сначала выслуалъ его какъ будто равнодушно; потомъ, когда Цемахъ оконлъ, началъ такъ:

— Ты думаешь, другъ онъ твой, добрый совѣтникъ? приелъ вырвать тебя изъ несчастнаго положенія? Увы! Если онъ акъ добръ, доброжелателенъ, отчего-же онъ не вынулъ изъ карана хоть двухъ злотыхъ и не сказалъ: у тебя можетъ быть е на что пообѣдать или поужинать, такъ вотъ тебѣ. Дальше: тчего онъ не пригласилъ тебя сей часъ же къ себѣ на квартиру? ы вѣдь не стѣснилъ бы его своею мебелью, своимъ шкафомъ, сунуками, дѣтьми, прибавилъ онъ иронически,—а сталъ читать ебѣ мораль: „ты, Цемахъ, негодный, развратный“, а ты и уши овѣсилъ: «согласенъ, ваша правда, простите меня» бормочешь, акъ автоматъ! Эхъ ты неотеса! Наконецъ, я увѣренъ, что родственникъ твой подосланъ къ тебѣ отцомъ. Онъ тебѣ самъ ска-

залъ, что недавно видался съ отцемъ твоимъ. Отецъ, зная его за хорошаго моралиста, краснобая, попросилъ его, чтобъ онъ развѣдалъ у тебя, на сколько сильна твоя охота къ училищу, и нельзя ли тебя какъ нибудь отговорить отъ него, посуливъ сначала квартиру, потомъ выгодную невѣсту, а тамъ прощай училище! Видишь какъ я догадливъ! понимаешь ли ты суть дѣла?

— Начинаю догадываться. Эхъ! кабы онъ теперь заговорилъ со мною, я бъ отвѣтилъ ему не языкомъ, а пятернею.

— Вотъ молодецъ, коли дѣло понимаешь. Учись, учись, братъ, у насъ опытныхъ.

Окончивъ этотъ *полезный урокъ,* они завернули къ себѣ на квартиру. Тамъ прочіе товарищи еще болѣе убѣдили Цемаха въ искуственности и поддѣлкѣ дружбы его родственника и окончательно подавили въ Цемахѣ всякое доброе начало. Съ того дня Цемахъ всячески старался избѣгать встрѣчи съ родственникомъ.

Учебный годъ кончился, а Цемахъ, разумѣется, остался въ 3-мъ классѣ, вмѣстѣ съ товарищами своей конуры. Онъ не зналъ на что рѣшиться; онъ обратился за совѣтомъ къ старымъ своимъ путеводителямъ. Нѣкоторе изъ нихъ рѣшились оставатся въ томъ же классѣ, остальные давно уже скучали училищемъ и рѣшились оставить его окончательно. Эти послѣдніе успѣли привлечь и Цемаха въ свои послѣдователи, и онъ подалъ прошеніе объ исключеніи его изъ числа учениковъ раввинскаго училища.

Тогда Цемаху было за девятнадцать лѣтъ. Наступила жестокая зима. Куда ему пріютиться? На прежней квартирѣ не было уже возможности оставаться, какъ потому, что товарищи его были съ позоромъ изъ нея прогнаны хозяиномъ за неплатежъ и черезъ чуръ распутный образъ жизни, надоѣвшій всѣмъ сосѣдямъ, такъ и потому, что честная компанія нашего Цемаха разстроилась и члены ея разсыпались въ разныя стороны: кто поѣхалъ въ родной городъ, кто получилъ мѣсто прикащика въ лавкѣ какого либо родственика, тѣже немногіе, которые остались въ училищѣ, по своей малочисленности, не были въ состояніи нанимать отдѣльную конуру—тѣмъ болѣе, что двухъ изъ нихъ училище само, чрезъ самое короткое время, исключило за кра-

ку книгъ. Цемаху пришлось теперь позаботиться прежде всего о квартирѣ, потомъ объ источникѣ для пропитанія, такъ какъ отъ уроковъ по еврейскимъ предметамъ ему отказали. Куда обратиться? Благо, что въ училищѣ онъ запасся хоть однимъ искуствомъ, искуствомъ каллиграфіи. На это искуство Цемахъ возложилъ теперь всѣ свои надежды, и оно поспѣшило къ нему скоро на помощь: ему удалось получить три урока по чистописанію, которые доставляли ему два съ половиною рубля въ мѣсяцъ. На эти скудныя средства онъ долженъ былъ нанять квартиру, пропитываться и одѣваться. Вмѣстѣ съ однимъ старымъ товарищемъ и какимъ то мастеровымъ, онъ нанялъ за городомъ квартиру, которая стоила ему всего полтинникъ въ мѣсяцъ; остальные же два рубля онъ ассигновалъ на скудную пищу. Изъ этой далекой квартиры ему приходилось въ трескучіе морозы таскаться въ городъ на уроки по два раза въ день; но онъ поневолѣ долженъ былъ довольствоваться своею долею. Много разъ онъ, впрочемъ, благословлялъ даже свою судьбу, смотря какъ товарищъ его умираетъ съ голоду и холоду. Онъ могъ же какъ окутаться хоть въ старый изношенный плащъ, который ему удалось состроить, когда онъ еще пользовался двумя трехъ-рублевыми уроками. Но, къ сожалѣнію, этотъ плащъ съ тѣхъ поръ сдѣлался для него чуть не сюртукомъ и сильно смахивалъ на Тришкинъ кафтанъ. Когда онъ былъ сшитъ, владѣлецъ его былъ на полъаршина ниже ростомъ; плащъ теперь укрывалъ одно брюхо и грудь своего хозяина, между тѣмъ какъ колѣна и ноги его, выглядывавшія во многихъ мѣстахъ сквозь порванныя брюки, открывали свободный доступъ трескучему морозу и неумолимо дующимъ вѣтрамъ. Много разъ встрѣчали Цемаха проливающимъ горькія слезы. Онъ обыкновенно возвращался домой поздно вечеромъ, насквозь продрогнувъ; тамъ его ожидалъ кусокъ черстваго хлѣба. Послѣ ужина онъ укладывался на, коловшую въ бока, скамейку: плащъ служилъ ему во время сна одѣяломъ и подушкою. Плачевно было его положеніе; утѣшеніемъ служило ему лишь то, что приближается доброе лѣто и что онъ получитъ, по обѣщанію одного меламда, въ хедерѣ котораго онъ пользовался однимъ рублевымъ урокомъ, еще два—три урока. Съ нетерпѣніемъ онъ ожидалъ этого золотаго времени. Каждый день былъ для

него годомъ. Наконецъ —то наступилъ привѣтливый май. Вмѣстѣ съ природою и душа Цемаха начала оживляться. Наступило и лѣто, а положеніе Цемаха становится еще болѣе критическимъ: приходится перейдти съ квартиры, а чтобъ нанять новую, нужно имѣть задаточныя деньги, которыхъ у него не имѣлось. Отъ двухъ съ половиною рублей самый строгій экономъ не былъ бы въ состояніи сберечь что нибудь для задатка при переходѣ на новую квартиру. Новыхъ же уроковъ ему не рекомендуютъ: меламедъ, обѣщавшій ему два—три урока отдалъ ихъ другому, наградившему его десятью копейками и двумя чарками водки; мало того: тотъ-же меламедъ отказалъ ему и въ прежнемъ урокѣ. Ударъ былъ слишкомъ силенъ. Изнуренный и дряхлѣвшій Цемахъ уже видитъ предъ глазами свое безвыходное несчастіе. Онъ проклинаетъ себя, своихъ товарищей, своего отца, день своего рожденія. Онъ бы взялся за какое нибудь ремесло, да онъ никакому не учился. А между тѣмъ ему уже двадцать лѣтъ. Куда-жъ и къ кому обратиться? Остается одно: сдѣлаться попрошайкой. Онъ бы уже рѣшился на послѣднее средство, да только не въ родномъ городѣ, гдѣ всѣмъ знакомъ столярскій сынъ; а уѣхать съ этою цѣлью въ другой городъ не было средствъ: никакой извощикъ даромъ не везетъ. Наконецъ онъ рѣшился на послѣднее средство— погрѣться у сундука какого нибудь богача. Долго онъ пересчитывалъ въ своей головѣ всѣхъ знакомыхъ ему зажиточныхъ людей, на счетъ которыхъ удобнѣе бы поживиться. Наконецъ онъ попалъ на счастливую мысль, которую онъ назавтра-же рѣшился исполнить. Эта мысль состояла въ томъ, чтобъ.... впрочемъ, посмотримъ на самое осуществленіе этой мысли.

Назавтра Цемахъ всталъ очень рано и долгое время порывисто шагалъ по своей комнатѣ, сложивъ руки на зади, понуривъ голову; на лицѣ его можно было читать безпокойство, волновавшее его сердце. Онъ былъ покрытъ холоднымъ потомъ и смертельною блѣдностью. Тѣло его тряслось, какъ въ лихорадкѣ. То онъ на нѣсколько минутъ останавливался; то снова бѣгалъ по комнатѣ; сильная дрожь вдругъ пробѣжала по всему его тѣлу, волосы становились дыбомъ, грудь сильно волновалась, ноги отказывались отъ своей службы, онъ совершенно ослабъ, бросился на скамеечку и навзрыдъ заплакалъ. Съ десяти

утъ онъ рыдалъ,—потомъ, услыхавъ звонъ городскихъ ча-
ь, быстро вскочилъ, отеръ лице и произнесъ: „ну пора!“
авившись, онъ умылся мыломъ, зачесался, очистилъ свой за-
енный и давно не чищенный плащъ, вышелъ изъ дому и
равилъ шаги къ городу. Онъ шелъ весьма быстро и чѣмъ
ке къ городу, тѣмъ больше ускорялъ свои шаги: ему хо-
ось какъ можно скорѣе освободиться отъ тяготившаго и
стѣ съ тѣмъ много блага сулившаго ему предпріятія. При-
въ городъ, онъ прошелъ три—четыре улицы, потомъ завер-
ь въ переулокъ, а тамъ въ домъ, куда онъ, назадъ тому три съ по-
иною года, ходилъ на урокъ по еврейскимъ предметамъ къ
ому ученику. Родители этого ученика были люди богатые:
нихъ—то Цемахъ рѣшился произвесть операцію своего обо-
щенія. Предъ входомъ въ домъ, Цемахъ остановился, поду-
лъ нѣсколько минутъ, отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ,
вдругъ порывисто обернулся назадъ, наскоро поправилъ
и волосы и вбѣжалъ въ дверь, ведущую къ знакомому уче-
ку.

— Кого я вижу? вскричалъ бывшій ученикъ Цемаха: вотъ
рпризъ! какъ давно, братъ, не видались! Ахъ, какъ похуд-
лъ! что съ тобою? Чѣмъ могу тебѣ я служить?

— Мнѣ нужно къ тебѣ, Пренскій, я имѣю къ тебѣ весьма
жную просьбу, дрожащимъ, растроганнымъ и слезящимся го-
сомъ отвѣчалъ Цемахъ и почти задыхался, не будучи въ со-
ояніи продолжать рѣчь.

— Не стѣсняйся, говори, ничего! старые знакомые. Безъ
оличностей!

— Вотъ видишь ли, дѣло вотъ въ чемъ: я, такъ ско-
ть.... не то, что я... но, впрочемъ, какъ всѣ принимаютъ...
.. и пусть, будетъ...я провинился, какъ знаешь, въ училищѣ...
оврѣнился... ну и исключили...

— Ты? тебя?... Коли исключили, стало быть ты виноватъ.
[у, ужъ это не мое дѣло, но, скажи, о чемъ ты пришелъ про-
ить меня?

— Такъ вотъ видишь ли, положимъ я провинился... но я
ще молодъ, могу еще поправиться, могу еще опять въ учили-
це вступить и заставить всѣхъ забыть о моемъ прошед-
шемъ.

— Да, да, отчаяваться нечего. Хотя трудно, очень да[...] трудно исправиться, однако возможно. Ты еще не погибшій че[...]ловѣкъ, можешь еще питать надежду, ну и такъ... что ты хо[...]тѣлъ сказать?

— Такъ вотъ, видишь ли, я прошу тебя, готовъ на ко[лѣ]ни упасть...

— Къ чему? къ чему! говори!

— Ахъ, благодарю тебя, добрый Пренскій; дѣло вот[ъ] въ чемъ: мнѣ теперь пришла охота учиться; но такъ какъ д[ля] этого нужны средства, которыхъ теперь у меня нѣтъ, то, [я] смѣю положиться, какъ въ прежніе годы, на великодушіе тв[о]ихъ братьевъ, какъ напр.: Ходовскаго, Митковича, Пренскаг[о] т. е. тебя, я думаю..

— Ну да, я не прочь отъ добраго дѣла.

— Видишь, я прежде угадалъ, что ты добросердечн[ѣе] всѣхъ ихъ, потому и завернулъ прежде всего къ тебѣ, дабы просить тебя сходить къ Ходовскому, попросить его къ себѣ и посовѣтовать сообща, какъ мнѣ теперь взяться за дѣло. Тебя онъ навѣрно послушаетъ.

— Ну да. Онъ меня послушается. Я тебѣ обѣщаю.

— Только видишь ли: это дѣло не терпитъ отлагательства, время крайне дорого, оно уже очень коротко для приготовленія къ училищу такъ что и одного дня нельзя потратить безвредно. Нельзя ли, другъ, сейчасъ пристроить меня, т. е. сходить къ Ходовскому?

— Радъ бы тебѣ это сдѣлать, да къ сожалѣнію, никого у насъ теперь дома нѣтъ, такъ что не на кого домъ оставить, пока я возвращусь.

— А развѣ это много продолжится?

— Да, съ полчаса, по крайней мѣрѣ!

— Ну, такъ я посижу здѣсь, покуда ты возвратишься.

— Ты здѣсь останешься?... ты... ну, пожалуй и это можно, заключилъ Пренскій, привыкшій видѣть въ Цемахѣ ученика честныхъ правилъ и ничего худаго не подозрѣвавшій въ немъ.

— Ну, такъ я иду.

— Но не выходи изъ комнаты, а главное за кабинетомъ смотри.

— Хорошо!

Пренскій ушелъ.
— По уходѣ Пренскаго, Цемахъ посмотрѣлъ въ окошко, ходившее на улицу. Увидѣвъ, что Пренскій уже прошелъ, ь началъ хлопать глазами во всѣ стороны; наконецъ, іза его остановились на двери кабинета и онъ метнулся ту-
Вошелъ въ кабинетъ, посмотрѣлъ на бюро и бросился къ іу. Но бюро было заперто. Онъ вынулъ изъ кармана ку-енное на послѣдній гривенникъ долото и разломалъ замокъ: гъ бросились въ его глаза серебрянныя столовыя ложки, онъ атилъ ихъ и пихнулъ въ мѣшечекъ, вынутый имъ изъ голе-ща. Потомъ онъ выдвинулъ нѣсколько ящичковъ и въ од-іъ изъ нихъ нашелъ нѣсколько пачекъ кредитныхъ билетовъ. ъ судорожно сталъ укладывать ихъ въ карманъ, какъ вдругъ ь услыхалъ басистый голосъ знакомаго ему владѣтеля до-. Новичекъ—воришка забылъ переднюю дверь запереть. ъ не зналъ, куда броситься, хотѣлъ бросить деньги въ бюро; несчастью онѣ разсыпались по полу и въ комнату вошелъ озяинъ съ толстобрюхой хозяйкой. Они остановились на по-гѣ, заплескали руками и въ бѣшенствѣ закричали: ай! что дѣсь?! кто здѣсь?! Цемке! что ты тутъ дѣлаешь? что это за ньги! Цемахъ, скажи скорѣе!!! завопилъ хозяинъ, опустивъ іу двѣ тяжеловѣстныя оплеухи.—Я... началъ было говорить мѣвшій отъ страха и стыда Цемахъ, но его остановили зчисленные удары, тумаки, зуботычины. Его повалили на млю и стали бить чѣмъ попало. Хозяйка вышла на дворъ что силы закричала: „гавалдъ! ратуйте!... мы ограблены, ы разорены!“ На зовъ этотъ со всѣхъ сторонъ сбѣжался ародъ. Всѣ бросились на Цемаха и впились въ его груь, уки и ноги. Тутъ, при сильномъ ударѣ въ ногу, рука хо-иина попала на серебро: онъ отхватилъ судорожно руку, изъ ея хлынула кровь. Онъ закричалъ бѣшено, всѣ подумали, то Цемахъ укусилъ. Порѣшили связать его. Обнажили но-и и нашли въ голенищѣ серебро. Безчувственнаго Цемаха вязали и бросили въ уголъ. Во время этой тревоги при-шелъ Пренскій. На улицѣ онъ уже былъ извѣщенъ, что пой-манъ въ домѣ воръ—рабинчикъ. Пренскій никакъ не думалъ, чтобъ это былъ Стружевскій. Вошедъ въ домъ и увидѣвъ Стружевскаго, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, онъ не

вѣрилъ глазамъ своимъ. Мать бросилась на него съ угрозами": вотъ твои товарищи! вотъ твои рабинчики! вотъ что мнѣ хотѣли надѣлать"! Со всѣхъ сторонъ тоже подняли крики: „эхъ рабинчики! эхъ ученые люди"! Пренскій выгналъ постороннихъ посѣтителей изъ комнаты и сказалъ отцу „ну, что ты думаешь дѣлать? Въ полицію его"!

— Нѣтъ, отвѣчалъ отецъ! я не стану заводить съ еврейскимъ юношею полицейскихъ дѣлъ. Да и какая мнѣ отъ того польза? пускай онъ перейдетъ на другія руки.

Послѣ вторичныхъ колотушекъ, Цемаха развязали и велѣли идти вонъ. У Цемаха еще стало духу броситься отцу Пренскаго въ ноги и сказать: „вы со мною милостиво поступили я изъ нужды долженъ былъ это сдѣлать; никто не знаетъ моего положенія„. Пренскіе тронуты были слезами Цемаха и отецъ взялъ трехрублевую бумажку и бросилъ ему въ лице: "уѣзжай изъ нашего города и не смѣй впередъ появляться на мой порогъ„ Цемахъ хотѣлъ было поцѣловать ему руку, но Пренскій вытолкалъ его изъ своего дому. На дворѣ его встрѣтила толпа шалуновъ, которые бѣжали за нимъ и кричали „ура". Пренскій вышелъ и разогналъ эту толпу, а Цемахъ побрелъ, шатаясь, на свою квартиру. Онъ упалъ на скамейку, съ полчаса горько плакалъ, наконецъ сонъ замкнулъ глаза его. Не оборачиваясь на другой бокъ, онъ проспалъ весь этотъ день, всю ночь и на завтра проснулся съ восходомъ сонца. Онъ забылъ, гдѣ находится. Сначала ему представилось, что онъ въ тюрьмѣ, какъ ему во снѣ причудилось, но, протерши глаза, началъ мало по малу приходить въ себя, осмотрѣлся кругомъ и, увидѣвъ знакомые ему столикъ, скамейку, плащикъ, убѣдился, что онъ у себя; мало помалу онъ началъ припоминать всѣ ужасныя сцены вчерашняго дня и горько, тяжко стало ему на сердцѣ. „Теперь меня ни въ какой домъ не впустятъ! отовсюду меня прогонятъ! О! я несчастный!" Цемахъ плакалъ навзрыдъ и билъ себя въ грудь „А вѣдь это все мнѣ предсказывали искренніе друзья мои, но я ихъ не слущался, а послушался своихъ соблазнителей, поставившихъ меня на эту дорогу." Цемахъ надѣлъ свой плащикъ, составлявшій все его имущество и побѣжалъ изъ города. Чрезъ нѣсколько дней онъ до тащился до Динабурга. Куда, къ кому и за чѣмъ? онъ очу-

дся здѣсь? и самъ не зналъ. Но всякій можетъ догадаться, за о онъ взялся, прибывъ въ Динабургъ,—городъ ему совершен- незнакомый.

Въ прошломъ году я видался съ однимъ динабуржцемъ, торый извѣстилъ меня, что какой-то Цемахъ Хаимовичъ рудесвкій сначала годъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за кражу со взло- мъ, потомъ тотъ же Цемахъ съ полгода пропитывался милос- інею, наконецъ онъ, послѣ участія въ крупномъ воровствѣ ушелъ границу. Дальнѣйшая его судьба по сю пору мнѣ неиз- стна.

М. Вольперъ.

ПАПА И СОБОРЪ.

I. Папская Непогрѣшимость.

*(Продолженіе *).*

Съ 1080 г. григоріанцами распространено ученіе, что каж- ый папа, правильно рукоположенный и ненасильно овладѣвшій рестоломъ, святъ непогрѣшимъ. Очевидно, что эта святость сть только вмѣняемая (а не наслѣдственная), почему и говорит- я: „если папа не имѣетъ никакихъ собственныхъ заслугъ, то му причисляются заслуги его предшественника св. Петра.» Од- акожь, не смотря на эту святость, можетъ случиться, что онъ оведетъ въ адъ безчисленное множество людей, изъ которыхъ и одинъ не смѣетъ ему противорѣчить или его предостерѣчь; его непогрѣшимость не воспрепятствуетъ ему отступить отъ ѣры, когда можно возстать противъ него. Вѣроятно въ осно- заніи этого лежитъ допускаемое позднѣйшими богословами раз- личіе между непогрѣшимостію должности или каѳедры, и воз- можностію личнаго отступленія отъ вѣры.

Григорій VII, кажется, серьозно думалъ, что его непогрѣ- шимость уже признана всѣмъ христіанскимъ міромъ, даже на востокѣ. Греческая церковь, писалъ онъ императору Генриху, отпала и армяне потеряли совершенно вѣру; но, присоединяетъ

---

*) См. «Вѣстн. Зап. Россіи» кн. 4.

онъ, *восточники* ожидаютъ отъ св. Петра (т. е. отъ ... рѣшенія ихъ различныхъ мнѣній и именно въ это время ...нится обѣщаніе о св. Петрѣ, укрѣпляющемъ братьевъ. Онъ ... тѣлъ тогда самъ (1074 г.) во главѣ большаго войска (ибо ... свободное подчиненіе грековъ, кажется, онъ не разсчитывал... придти въ Константинополь и устроить тамъ великій судъ ... ры. Однакожъ онъ удовольствовался тѣмъ, что ввергнулъ Ге...манію и Италію въ междуусобную и религіозную войну, до ко...ца которой не дожилъ.

По словамъ Григорія, цѣлая исторія учитъ, какъ у па... съ непогрѣшимостію всегда соединялась и святость. Меж... тѣмъ какъ между императорами и королями было чрезвыча... мало святыхъ, изъ 153 папъ 100 были не только святыми, ... и достигли высшей степени святости. Григоріанцы распростра...нили басню, что изъ 30 папъ, жившихъ до Константина вел...каго, всѣ, за исключеніемъ одного, были мучениками. Вообщ... григоріанцы занимались исправленіемъ древнѣйшей папской исто...ріи; когда отступничество Либерія, которое изъ хроники Іеронима перешло во многія историческія сочиненія, не могло ...затья съ папскою святостію и непогрѣшимостію, то Анзельмъ принялъ въ свое каноническое уложеніе слѣд. басню: „когда императоръ сослалъ Либерія, то онъ, по совѣту римскихъ священниковъ, рукоположилъ самъ Феликса своимъ преемникомъ и такимъ образомъ отрекся отъ престола. Чрезъ это позднѣйшее его отступленіе было безвредно.“

Если теперь каждый папа святъ и непогрѣшимъ, то все христіанство, по григоріанскому воззрѣнію, должно трепетать предъ нимъ, какъ предъ азіатскимъ деспотомъ, котораго немилость приноситъ смерть. Поэтому Анзельмъ и кардиналъ Григорій изъ древнѣйшихъ подлоговъ и изъ мѣстъ одной рѣчи, ложно приписанной св. Петру, извлекли ту мысль, что никто не смѣетъ обращаться съ тѣмъ человѣкомъ, котораго папа ненавидитъ или съ которымъ не говоритъ.

Подобно земнымъ слоямъ, произшедшимъ постепенно чрезъ отдѣленіе, и въ церкви одинъ слой искаженій и подлоговъ ложился на другой. Это обнаружилось съ особенною ясностію въ великомъ вопросѣ церковной жизни, синодальномъ, въ которомъ стояли другъ противъ друга два взаимно исключающіе себя прин-

а: принципъ правосудія и самоуправленія церкви посредствомъ оровъ, и принципъ безграничнаго монархическаго господства ъ всѣми церквами посредствомъ папы и его куріи. Въ 342 у папа Юлій писалъ восточнымъ епископамъ, которые на соѣ антіохійскомъ утвердили низложеніе Аѳанасія: „въ дѣлѣ, ающемся всей церкви, вы должны были бы, согласно съ церныхъ обычаемъ, дѣйствовать не сами по себѣ, но въ соглаъ епископами запада (со всѣми нами, говорилъ онъ).“ ратъ, которому этотъ случай былъ благопріятенъ, чтобы сдѣь замѣтнымъ римское властолюбіе, извратилъ слова Юлія, имъ образомъ: „безъ согласія римскаго епископа ничто въ кви не можетъ быть рѣшено.“ Латинскій переводчикъ Ссграта, льянецъ Епифаній (около 500 г.), сдѣлалъ шагъ еще далѣе зложилъ въ уста папы слѣдующія слова: „безъ соизволенія и не можетъ быть держимъ никакой соборъ.“ Псевдо-Исиъ переработалъ и этотъ матеріалъ и, въ двухъ вымышленкъ сочиненіяхъ, заставилъ папу говорить такимъ образомъ: же апостолы и потомъ отцы никейскаго собора приказали, бы безъ указанія (Weisung) папы не созываемъ былъ ни инъ соборъ.“ Такъ что Анзельмъ и другіе григоріанскіе канисты могли привести цѣлый рядъ древнихъ декретовъ, въ торыхъ соборы, со всѣми ихъ рѣшеніями, были поставлены въ ную зависимость отъ произвола папы, и Граціанъ всю свою главу заимствовалъ у Анзельма.

Однакожъ этого бѣло недостаточно. Хотѣли не того только, обы соборы зависѣли отъ папы, но и уничтожить самое учрежніе соборное (Institut), существовавшее около 900 лѣтъ. акъ короли 16-го и 17-го столѣтія, сдѣлавшись неограниченми властителями, не могли сносить болѣе собраній народныхъ едставителей; такъ и папство желая сдѣлаться абсолютнымъ, шло, что синоды помѣстныхъ церквей лучше уничтожить. Ибо лько при синодахъ и съ синодами отдѣльныхъ епархій, проицій и помѣстныхъ церквей могла быть и поддерживаться оровая и нѣкоторымъ образомъ самостоятельная церковная изнь. И такъ синоды должны были сдѣлаться невозможными и, по крайней мѣрѣ, затруднены (въ своихъ собраніяхъ) и на только ослаблены, чтобъ они дѣйствовали только по мановенію ника. Этого достигли слѣдующимъ подлогомъ:

Противники Симмаха (503) желая показать, что одни папы могли бы собраться въ Римѣ на соборѣ, объявили: „предписанные церковію каждогодные провинціальные соборы не теряли бы своей силы изъ-за того, что папа на нихъ не присутствуетъ.“ На это Эннодій отвѣчалъ: „Правиломъ сардикійскаго собора важнѣйшія (causae majores) въ церкви дѣла предоставлены рѣшенію (arbitrium) папы.» Конечно, это было давнишнее искаженіе, ибо сардикійское правило предоставлено папѣ только пересмотръ (revision) дѣлъ осужденныхъ и аппеллирующихъ епископовъ. Но Анзельмъ (а за нимъ Григорій и Граціанъ) сдѣлали изъ этого декретомъ Симмаха, въ которомъ буквально говорилось: «епископскіе соборы, которые, по предписанію церковныхъ законовъ, должны быть каждогодно созываемы въ провинціяхъ, теряютъ свою силу, если на нихъ не присутствовалъ папа.» Надпись декрета гласила: Провинціальные синоды, безъ присутствія на нихъ папы, не имѣютъ значенія (pondere carent). Итакъ, когда нужно было, тремя строками низпровергали все церковное устройство.

Хотѣли еще добиться формальнаго запрещенія всѣхъ синодовъ и этого достигли тѣмъ, что Анзельмъ, Григорій и Граціанъ приписали Григорію великому слѣд. слова: „никогда не было и никогда не будетъ дозволено кому нибудь держать частный (невселенскій) синодъ.“ Подлогъ состоялъ въ томъ: „что Пелагій, по одному особенному случаю, вызванному расколомъ аквилейскимъ (Aquileja), объявилъ *одному синоду*, дѣйствовавшему противъ опредѣленій пятаго вселенскаго собора,— то обратили въ запрещеніе противъ *всѣхъ синодовъ*. Указаніе же на авторитетъ апостольскихъ церквей (александрійской, антіохійской), чрезъ перемѣну множественнаго числа въ единственное, обратили въ возвышеніе папскаго авторитета. Такимъ образомъ достигли двоякой цѣли: уничтожить всякое собраніе епископовъ, какъ незаконное притязаніе, и представить папскую власть, которая по мнѣнію всего христіанства могла отнять даже у соборовъ ихъ апостольское учрежденіе, въ блистательнѣйшемъ свѣтѣ.

Особенно много помогъ Лже-Исидоръ планамъ Григорія въ слѣдующемъ: самое сильное оружіе, при помощи котораго ведена была борьба изъ-за папскаго господства, было церковное от-

ученіе. По Лже-Исидору, еще папы первыхъ вѣковъ опредѣляли, чтобы съ отлученнымъ никто не осмѣливался говорить. Отсюда григоріанцы вывели заключеніе, что это опредѣленіе имѣетъ и для императоровъ и королей всю силу. По этому, если папа ихъ отлучилъ, то никто не смѣлъ-бы говорить съ ними о государственныхъ дѣлахъ, и слѣд. они должны быть лишены престоловъ, какъ неспособные къ управленію. Чрезъ такое (древней церкви неизвѣстное и разрушающее весь характеръ древле-церковнаго учрежденія) расширеніе отлученія отъ церкви папа создана непомѣрная власть. Эта власть не только въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ могла быть злоупотреблена, но и сама по себѣ была постояннымъ (stehender) злоупотребленіемъ, извращеніемъ божескаго и человѣческаго порядка, постояннымъ источникомъ гражданскихъ смутъ и раздора. Боссуэтъ признаетъ, что это было ложное ученіе, которое Григорій старался ввести въ церковь. Самъ Григорій долженъ былъ знать, что онъ былъ первый, который заявилъ эти притязанія, что даже въ лже-исидоровскихъ декреталіяхъ нѣтъ ничего подобнаго, хотя онъ на соборѣ (1078 г.) и ссылался, будто слѣдуетъ въ томъ постановленіямъ своихъ предшественниковъ. Чтобы эти духовныя оружія сдѣлать непреоборимыми, григоріанцы заимствовали у Лже-Исидора правило, будто папа Урбанъ I писалъ всѣмъ епископамъ: «Если бы епископъ отлучилъ кого нибудь несправедливо, то и тогда нужно бояться такого отлученія и никто не смѣетъ принять отлученнаго въ общеніе.»

Если теперь бросить взглядъ на зданіе всемірной папской монархіи, которое въ теченіе семи столѣтій было возводимо и теперь быстро шло къ своему окончанію, то нельзя не примѣтить тѣхъ отдѣльныхъ камней, изъ которыхъ оно составлено. Долгое время занимались разъясненіемъ правъ, предоставленныхъ папѣ соборомъ сардикійскимъ. Съ конца 5-го столѣтія, когда, вслѣдствіе положенія, принятаго Львомъ и Геласіемъ, папскія притязанія начали возрастать, начался рядъ подлоговъ, изъ которыхъ одни были придуманы въ Римѣ, другіе въ иныхъ мѣстахъ, но были приняты Римомъ и употреблены въ пользу.

Нельзя прямо назвать сознательнымъ обманомъ, что папы, со времени Иннокентія I и Зосимы, выдавали правило собора сардикійскаго за произведеніе 1-го никейскаго собора; они бы-

ли введены въ обманъ ихъ каноническимъ уложеніемъ. Но ихъ намѣреніе обнаруживается яснѣе, когда 6 правило никейскаго собора (которое въ подлинникѣ не имѣло ни одного о римском приматствѣ), въ римской рукописи содержало приписку; „римская церковь имѣла постоянно приматство.“ Этотъ обманъ, къ сты ду римскихъ легатовъ, обнаруженъ былъ на халкидонскомъ соборѣ (451), чрезъ прочтеніе подлиннаго текста.

Въ концѣ 5-го и началѣ 6-го столѣтія начался рядъ под логовъ и вымысловъ. Впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій за нимались изготовленіемъ не-истинныхъ исторій римскихъ му чениковъ.

Баснословное сказаніе объ обращеніи и крещеніи Констан тина было выдумало, чтобы чрезъ то возвеличить римскую цер ковь и папу Сильвестра окружить славою чудотворца. Вскор положено было основаніе мнѣнію, что никакой папа не подле житъ земному суду, и что онъ судитъ самъ себя. Предъ 51 годомъ, впродолженіи четырехъ лѣтъ, Римъ былъ зрѣлищемъ кро вавой борьбы изъ-за папскаго достоинства; приверженцы Симма ха и его противника Лаврентія убивали себя на улицахъ гор да. Не хотѣли сдѣлать судьею распри ни аріанскаго корол готовъ Ѳеодорика, ни ненавистнаго Риму императора византі скаго. Так. обр. были вымышлены акты собора синуесскаго баснословной исторіей папы Марцеллина, — а такъ же рѣшен мнимаго римскаго собора (321 г.), состоявшаго изъ 284 еп скоповъ; рѣшенія эти были видимо составлены подъ вліяніе кровавыхъ сценъ, въ которыхъ клирики были убиваемы или ка нены по причинѣ преступленій. На этомъ же соборѣ было по тверждено, что никто не смѣетъ судить папу.

Тогда же въ Римѣ появались слѣдующіе вымыслы: 1, „Дѣ янія папы Либерія“, цѣлію которыхъ было подтвердить басню римскомъ крещеніи Константина и выставить Либерія покая шимся въ ереси и очищеннымъ въ слѣдствіе божескаго чу 2, дѣянія папы Сикста III и соединенная съ нимъ исторія П лихронія.—

Существовали такъ же вымыслы и относительно полож Рима къ церкви константинопольской. Это было время (484— 519 г.) разрыва церковнаго общенія между востокомъ и за домъ, когда Феликсъ II пригласилъ даже патріарха Акакія къ

ῥимъ,—а Геласій (въ 495 г.) сталъ утверждать относительно рековъ и 28-го правила халкидонскаго собора: „Римъ подверждаетъ каждый соборъ и судитъ всякую церковь. Рима же и одна изъ нихъ судить не можетъ. Приматство получено не ь слѣдствіе соборнаго рѣшенія, но въ силу Христова слова." тимъ онъ превзошелъ притязанія всѣхъ своихъ предшественниовъ. Осюда произошли слѣд. римскіе подлоги: 1, „Письмо икейскаго собора, въ которомъ Онъ проситъ Сильвестра подвердить свои опредѣленія, разказъ о соборѣ, созванномъ Сильестромъ въ Римѣ и о данномъ утвержденіи;» 2, „Объявленіе икста III, что императоръ созываетъ соборы въ силу власти, анной ему папою; 3, исторія Полихронія, который уже въ 435 считалъ папу судьею восточныхъ патріарховъ и 4, разказъ о мъ, какъ соборъ, созванный Сильвестромъ, призналъ ученіе иласія о божескомъ происхожденіи римскаго приматства и тановилъ рангъ церквей александрійской и антіохійской (послѣ мской), обойдя молчаніемъ константинопольскую. Слѣд.: каны 381-го и 45-го о преимуществѣ этой церкви должны быть вергнуты.

Замѣчательно, что какъ ни сильна была въ Римѣ склонсть къ вымысламъ,—однакожъ, впродолженіи тысячи лѣтъ, не ло сдѣлано ни одной попытки представить свой собственный орникъ каноновъ подобно существовавшему уже съ 5 столѣтія церкви восточной. Это обстоятельство, конечно, нужно приать тому, что участіе Рима въ церковномъ законодательствѣ ю весьма незначительно. Папы, хотя постоянно ссылались соборные каноны, обѣщая соблюдать ихъ и подавать прирѣ послушанія имъ; но самымъ близкимъ ихъ сердцу былъ дикійскій канонъ, непринятый въ восточные сборники Ко- Діонисій далъ римской церкви первое, нѣсколько значительсобраніе каноновъ т. е. свой переводъ каноновъ греческихъ, иканскихъ и сардикійскихъ,—то въ Римѣ, начиная съ 3-го года, собиралось уже болѣе двадцати синодовъ: но отъ хъ ихъ или ничего не осталось, или ничего не могло быть нято.

Въ концѣ 6-го столѣтія, былъ предпринятъ въ Римѣ подъ, полное дѣйствіе котораго обнаружилось только въ поззйшее время. Знаменитое мѣсто изъ книги Киприана о едни-

ствѣ церкви было снабжено (въ посланіи папы Пелагія къ и трійскимъ епископамъ) дополненіемъ въ духѣ римскихъ прит заній. Выраженіе Кипріана: „всѣ апостолы получили отъ Христа такую же власть и такой же авторитетъ, какъ и Петръ рѣзко противорѣчило теоріи Геласія, и потому сдѣлали вста ку: „Апостолу Петру было дано приматство, чтобы показа единство церкви и каѳедры. Какъ можетъ считать себя ч номъ церкви тотъ, кто оставляетъ каѳедру Петра, на котор основана Церковь?»

Разногласныя сужденія позднѣйшихъ римскихъ клириковъ Кипріанѣ нужно приписать вліянію этой вставки. Кипріа былъ почти единственнымъ иностраннымъ мученикомъ, которо ежегодно праздновали въ Римѣ. Геласій включилъ сочине Кипріана въ число апокрифовъ. Нужно было что нибудь пре принять, чтобы сгладить противорѣчіе между требуемымъ с мимъ же Римомъ чествованіемъ этого человѣка и осужденіе его сочиненій. Этимъ путемъ можно объяснить эту вставк Въ спискѣ авторовъ, провѣренномъ Геласіемъ, Кипріанъ зан маетъ первое мѣсто между отцами церкви, и о немъ замѣчен „что можно его держаться во всемъ." Конечно, здѣсь закл чается противорѣчіе, ибо въ томъ же самомъ декретѣ Геласі оставлено то мѣсто, гдѣ Кипріанъ стоитъ между апокрифическ ми авторами. Но такъ какъ сочиненія Кипріана распростра лись не изъ Рима, и уже давно были читаемы въ церквах галликанскихъ и сѣверо итальянскихъ, то добавленія не мог проникнуть въ рукописи.

Для опредѣленныхъ цѣлей уже ранѣе была предприня вставка новыхъ мѣстъ въ древній каталогъ римскихъ еписко повъ и тѣмъ положено основаніе распространенной позднѣе „*кни гъ папъ.*" Этотъ трудъ, въ своемъ первоначальномъ видѣ, ка кой онъ получилъ въ 530 году, лежитъ предъ нами, въ изда ніи Шельстрате. Вторая обработка этого труда и продолже до Конона (687 г.) писана въ 730 году; позднѣе тою же р кою доведена до 724 г. Для шестаго и седьмаго столѣтія, о новывается на одновременныхъ показаніяхъ. Слѣд., первую о работку 530-го года нужно разсматривать, какъ разсчитанны подлогъ. Она образуетъ важное звѣно въ цѣпи римскихъ в мышленій и вставокъ.

Какъ вообще римскіе подлоги 6-го и 7-го столѣтій, все о написано варварскою неграматическою латынью. Цѣль вставкъ была слѣдующая: во первыхъ, придать вѣру многочисленимъ вымышленнымъ актамъ римскихъ мучениковъ; отсюда тѣ являющіяся заявленія, что древнѣйшіе папы поставили нѣсколько нотаріусовъ для составленія подобныхъ актовъ, и за ьмъ семъ уподіаконовъ для наблюденія за этими нотаріусами; вторыхъ, подтвердить существовавшія уже басни (нпр. о римомъ крещеніи Константина, вымыслы касательно Либерія, Сильестра, Сикста III и т. под.); въ третьихъ, выставить нѣкотоые литургическіе обряды (принятые позднѣе) за древніе; въ етвертыхъ, представить папу законодателемъ для всей церкви, отя не могли привести ни одного изъ изданныхъ ими распояженій, а ограничивались только общими фразами,—что вотъ е такойто папа Геласій или Гиляръ издалъ статутъ относящійся до всей церкви.

Въ позднѣйшей, болѣе исторической части „книги“ особеню замѣтна еще та тенденція, что относительно востока папы являются будто-бы учителями вѣры и верховными судьями. Въ первой обработкѣ, за исключеніемъ замѣтокъ о зданіи, жертвованіяхъ и могилахъ, все долженствующее быть историческимъ—ложно. Показанія автора о судьбѣ или дѣяніяхъ отдѣльныхъ папъ никогда не совпадаютъ съ извѣстною о нихъ исторіею, противорѣчатъ ей, иногда грубѣйшимъ образомъ. Вслѣдствіе этого даже и тѣ показанія, невѣрность которыхъ мы не можемъ доказать изъ доступныхъ намъ источниковъ, должны всетаки считаться вымышленными, тѣмъ болѣе, что въ нихъ всегда почти просвѣчиваетъ намѣренный вымыселъ.

Вымыслы папской книги обнаружили обширное вліяніе съ тѣхъ поръ, когда сдѣлались извѣстны на западѣ, и ими стали пользоваться, въ чемъ первый шагъ сдѣлалъ Беда, въ 710 году. Они, такъ сказать, вызвали позднѣйшій подлогъ Лже-Исидора, принявшаго замѣчанія папской книги о власти папъ въ свои вымышленныя декреталіи, которыя вслѣдствіе этого получили видъ кажущейся подлинности. Это-то сходство папской книги съ декреталіями и было главною причиною того обстоятельства, что вымыселъ Лже-Исидора продержался столь долго.

Въ половинѣ восьмаго столѣтія, въ Римѣ былъ изготовленъ

пресловутый „даръ Константина.“ Эта басня построена на вымышленномъ уже въ пятомъ столѣтіи исцѣленіи Константина отъ проказы и крещеніи его папою Сильвестромъ. Здѣсь разсказывается очень широковѣщательно, какъ благодарный Риму императоръ даритъ, будто бы, Италію и западныя провинціи папѣ и особенно много заботится о римскомъ клирѣ, давая ему почетныя преимущества и нарядныя одѣянія. Кромѣ того: судя по этимъ вымысламъ, папа долженъ быть господиномъ и повелителемъ надъ всѣми епископами и престолъ Петра долженъ пользоваться властью надъ четырьмя знаменитыми престолами: антіохійскимъ, александрійскимъ, константинопольскимъ и іерусалимскимъ.

Каждая строка всего сочиненія обнаруживаетъ его римское происхожденіе: всякій тотчасъ узнаетъ, что авторомъ его былъ клирикъ латеранской церкви. Документъ этотъ предназначался, очевидно, для того, чтобы быть показаннымъ франкскому королю Пипину, а стало быть, изготовленъ около 754 года. Въ немъ говорилось, что Константинъ устроилъ, дабы почтить папу, конную процессію, въ которой самъ велъ подъ уздцы его коня. Это побудило Пипина оказать папѣ такое же чествованіе, хотя оно и было совершенно не въ обычаѣ франковъ, а папа сказалъ королю передъ началомъ процессіи, что принимаетъ это отъ франковъ не какъ даръ, но какъ возстановленіе права. Первое указаніе на „даръ“ Константина находится въ письмѣ Адріана къ Карлу (въ 777 году), гдѣ папа объявляетъ императору, что хотя онъ и одарилъ, подобно Константину, церковь, но однако далеко не возвратилъ ей всего того, что ей было уже подарено прежними императорами. Однакожъ уже за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, именно съ 652 года, папы говорили въ своихъ письмахъ обыкновенно не о подаркахъ, а о возвращеніяхъ. Они утверждали, что итальянскія области и города должны быть возвращены, то св. Петру, то римской республикѣ. Требованія эти тогда только получили смыслъ, когда для этого взялись за константиновскіе дары, которые позволяли папѣ выставлять себя законнымъ обладателемъ и наслѣдникомъ римской имперіи въ Италіи, ибо онъ былъ, слѣдовательно, въ одно и тоже время наслѣдникомъ и св. Петра и Константина; даваемое римской республикѣ, давалось также

и Петру, и наоборотъ. Такимъ образомъ, черезъ это Пипину данъ былъ поводъ отклонить требованія греческаго двора о возвращеніи принадлежащихъ послѣднему областей, какъ просто не имѣющія основанія.

Въ самомъ дѣлѣ, иначе было-бы непонятнымъ: чѣмъ могъ руководиться Пипинъ, подаривъ папѣ „на масло для римскихъ церквей“ экзархатъ и двадцать городовъ, которыми никогда не владѣлъ, и вызвавъ къ себѣ вражду все таки еще могущественной имперіи? Это объясняется только тѣмъ, что онъ увидѣлъ изъ «донацій» Константина, что право владѣнія этими городами принадлежитъ папѣ, и что его настращали местію раздраженныхъ преемниковъ Петра. Нечего было опасаться, что при воинственномъ дворѣ Пипина будетъ критически изслѣдованъ и обнаруженъ такой памятникъ, какъ посланіе Петра и даръ Константина. Люди, которымъ можно было писать, что если они не выступятъ противъ враговъ церкви, то ихъ души и тѣла будутъ разстерзаны и замучены въ аду,—такіе люди легко могли повѣрить и тому, что Константинъ подарилъ папѣ Сильвестру Италію. Въ то время во Франціи царило невѣжество и, при полнѣйшемъ отсутствіи всякихъ знаній, около Пипина не было ни одного человѣка, проницательнаго взора коего могли бы опасаться римскіе агенты.

Пытались приписать той же самой рукѣ посланіе св. Петра къ французскимъ королямъ «его усыновленнымъ дѣтямъ,» которое появилось въ то время (754 г.), когда папы были въ большой опасности и очень стѣснены, однако не покидали высокопарящихъ притязаній и надеждъ. Умоляя, возвѣщая побѣду и снова угрожая страхомъ и адомъ, заклинаетъ здѣсь апостольскій глава короля франковъ: спасти Римъ и римскую церковь. Письмо было, дѣйствительно, отправлено изъ Рима но, кажется, произвело тамъ свое дѣйствіе.

Спустя двадцать лѣтъ, въ Римѣ почувствовали снова потребность въ дальнѣйшихъ вымыслахъ и вставкахъ. Пипинъ подарилъ папѣ отнятый у лонгобардовъ экзархатъ, съ главнымъ городомъ Равенною, и еще двадцать другихъ городовъ Эмиліи, Фламиніи и Пентаполиса, или береговой морской треугольникъ между городами: Болонья, Комачіо и Анконою. Болѣе дарить онъ не могъ, ибо только эту область присвоили себѣ не за-

долго предъ симъ лонгобарды и теперь должны были ее отдать.

Въ 774 году сынъ Пипина, Карлъ великій, завоевавъ Павію, здѣлался королемъ далеко простирающагося на югъ Лонгобардскаго царства. Въ Римѣ также нуждались въ сильномъ итальянскомъ государѣ, который изъ за подчиненныхъ ему на полуостровѣ областей, держалъ бы въ покорности и папскіе участки; но въ тоже время римская жадность до областей, подданныхъ и доходовъ далеко еще не была удовлетворена экзархатомъ и тѣмъ, что было соединено съ нимъ. Вслѣдствіе этого, въ Римѣ былъ предложенъ королю документъ, въ которомъ заключалась запись подарковъ или обѣщаній его отца. Карлъ возобновилъ эту запись такъ, какъ она была ему показана и кромѣ того подарилъ большую часть Италіи и въ томъ числѣ многое, что совсѣмъ не было подъ его властію; ибо документъ, приводимый въ отрывкахъ біографомъ Адріана, исчисляетъ слѣдующія области, подаренныя папѣ: всю Корсику, *Венецію* и Истрію, Луни, Монселице, Парму, Реггіо Мантую, Дукате и Беневенто, вмѣстѣ съ экзархатомъ.

До сихъ поръ казалось загадочнымъ и необъяснимымъ изъза чего Карлъ сдѣлалъ столь огромные подарки, такъ что отъ его итальянскаго государства осталось очень немного. Поэтому Муратори, Сугенгеймъ, Гегель, Грегоровіусъ, Ніегуесъ объявили частію, что это мѣсто неподлинное, частію обвиняли папскаго біографа во лжи: иначе, замѣчаетъ напр. Ніегуесъ, нужно было-бы обвинить Карла въ умышленно продолженномъ клятво*пре*ступленіи, а Адріана въ трусливомъ нерадѣніи. Абель думаетъ, что хотя сомнѣніе относительно вѣрности показанія должно быть очень велико, однако же всетаки недостаточно. Онъ довольствуется, наконецъ, принятіемъ того мнѣнія, что хотя подарки были дѣйствительно равны Пипиновымъ, но за то были очень обусловлены. Напослѣдокъ Моккъ принимаетъ, что объемъ подарковъ вѣренъ, но отвергаетъ ихъ равность Пипиновымъ, слѣдовательно опять отвергаетъ достовѣрность Адріанова біографа. Новѣйшій писатель Баксманъ оставляетъ все по прежнему въ неизвѣстности. Короче, стало быть, никто еще не возмогъ разрѣшить этой загадки.

Но дѣло объясняется, если мы сличимъ два раза напечатанные и, безъ сомнѣнія, вымышленные документы, которые вы-

ются за запись Пипина и въ которыхъ, дѣйствительно, ге-
рафическій объемъ подарковъ описанъ такъ какъ у біографа
дріанова, только съ еще большимъ перечнемъ именъ городовъ.
гоъ документъ находится въ близкомъ родствѣ съ константи-
овскими подарками; какъ въ этомъ Константинъ, такъ здѣсь
ипинъ дѣлаетъ подробное предисловіе о своихъ отношеніяхъ къ
шѣ, грекамъ, лонгабардамъ, выставляетъ это причиною своего
дарка и удостовѣраятъ что ни онъ, ни его наслѣдники не
дутъ пользоваться въ уступленныхъ областяхъ никакою влатью,
только проситъ молитвъ объ упокоеніи его души и удерживаетъ
аніе римскаго патриція; области-же, вслѣдствіе столь много-
атныхъ дареній императоровъ, суть законная собтсвенность па-
ı. Этотъ документъ, умышленно написанный слогомъ константи-
овской записи и біографій римскихъ папъ того времени, дѣлаетъ
уднымъ всякое иное предположеніе о его цѣли и происхожде-
и, кромѣ того предположенія, что онъ сочиненъ для предло-
енія его королю Карлу, и объясняетъ, какимъ образомъ уго-
ренный Карлъ далъ обѣщаніе, найденное имъ затѣмъ неиспол-
инымъ; почему на возобновляемыя требованія папъ онъ проти-
оставлялъ упорное сопротивленіе и требовалъ, чтобы Римъ
еціально доказалъ свои права на отдѣльныя области?

Безспорно также, что въ данныхъ Риму императорами послѣ
арла великаго привилегіяхъ есть также кое какія поддѣлки,
отя приведенныя измѣненія далеко не такъ обширны, какъ часто
тверждали прежде. Такъ, запись (Pactum) импер. Людвига
лагочестиваго (817 г.) носитъ всѣ внутренніе признаки подлин-
ости, однако и въ ней есть очевидно подложныя добавки.
Императоръ даритъ папѣ Пасхалію острова: Корсику, Сардинію
Сицилію, съ близълежащими морскими берегами, и къ этому
ще Тусцію и Сполето. Не нужно никакого дальнѣйшаго до-
азательства на то, что если бы импер. Людвигъ дѣйствительно
одарилъ папѣ большую часть Италіи и притомъ въ очень не-
предѣленныхъ, эластическихъ выраженіяхъ, частію подтвердилъ,
астію вновь подарилъ,—то вся дальнѣйшая исторія папства
о Григорія VII бѣла бы необъяснимою загадкою, такъ какъ
папы никогда не владѣли этими областями, которыя всѣ вмѣ-
тѣ равнялись бы большому королевству, и даже не изъявили
ритязаній на нихъ. Что вся Тусція должна быть папскою

областью, утверждалъ только одинъ Иннокентій III, а до нег никто. На герцогство Сполетское изъявилъ притязаніе тольк Григорій VII. Навѣрно, что поддѣлка произошла въ конц одиннадцатаго столѣтія, когда въ Римѣ занимались подобным дѣлами столъ дѣятельно и осторожно. Григорій VII был первый, который требовалъ Сардиніи, хотя въ тоже время за мѣтилъ, что до тѣхъ поръ она ни въ какихъ отношеніяхъ к римскому престолу не состояла, а напротивъ того сдѣлалась ему вслѣдствіе нерадѣнія предшественниковъ, чужда болѣе, нежел народы крайнихъ предѣловъ земли. Конечно, Урбанъ II док зывалъ въ 1091 г., что Корсика есть собственность папы вслѣдствіе данныхъ Карломъ или Людвигомъ привилегій, но в силу дара Константина, подарившаго папѣ Сильвестру всѣ остр ва запада, даже Балеарскіе и самую Ирландію. Также точ стоятъ дѣла и съ привилегіями Оттона I, отъ 962 г. и Ге риха II, отъ 1020 г. Документы большею частію подлинны, ил списаны съ подлинныхъ; но дары Карла являются въ обѣих показаніяхъ папской книги, какъ грубымъ образомъ сдѣланна вставка.

Извѣстно что маркъ-графиня Матильда, руководимая Гр горіемъ VII и Анзельмомъ луккскимъ, подарила въ 1077 г римскому престолу провинціи Лигурію и Тусцію. Вспомним что въ 1081 г. Григорій VII требовалъ отъ короля Рудольф присяги, что онъ возвратитъ ему земли и доходы, пожертвова ные свят. Петру Константиномъ и Карломъ; далѣе, что пап Левъ IX торжественно ссылался на дарственную запись Кон стантина и что совѣтникъ Матильды, Анзельмъ, помѣстилъ эт дарственную запись въ свою юридическую книгу, то можн легко себѣ представить, какой документъ нужно было ей пред ложить, чтобы столь значительная уступка, или возвращеніе по казались ей долгомъ совѣсти.

О такомъ человѣкѣ, какъ Григорій VII, мы не должн думать, что онъ самъ принималъ сознательное участіе въ этихъ подлогахъ, но при своемъ безмѣрномъ легковѣріи и при своей страсти къ пріобрѣтетію областей и къ господству, онъ опи рался на очевидные вымыслы, какъ на достовѣрныя доказатель ства. Такъ, въ 1081 году онъ утверждалъ: «сохраняемые въ архивѣ церкви св. Петра документы доказываютъ, что Карлъ

еликій сдѣлалъ цѣлую Галлію податною страною римской церки и подарилъ послѣдней еще всю Саксонію.» Подъ этими доументами разумѣется, конечно, тотъ сработанный въ 10 или 1 столѣтіи документъ, который сообщилъ Торригіо. Карлъ же въ 797 г. называетъ себя императоромъ, его государство остоитъ изъ Франконіи, Аквитаніи и Галліи; Алкуинъ есть го канцлеръ, и съ каждаго изъ государствъ онъ платитъ Риу по 400 фунтовъ подати.

Мы коснулись здѣсь фактовъ относительно документовъ о арственныхъ приношеніяхъ только потому, что они освѣщаютъ астоящимъ образомъ все поведеніе Рима отъ 6 до 12 толѣтія; мы упомянули о нихъ потому еще, что виновниками хъ были тѣ личности, на которыхъ обрушилась вся тяжесть редпринятыхъ ими, въ интересѣ церковнаго главенства, подѣлокъ.

Мы займемся теперь дальнѣйшимъ исчисленіемъ и разысканіемъ тѣхъ вымысловъ, которыми мало помалу было измѣнено се церковное устройство.

Мы уже упомянули о псевдо-исидоровскихъ подлогахъ, оявившихся въ срединѣ девятаго столѣтія. Въ изобрѣтеніи хъ Римъ, какъ видимъ, не принималъ ни малѣйшаго участія, хотя потомъ извлекъ изъ нихъ всѣ выгоды для увеличенія своей ласти, именно тогда, когда существенная часть этихъ выдуюкъ перешла въ юридическія книги григоріанской партіи.

Декретъ Граціана,—это могущественнѣйшее орудіе новой апской системы, вышелъ, въ срединѣ 12 столѣтія, изъ первой праовѣдной школы Европы, юридической учительницы всего западаго христіанскаго міра,—изъ Болоньи. Въ этомъ трудѣ Исидоровскія заблужденія и поддѣлки соединились съ тѣми подлоами, которые были прибавлены григоріанцами: Деисдедитомъ. Анзельмомъ, Григоріемъ павійскимъ и самимъ Граціаномъ. Его сочиненіе вытѣснило всѣ другіе церковные сборники, служило руководствомъ не только для канонистовъ, но также и для схоластическихъ богослововъ, знавшихъ только изъ него отцевъ церкви и соборы. Въ церкви никогда еще не было книги, равной ей по вліянію, хотя она изобиловала грубыми, умышленными и неумышленными, ошибками, какъ никакая другая книга. Предварительными работниками Граціана были не только Ан-

зельмъ, Дейсдендитъ и кардиналъ Григорій, сочиненія которыхъ были мало распространены,—но также и нѣмецъ Буркардъ, и его помощникъ аббатъ Ольбертъ. Буркардъ въ своемъ, составленномъ между 1012 и 1022 годами, сборникѣ помѣстилъ не только значительную часть псевдо-исидоровыхъ выдумокъ, но также выписалъ и церковныя опредѣленія изъ капитуляріевъ различныхъ папъ. Вслѣдствіе этого, уже въ концѣ 11 столѣтія, пробудилось ложное представленіе, что будто самодержавно приказано папою все то, что еще въ 9 столѣтіи было независимымъ отъ него образомъ устроено римскими синодами.

И вотъ всѣ эти искаженія—богатая жатва трехъ столѣтій—были довѣрчиво приняты Граціаномъ въ его собраніе; но къ этому онъ присоединилъ еще достаточное количество новыхъ, которыя всѣ были въ духѣ и интересѣ папской системы и очевидно вымышлены.

Изъ нѣкоторыхъ примѣровъ можно видѣть, какъ итальянецъ Граціанъ желалъ сдѣлать цѣлый міръ данникомъ итальянскаго клира. Нѣмецкіе епископы, еще ранѣе западно-франкскихъ, склонились передъ исидоровскими декреталіями. Ихъ вліяніе видно въ заключеніяхъ трибурскаго національнаго нѣмецкаго синода въ 895 г. Здѣсь уже видно, какъ глубоко вошелъ въ плоть и кровь нѣмецкой іерархіи Псевдо-Исидоръ. Къ этому, безъ сомнѣнія, присоединилось еще и то обстоятельство, что въ то время епископы принимали дѣятельное участіе на синодѣ на ихъ тогдашняго короля Арнулфа, а этотъ, жаждая императорской короны, приманившей его уже однажды въ Италію, могъ достичь ее только черезъ расположеніе папы Формоза. Такимъ образомъ, они постановили рѣшеніе: „если бы налагаемое на нихъ Римомъ иго сдѣлалось невыносимымъ, то все таки они стали бы нести его съ благочестивою покорностью.“

Какъ часто былъ повторяемъ потомъ этотъ приговоръ! Его влагали въ уста Карла великаго, точно также, какъ увѣряли о Константинѣ, который будто бы назвалъ папу Богомъ. Вслѣдствіе того, что Граціанъ принялъ это выраженіе за капитулярій Карла и сдѣлалъ его канономъ, оно господствовало до констанцкаго собора, хотя часто опровергалось фактами. Принимали, что нужно сносить даже невыносимое, коль скоро оно наложено Римомъ.

Искаженіе 36-го правила вселенскаго собора (692 г.) принадлежитъ собственно Граціану лично. Въ этомъ правилѣ былъ возобновленъ халкидонскій канонъ, въ силу котораго патріархи *оваго* Рима должны пользоваться одинаковыми правами съ римскими папами. Граціанъ, измѣнивъ два слова, совершенно извратилъ весь канонъ и скрылъ указаніе на одинаковый канонъ халкидонскій. Въ то же время онъ уменьшилъ число патріарховъ съ пяти на четыре, ибо отнынѣ должно было изчезнуть древнее равенство римскаго епископа съ четырьмя остальными главами восточной церкви, хотя сами григоріанцы, какъ наприм., Анзельмъ, смотрѣли еще на папу, какъ на одного изъ патріарховъ. Для патріаршаго достоинства римскаго престола не было же болѣе мѣста; совмѣщавшій въ себѣ всѣ возможныя въ церкви права, не могъ уже отправлять еще особую частичную власть, какова власть патріарха. Могущество папы сдѣлалось mare magnum, внутри котораго не могло уже быть еще какого нибудь озера или пруда съ особыми правами. Это особенно ясно можно видѣть въ отношеніи папы къ провинціямъ западной Иллиріи, Македоніи, Ѳессаліи, Епира, Дарданіи, состоявшимъ прежде подъ патріаршею властію римскаго епископа, такъ что митрополитъ ѳессалоникскій былъ назначенъ въ нихъ его намѣстникомъ (викаріемъ). Императоръ Левъ Исаврянинъ отнялъ у Рима въ 730 г. эти провинціи и съ этого времени они принадлежали константинопольскому патріархату. Объ этомъ долго шелъ споръ; постоянно возобновляемыя папами требованія о возвращеніи ихъ были безуспѣшны, какъ вдругъ учрежденіе въ 1204 г. латинской имперіи снова передало ихъ во власть папъ. При этомъ очень характеристично было то обстоятельство, что Иннокентій III былъ совершенно далекъ отъ того, чтобы возобновить въ нихъ свои старыя патріаршія права,—напротивъ того: онъ сдѣлалъ тамъ патріархомъ епископа торнобургскаго. Патріаршество это, впрочемъ, было ефемерно и скоро угасло совсѣмъ.

Каноны африканскаго синода (неопредолимые камни претыканія для всѣхъ папскихъ хитростей) запрещавшаго всякую апелляцію въ Римъ,—Граціанъ употребилъ въ пользу своей системы посредствомъ того, что, сдѣлавъ прибавку въ канонахъ, онъ заставилъ синодъ сказать утвердительно то, что на дѣлѣ тотъ совершенно отвергъ. Далѣе: Псевдо-Исидоръ предпринялъ

уничтожить своими подлогами древнее церковное право, запрещавшее перемѣщеніе епископа съ одной каѳедры на другую; Граціанъ-же, предшествуемый въ дѣлѣ искаженій Анзельмомъ и кардиналомъ Григоріемъ, прибавилъ къ старымъ еще новую выдумку, что только одному папѣ присвоено право перемѣщенія.

Особенно богата послѣдствіями та часть труда Граціана, въ которой онъ развиваетъ систему принужденія въ дѣлѣ религіи. Этотъ трудъ Граціана можетъ служить доказательствомъ, какъ далеко отстояло новое церковное право отъ древняго. Онъ приписываетъ, ссылаясь на подложный канонъ приводимый Буркардтомъ (и Иво), Григорію великому распоряженіе, что церковь должна защищать убійцъ и разбойниковъ. Между тѣмъ, съ другой стороны, самъ же старается, въ длинномъ рядѣ каноновъ, доказать, что позволительно и даже должно принуждать людей къ добру всѣми средствами насилія, точно также, слѣдовательно, и къ вѣрѣ и ко всему тому, что тогда считалось вѣрою; особенно нужно мучить еретиковъ, ихъ собственность отбирать, а самихъ казнить. Здѣсь онъ превзошолъ даже григоріанскихъ канонистовъ. Упомянемъ еще, что Урбанъ II объявилъ: „кто, ревнуя о церкви, убьетъ отлученнаго отъ нея, то съ такимъ человѣкомъ никоимъ образомъ не должно обращаться, какъ съ убійцею." Отсюда Граціанъ выводитъ общее правило: „ясно, что злыхъ (прежде всего объявленныхъ злыми церковною властію) слѣдуетъ не только бичевать, но и казнить."

Еще худшее нежели это, находится въ книгѣ болонскаго монаха, которая, къ несчастію для религіи и церкви, была принята за учебникъ и законодательный сводъ во всемъ западномъ мірѣ. Путаница въ этихъ сложныхъ, нагроможденныхъ другъ на друга подделкахъ была особенно чувствуема въ тѣхъ предметахъ, которые носили въ себѣ зародышъ будущаго развитія и своими выводами глубоко врѣзывались какъ въ гражданскую, такъ и въ церковную жизнь запада. Такъ было наприм. съ воззрѣніемъ на понятіе: „ересь," которое именно въ то время превратилось въ обоюдуострый мечь и стало могучимъ средствомъ для пріобрѣтенія церковнаго господства. Папа Николай, въ своемъ посланіи къ греч. императору Михаилу, утверждалъ, что, по шестому правилу вселенскаго собора 381 года, нужно считать еретикомъ всякаго схизматика и всякаго отлученнаго

гъ церкви. Это было принято Граціаномъ и Анзельмомъ въ овый сводъ законовъ, такъ что съ этихъ поръ понятіе объ ретичествѣ получило столько же ужасный, сколько и безграничный объемъ. Подлогами и вымыслами было сдѣлано все, чтобы отчасъ-же объявить еретикомъ всякаго ослушавшагося папскаго риказанія, или осмѣлившагося противорѣчить папскому вѣроположенію.

Прежніе григоріанцы всетаки еще никогда не высказывали акъ ясно того, что теперь развилъ Граціанъ относительно безусловнаго господства папы надъ закономъ, поставить папу наавнѣ съ Богомъ. „Какъ I. Христосъ, говоритъ Граціанъ, будучи на землѣ, хотя и былъ подчиненъ закону, но однако въ ущности былъ выше его, такъ точно и папа стоитъ выше всѣхъ церковныхъ опредѣленій и можетъ обходиться съ ними по произволу.“ Подъ вліяніемъ выставленной Граціаномъ доктрины, папа Евгеній VI, послѣ великихъ реформаторскихъ соборовъ въ 1439 г., отвѣчалъ сославшемуся на церковные законы королю Карлу VII, что смѣшно указывать на законъ папѣ, который самъ по своему произволу издаетъ церковные законы, освобождаетъ отъ нихъ, измѣняетъ и отмѣняетъ ихъ.

Въ 50 лѣтъ, протекшихъ со времени появленія граціановскаго свода до первосвященничества могущественнѣйшаго изъ папъ Иннокентія III, система папства, подъ вліяніемъ трехъ силъ: Псевдо-Исидора, григоріанской школы и Граціана,—возвысилась до полнѣйшаго господства. Въ римскихъ судахъ вершили дѣла по граціановскому праву, въ Болоньи обучали ему, даже самъ императоръ Фридрихъ I велѣлъ своему сыну Генриху VI изучать декреты и римское право. Все декретальное законодательство отъ 1159 г. до 1320 построено на заложенномъ Граціаномъ фундаментѣ и витекаетъ изъ него. Тоже самое должно сказать и о догматѣ Ѳомы аквинатскаго. Вообще вся схоластическая догматика и, особенно любимая тогдашнимъ клиромъ, наука правовѣденія были основаны на Граціанѣ, Раймундѣ и другихъ собирателяхъ декретовъ. Теорію, а также и текстъ съ приложеніемъ, тогдашніе богословы заимствовали изъ этихъ юридическихъ сводовъ.

Уже въ двѣнадцатомъ столѣтіи было у папъ въ обычаѣ замѣчать, при цитаціи какого нибудь мѣста изъ Граціана, что

оно стоитъ „in sacris canonibus,“ или „in decretis.“ Такимъ уваженіемъ пользовался этотъ трудъ, наполненный вдоль и поперегъ обманомъ, заблужденіемъ, искаженіями, который мало помалу расшатывалъ древній строй церкви и наконецъ сломилъ его. Еще въ 1570 г. приставленные папою три корректора декрета сказали, что имъ поручено это, дабы не поколебался авторитетъ сего важнѣйшаго и полезнѣйшаго кодекса.

Александръ III (1159—81) и Иннокентій III (1198—1216 г.) суть дальнѣйшіе творцы новаго церковнаго права; посредствомъ множества указовъ они создали декретальное право и систему, выходящую изъ одной основной мысли. У Иннокентія, еще болѣе нежели у Григорія VII, господствуетъ та идея, что папа есть намѣстникъ Бога на землѣ, что онъ, подобно божественному Провидѣнію, со всею бдительностію и осторожностію (какъ высшій надзиратель и властитель надъ человѣчествомъ въ его религіозномъ, соціальномъ и политическомъ отношеніяхъ) долженъ уничтожать всякое сопротивленіе. Въ основѣ его и Григорія воззрѣній лежитъ та мысль, что всѣ свѣтскія должности и власти занятыя не духовными, есть нѣчто не подходящее къ плану божественнаго домостроительства; что онѣ появились только вслѣдствіе человѣческой глупости и грѣховности и что собственно только одно духовное сословіе желательно было Богу и основано Имъ.

Григорій (разумѣется, въ прямомъ противорѣчіи съ евангельскимъ ученіемъ о божественномъ установленіи властей) объявилъ, что королевская власть установлена между равными до тѣхъ поръ людьми по наущенію дьявола, людьми ничего не знавшими о Богѣ, исполненными всяческихъ пороковъ, одержимыми слѣпою страстію къ власти.

Крестовыми походами и связаннымъ съ ними измѣненіемъ сущности покаяній и отпущеній; чрезъ привиллегіи, даваемыя папами крестоносцамъ; чрезъ управленіе этими священными войнами, были созданы новыя средства для могущества римскаго престола. Къ этому присоединились еще рыцарскіе ордена, признававшіе своимъ вождемъ только папу,—далѣе постоянный союзъ съ Франціею, съ ея клиромъ и королевскою властію, (1300 г.); къ матеріальной помощи присоединилась и интеллектуальная, состоящая въ двухъ университетахъ: болонскомъ, школѣ папскаго

ава, и въ парижскомъ, который все болѣе и болѣе подчинялъ вской системѣ схоластику. Но болѣе всего помогли папской иархіи основанные въ началѣ 13-го столѣтія ордена мендиканцевъ, францисканов, доминиканцевъ, августинцевъ и кармеговъ; особенно два первые изъ нихъ были сильнѣйшими опои и поддержками этой монархіи.

Послѣ исидоровскихъ декреталій и Граціана, учрежденіе ихъ орденовъ, съ ихъ строгозамнутымъ монархическимъ устроюмъ, было третьимъ сильнѣйшимъ рычагомъ, подрывшимъ и потрясшимъ древнее церковное устройство. Состоя вполнѣ дъ управленіемъ Рима, будучи полупослами папы, совершенно зависимые отъ епископовъ, превосходя полномочіемъ свѣтское ховенство и священниковъ,—монахи орденовъ являлись вовсепавшимися агентами, образовали собственную свою церковь утри церкви, работая для славы и величія своихъ орденовъ для увеличенія могущества папы, на которомъ основывалось ъ привиллегированное положеніе. Можно сказать, что новыми денами папская власть была удвоена. Они господствовали въ тературѣ, подчинили себѣ церковныя каѳедры и каѳедры университетовъ; странствовали, какъ сборщики денегъ и проповѣдки отпущеній и индульгенцій папы, вооруженные папскимъ лномочіемъ даже налагать церковныя отлученія.

Такимъ образомъ была организована въ Римѣ борьба всѣхъ ротивъ всего, отъ городовъ до селъ, борьба, въ которой палъ обыкновенно классъ священниковъ, не могшій устоять провъ вооруженныхъ, съ головы до ногъ, привиллегіями мендиканвъ. Епископы и священники должны были признать свою немощность противъ этой новой, подкрѣпленной инквизиціею, силы подчиниться игу, наложенному на нихъ союзомъ этихъ двухъ серебролюбивыхъ властей.

Если Григорій VII основывалъ свои новыя притязанія на олитическую власть и подчиненіе монархіи на вымышленныхъ актахъ, то Иннокентій III пошелъ по этому пути еще далѣе. нъ выдумалъ переходъ имперіи отъ грековъ къ франкамъ и удто этотъ переходъ произошелъ въ силу папскаго повелѣнія; тсюда Иннокентій вывелъ, что нѣмецкіе государи имѣютъ праю выбирать императора только съ разрѣшенія папы и что папа всегда можетъ отвергнуть права избраннаго. Позднѣйшіе папист-

скіе писатели помѣстили и эти увѣренія въ число историческихъ, выдуманныхъ ими фактовъ.

Одно изъ вѣроположеній Григорія VII, а именно, что всякій, правильно избранный, папа святъ лично, все таки не удержалось. Изъ-за недостатка въ святости легко можно было заключить о недѣйствительности избранія и поэтому декретальное право молчитъ о святости папъ. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что симонія, считавшаяся всѣми за ересь, господствовала въ римской куріи совершенно явно; взятки за полученные приходы и подкупы въ процессахъ были въ Римѣ ежедневнымъ явленіемъ. Обвиненіе, что передъ глазами папы, с его явнаго или косвеннаго согласія допускается ересь,—не могло быть опровергнуто и потому канонисты прибѣгли къ слѣдующей уловкѣ: „что для всѣхъ людей, говорили они, симонія, то для папы нѣтъ, ибо онъ господинъ надъ закономъ и все находящееся въ церкви есть его собственность, которою онъ располагаетъ, по своему произволу.“

Григоріанская система требовала возможно большаго расширенія независимости всего клира отъ свѣтской власти и суда. Клиръ долженъ былъ образовать большое тѣло, безусловно слушающееся папы, далеко отстоящее, вслѣдствіе сословныхъ чувствъ и интересовъ, отъ свѣтскаго міра. Для этого прежде всего требовалось освобожденіе отъ всякихъ мірскихъ судовъ и изъятіе клира изъ подданства. Всякій духовный долженъ былъ признавать только *одного* господина и повелителя-папу, который располагаетъ имъ или посредствомъ всецѣло подчиненныхъ ему епископовъ, или непосредственно, въ случаѣ изъятія его изъ власти послѣднихъ. Онъ только орудіе для исполненія его приказаній. Граціанъ изложилъ свое „церковное право“ соотвѣтственно этимъ взглядамъ. Въ папскомъ сводѣ декреталій, есть, поэтому, статья, что духовный не подлежитъ свѣтскому суду и что это такъ устроено вслѣдствіе Божескаго распоряженія. Въ томъ самое время папы объявили, что ни одинъ духовный не смѣетъ отступать отъ этого права, которое принадлежитъ всей церкви. Иннокентій III хотѣлъ сдѣлать второзаконіе христіанскимъ судебникомъ, потому что чрезъ это онъ имѣлъ библейскій текстъ для подтвержденія своего ученія о власти папъ надъ жизнію и смертію. Для этой цѣли, слова библія должны были быть вмѣ-

ніи. Въ ней говорится, наприм., для еврея высшею судебною инстанціею служатъ верховный священникъ и верховный судья, если виновный не подчинится ихъ приговору, то наказывается смертію. Изъ этого Иннокентій, черезъ небольшую вставку въ текстъ вульгаты, сдѣлалъ слѣдующее: кто неподчиняется приговору первосвященника (мѣсто котораго въ новомъ Завѣтѣ заступилъ папа), того судья долженъ казнить. Позднѣе тоже самое искаженіе привелъ снова папа Левъ X въ своей буллѣ и еще цитовалъ это мѣсто изъ книги царей, вмѣсто Второзаконія,— для доказательства что ослушавшійся папу долженъ быть умерщвленъ.

Въ опредѣленіе отношеній къ государству и свѣтскимъ государямъ, Иннокентій превзошелъ еще Граціана. Папская власть, училъ онъ, относится къ императорской и королевской такъ, какъ солнце къ мѣсяцу, заимствующему свой свѣтъ отъ солнца; какъ душа къ тѣлу, которое существуетъ только для служенія душѣ; двѣ сестры (Лук. 22 38) суть символъ церковной и свѣтской властей, изъ которыхъ первая принадлежитъ папѣ лично, а другая государямъ, которые однакожъ должны пользоваться своею властію только для пользы церкви по указаніямъ папы.

Въ знаменитой декреталіи „Novit" Иннокентій III утверждалъ: «что папа имѣетъ власть отправлять судъ и уничтожать рѣшенія свѣтскихъ приговоровъ, —«что онъ есть господинъ надъ гусударями и народами». Эту власть давалъ папѣ такъ называемый евангельскій судъ (nvangelische Denuntiation). Судъ этотъ состоялъ въ томъ, что непризнаніе обвиняемымъ права обвинителя есть грѣхъ и потому процессъ долженъ быть перенесенъ къ папѣ т. е. къ такому судьѣ, который признаетъ себя отвѣтственнымъ только предъ однимъ Богомъ.

«Говорилось, напр.», право церкви, какъ единственно Божеское, стоитъ выше всякаго другаго права; а папа, какъ глава церкви, есть источникъ и обладатель всяческаго права: слѣд. каждый безусловно подчиненъ папѣ. Или: «папа есть повелитель душъ, а такъ какъ тѣло есть только орудіе души,—то, стало быть, папа есть господинъ и тѣла, владѣтель права надъ жизнію и смертію». «Или»: кто не слушается папскихъ приказаній, тотъ, стало-быть, имѣетъ невѣрное понятіе объ объемѣ

папской власти, о силѣ и непреоборимости его запрещеній; значитъ, такой человѣкъ есть еретикъ и долженъ доказать предъ трибуналомъ свое православіе».

До конца 12 столѣтія папы назывались и были называемы «намѣстниками Петра»,—но съ Иннокентія III папы стали называться «намѣстниками Христа». И дѣйствительно, разстояніе между положеніемъ и правами Григорія I и между притязаніями и могуществомъ Григорія IX (отъ 600—1230 г.) такъ же велико, какъ разстояніе между Петромъ и Господомъ. Въ примѣненіи къ папѣ, новый титулъ означалъ: «я намѣстникъ на землѣ всемогущаго Бога, и моя власть стоитъ выше всякой земной власти и предѣловъ,—во мнѣ и чрезъ меня одного церковь свободна». Таково было средневѣковое клерикальное воззрѣніе, въ силу котораго церковь свободна только тогда, когда ей подчинены всѣ и все; но въ послѣдней своей инстанціи церковь есть именно папа. Григорій IX, основываясь на воображаемыхъ подаркахъ Константина, объявилъ: «Папа есть господинъ и повелитель всего міра, какъ вещей, такъ и лицъ"; такъ что его предшественники проявляли свою власть чрезъ поставленныхъ ими императоровъ и королей, ничего не слагая, однакожъ, изъ сущности своей юридикціи. Иннокентій IV еще сильнѣе высказался объ абсолютномъ всемірномъ господствѣ папы и о соединеніи обѣихъ высшихъ властей въ одной рукѣ. „Ложно думаютъ, говоритъ онъ, будто Константинъ далъ престолу папы свѣтскую власть; она цѣлесообразно и безусловно дарована ему І. Христомъ, Который передалъ Петру ключи какъ небеснаго, такъ и земнаго царства. Свѣтская власть законна только въ томъ случаѣ, если государи смотрятъ на нее, какъ на дарованную папою. По истинѣ говоря, Константинъ возвратилъ церкви только часть того, что принадлежало ей съ самаго начала и чѣмъ, слѣдовательно, онъ владѣлъ не по праву." Иннокентій IV отзывался о происхожденіи свѣтскихъ государствъ и государей еще небрежнѣе, чѣмъ это дѣлалъ Григорій VII.

Иннокентій IV постановилъ такъ же: „всякій клирикъ долженъ слушаться папы даже тогда, когда онъ приказываетъ несправедливое, ибо никто не смѣетъ судить поступковъ папы; исключеніе изъ этого правила можетъ быть допущено только

тда, когда повелѣніе заключаетъ въ себѣ ересь, или имѣетъ лію ниспроверженіе церкви". Доктринѣ о всемірномъ папомъ владычествѣ Бонифацій VIII далъ догматически—библейое основаніе. Онъ осудилъ, какъ манихеизмъ, то положеніе, что свѣтская власть независима отъ духовной. „Папа, по нифацію, есть судья надъ всѣмъ мірскимъ, коль скоро оно ичастно грѣху; въ папской рукѣ находится два меча (духовй и свѣтскій), изъ коихъ первый папа употребляетъ самъ, а орой короли и воины, но все же по его знаку и дозволенію; па судитъ все и никѣмъ не можетъ быть судимъ, ибо отзтственъ только одному Богу. Невѣрующій тому, что всяі человѣкъ подчиненъ папѣ, лишается вѣчнаго блаженства". юбы дать библейское основаніе этому положенію, Бонифацій лъ вынужденъ сильно перевернуть яснѣйшіе тексты св. пиія, что возбудило тогда всеобщее изумленіе и насмѣшки.

Съ тѣхъ поръ какъ папскій престолъ былъ перемѣщенъ Францію и политика куріи сдѣлалась французскою, юридиская догматика папъ направлялась преимущественно на импео. Сломать могущество Имперіи какъ въ Германіи, такъ Италіи, уничтожить ея единство было, въ теченіе столѣтія, ажнѣйшею цѣлію папскихъ домогательствъ. Климентъ V обълъ, что каждый императоръ долженъ приносить папѣ особую исягу въ послушаніи,—и что съ государемъ, подозрительнымъ мъ, не должно заключать союза.

Относительно греческихъ императоровъ и патріарховъ папы верждали, будто римскому престолу, вмѣстѣ съ духовною, сталась и свѣтская власть надъ всѣми христіанами. Григоі IX и Григорій X объявили: „мы знаемъ это изъ чтенія ангелія". „Христосъ, писалъ Иннокентій III константинольскому патріарху, передалъ папамъ для управленія весь ный порядокъ вещей; сильнѣйшимъ доказательствомъ этому житъ хожденіе Петра по морю, а море означаетъ народную ссу. Отсюда, по мнѣнію папы, вытекаетъ ясно, что наслѣдкъ Петра уполномоченъ управлять народами".

Одинъ изъ принциповъ григоріанской системы былъ слѣдующій: сякій окрещенный есть подданный папы и долженъ оставаться имъ ю жизнь. Всякій христіанинъ, хотя бы окрещенный внѣ римской ркви, также подчиненъ папскимъ законамъ, и папа можетъ его

наказать и даже лишить жизни. Ослушаніе папскому приказанію есть уже ересь; за всякое преступленіе папа можетъ отлучить отъ церкви, и если отлученный, въ теченіе года, не подчинится папскимъ приказаніямъ, то онъ объявляется еретикомъ и подвергается конфискаціи имущества и смерти".

Для того, чтобы вполнѣ разрушить, древне-церковное устройство и управленіе епархій епископами, введенъ, со временъ Гильдебранда, постоянный институтъ легатовъ. Эти легаты, со свитою жадныхъ итальянцевъ, объѣзжали страны, собирали синоды и диктовали имъ свои распоряженія. Цѣль этихъ объѣздовъ состояла частію въ ревизіи церквей, частію въ собираніи денегъ для отсылки въ Римъ. Появленіе въ странѣ легата современники сравнивали съ физическими бѣдствіями: градобитіемъ или чумою. Даже жалобы и апелляціи въ Римъ не помогали дѣлу, ибо папы постановили за правило поддерживать своихъ легатовъ во всемъ.

Въ силу новаго права, папа являлся не только высшимъ, но и единственнымъ законодателемъ для цѣлой церкви. „Онъ носитъ (какъ выразился Бонифацій VIII) въ своей груди, какъ въ шкатулкѣ, всѣ права, и вынимаетъ оттуда, отъ времени до времени, то, что находитъ сообразнымъ съ потребностями міра и церкви". Вслѣдствіе этого произошло, что одинъ папа 13-го или 14-го столѣтія издалъ болѣе законовъ, нежели 50 папъ взятыхъ вмѣстѣ прежняго времени. Папы давали своимъ указамъ тѣже имена, которыя носятъ римскія императорскія повелѣнія т. е. рескрипты, декреты. Какъ господинъ надъ законами, папа можетъ отмѣнять ихъ; онъ освобождаетъ отъ церковныхъ постановленій и даже отъ исполненія Божескихъ законовъ. Какъ скоро папа издавалъ какой нибудь декретъ, курія тотчасъ расчитывала сколько принесутъ дохода будущія освобожденія отъ него. И дѣйствительно, на нѣкоторыхъ папскихъ декретахъ ясно видно, что они изданы съ этою именно цѣлію. То же самое видно и на изъятіяхъ т. е. освобожденіяхъ изъ-епископской власти. Всякій изъятый монастырь или какое другое учрежденіе должны были за это платить папскому престолу ежегодную подать. Такимъ образомъ, если епископъ пожелалъ-бы серьезно заняться управленіемъ своей епархіи, то онъ на каждомъ шагу былъ стѣсняемъ и угрожаемъ. Онъ былъ въ

эстоянной опасности подвергуться папскому запрещенію или тлученію за нарушеніе римской привиллегіи,—или даже быть приглашеннымъ явиться въ Римъ.

Всякій монастырь, каждая коллегія ревниво блюли свои реимущества и изъятія и видѣли въ епископахъ своихъ естественныхъ враговъ. Какъ епископы и корпораціи стояли другъ ротивъ друга враждебно,—такъ точно священники видѣли своихъ опасныхъ враговъ въ нищенствующихъ монахахъ, которые еутомимо стремились присвоить себѣ доходныя статьи священическаго сословія. Одну общую черту всѣмъ членамъ куріи амѣтилъ уже Іоаннъ салисбурійскій,—именно, что всякій несоглашающійся съ ея ученіемъ былъ или еретикомъ или схизматикомъ. Курія хотѣла быть непогрѣшимою прежде, чѣмъ самъ папа сталъ считать себя таковымъ, и этотъ щитъ непогрѣшимости былъ необходимъ для ея спекуляцій и обороговъ.

Опытъ съ палліумомъ (омофоромъ) показалъ папѣ, что знаки отличія, украшенія, титулы, особенности въ цвѣтѣ и покроѣ платья имѣютъ для клириковъ особенную заманчивость—и потому можно употреблять эти средства для достиженія господства. Въ 5 столѣтіи папы раздавали „палліумы“ архіепископамъ; а въ 8-мъ стали давать ихъ митрополитамъ, хотя эти послѣдніе отказывались иногда принимать ихъ подъ условіями, назначаемыми Римомъ. Такъ это видно изъ поступка франкскихъ архіепископовъ противъ совершенно преданнаго римскимъ интересамъ Бонифація. Николай I, Іоаннъ VIII, Григорій VII выставили требованія, чтобы до полученія палліума ни одинъ митрополитъ не смѣлъ отправлять своей должности. Слѣдующимъ затѣмъ дѣломъ было: придать палліуму таинственную мистическую силу. Пасхалій II, его преемники, а за ними и декретальное право объявили, что на омофорѣ держится полнота высокаго священническаго сана, а отсюда слѣдуетъ, что этотъ санъ истекаетъ изъ папскаго полномочія. Представленіе, по которому митрополичья власть должна быть передаваема папою, было въ противорѣчіи съ фактами,—ибо важнѣйшія права митрополитовъ папы присвоили себѣ, а съ начала 13-го столѣтія стали дѣлать это еще болѣе. Они начали раздавать палліумы нѣкоторымъ епископамъ, у которыхъ они были про-

стымъ украшеніемъ и не были соединены ни съ какими правами. Однакожъ, какъ средство для приведенія митрополитовъ въ полную зависимость отъ папы, палліумъ сдѣлалъ свое дѣло. Въ своей зависимости отъ папы митрополитъ долженъ былъ клятьси,—и этой клятвѣ Григорій VII далъ форму вассальной присяги,—такъ что отношеніе между папою и митрополитами было чисто ленною зависимостію послѣднихъ отъ перваго.

Затѣмъ ближайшею задачею куріи было — сдѣлать и епископовъ покорными орудіями римской власти. Долгое время положеніе епископовъ было гораздо благопріятнѣе положенія митрополитовъ. Ибо они еще въ 13 столѣтіи получали свое утвержденіе, которое въ древней церкви было нераздѣльно съ посвященіемъ отъ митрополитовъ; тогда какъ эти послѣдніе должны были покупать паллiумъ за большія деньги (по нынѣшнему курсу около 200,000 флориновъ).

Иннокентій III объявилъ: „одинъ только папа имѣетъ въ церкви полную власть, всѣ прочіе епископы призваны имъ только на помощь для той части дѣлъ, которую онъ имъ поручитъ. Можно сказать, что чрезъ это папская система получала свое завершеніе. Всѣ епископы были низведены на степень простыхъ помощниковъ, и папа присвоилъ себѣ изъ древнихъ епископскихъ правъ столько, сколько было ему угодно. Теперь употребляемое папами выраженіе: „вселенскій епископъ" получило свое полное значеніе, хотя еще Левъ IX отказывался отъ этого титула. И при римской теоріи, не было уже болѣе епископовъ, а только делегаты и намѣстники папы.

Масса функцій власти, о которой и не думалъ ни одинъ изъ папъ, вытекала теперь сама собою. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ теперь даже и не требовалось особенныхъ какихъ либо папскихъ приказаній. Нужно было только извлечь слѣдствіе (выводъ) изъ Исидоровскихъ вымысловъ и Граціанскихъ вставокъ. Тогда казалось понятнымъ само по себѣ, что только одинъ папа можетъ отрѣшать и перемѣщать епископовъ, только онъ можетъ вмѣшиваться въ ихъ епархіи, отправлять ихъ власть и привлекать ихъ къ своему суду. Иннокентій III, какъ мы уже видѣли, объявилъ, что право отрѣшать епископовъ даровано папѣ божественнымъ откровеніемъ. Хотя за это и упрекали его въ жестокомъ заблужденіи и совершенно

роизвольномъ изобрѣтеніи; но Иннокентій, убѣдившій себя и ругихъ, что всякій папа есть абсолютный повелитель надъ сею церковію и обладаетъ полномочіемъ въ силу Божескаго орядка,—могъ такъ же считать, что и право отрѣшать епископовъ даровано папѣ самимъ Богомъ. Дѣйствительно, скоро вились епископы, которые стали писать себя: „папскаго престола милостію“.

Оставшіеся еще кой какіе обломки свободы изъ древней церкви были теперь вполнѣ вытѣснены и истреблены. Прежде икому и въ голову не могло придти, чтобы епископъ не смѣлъ ложить съ себя должности, еслибы чувствовалъ ее не подъ илу себѣ. Такое сложеніе производилось прежде, по большей асти, на провинціальныхъ синодахъ. Но со времени Граціана Иннокентія новое положеніе, что только папа можетъ разрѣшать узы, связующія епископа съ его епархіею,—было распространено и на сложеніе должности. Затѣмъ дошла очередь ю дальнѣйшаго требованія, возведеннаго Іоанномъ XXII въ правило, что очистившееся так. обр. епископское мѣсто должно быть отдано тому, кого назначитъ папа.

Всячески поощряемыя папами апелляціи проложили имъ путь къ завоеванію важнѣйшаго для нихъ права—назначать епископовъ. Псевдо-Исидоръ далъ апелляціямъ въ Римъ неслыханный объемъ. Новое декретальное право Александра III увеличило этотъ объемъ еще болѣе. По мнѣнію этого папы, апелляціи, висѣвшія надъ головами епископовъ подобно Дамоклову мечу,—были важнѣйшею частію его власти. Около 13 новыхъ положеній въ сводѣ декреталій были направлены къ тому, чтобы доставить куріи тысячи разныхъ процессовъ. Эти процессы тянулись цѣлые годы, доставляли богатую поживу куріаламъ, наполняли даже римскія улицы и кладбища. Епископовъ и архидіаконовъ, подвергавшихся процессамъ, задерживали въ Римѣ долгое время. Въ слѣдствіе этого произошло то, что анархія въ епархіяхъ, безнравственность и одичаніе клира достигли такой степени, что описаніе ихъ у современниковъ нельзя читать безъ ужаса. Если двое спорили о занятіи прихода или о выборѣ въ епископы и апеллировали въ Римъ, то папы часто пользовались случаемъ, чтобы, отвергнувъ обоихъ спорящихъ, назначить третьяго.

„Нѣтъ болѣе ни одного епископства, ни одного священническаго мѣста, говоритъ аббатъ Кондратъ Лихтеновскій, которыя бы не послужили предметомъ процесса въ Римѣ,—и горе тому, кто придетъ туда съ пустыми руками? Радуйся ты, матерь Римъ, о порокахъ сыновъ твоихъ, ибо это даетъ тебѣ доходъ; къ тебѣ течетъ все серебро и золото. Не благочестіе, но злоба людей сдѣлала тебя побѣдителемъ міра". Эти апелляціи и процессы ни для одного народа не были такъ обременительны, какъ для нѣмецкаго. Послѣ вормскаго конкордата (1122), папы устранили нѣмецкихъ императоровъ отъ вліянія на замѣщеніе епископствъ, и сдѣлали конкордатъ недѣйствительнымъ. Какъ скоро одной изъ спорящихъ сторонъ данъ былъ поводъ перенести процессъ въ Римъ, то истца удерживали тамъ и вытягивали изъ него все, что было можно. По цѣлымъ годамъ тянулись процессы, нерѣдко истцы или ихъ довѣрители умирали въ Римѣ,—а если и возвращались на родину, то приносили съ собою только долги, болѣзнь и впечатлѣніе о римскомъ развратѣ. Съ этого времени папы могли по произволу располагать нѣмецкими епископами и ихъ голосами, при избраніи короля. Всѣ эти епископы были обременены долгами,—и въ случаѣ неплатежа имъ угрожало церковное наказаніе,—такъ что они готовы были принять какое угодно обязательство со стороны Рима и обязательно исполнить всѣ приказанія папъ относительно имперіи,—лишь бы только не подвергнуться церковному наказанію за неплатежъ своихъ римскихъ долговъ. Только эти отношенія и могутъ объяснить такія явленія, какія происходили въ Германіи отъ 1245—1273 г., т. е. выборы Генриха Распо (1246), Вильгельма голландскаго (1247), Ричарда и Альфонса (1257) и пагубное между-царствіе (отъ 1256—1273 г.). Только такимъ путемъ могло совершиться паденіе штауфенскаго дома и Германія могла быть содержима въ состояніи разъединенія и безсилія, которое требовалось французскими и анжуйскими интересами и политикою французскихъ папъ Урбана IV, Климента IV и Мартина IV.

Въ 13 и 14 столѣтіяхъ папы сдѣлали исполинскіе успѣхи въ пріобрѣтеніи новыхъ и въ уничтоженіи чужихъ правъ. Право архіепископовъ утверждать и посвящать епископовъ своей провинціи было признано еще Иннокентіемъ III; но уже Нико-

ай I объявилъ: „право назначенія есть принадлежность папы". ъ древней церкви считалось бы неканоническимъ, если бы апѣ или патріарху вздумалось раздавать мѣста и приходы; днакожъ папа сталъ вмѣшиваться теперь и въ эту область. начала онъ рекомендовалъ на мѣста своихъ фаворитовъ; но скорѣ затѣмъ его рекомендаціи приняли видъ приказаній. Італьянцы, папскіе племянники и любимцы, которые стояли за ѣло папъ и отличались на этомъ поприщѣ какими нибудь заслугами, были посылаемы въ страны для обогащенія. Противорѣчащее этому право патроната не уважалось болѣе. Папскіе юбимцы проникали всюду. Броженіе и недовольство національныхъ церквей такимъ порядкомъ дѣлъ было неописанно. Протестовали даже на ліонскомъ соборѣ (1245). Между тѣмъ папы открыли другую лазейку, посредствомъ которой они могли достигнуть, въ дѣлѣ раздачи и замѣщенія мѣстъ, всеобъемлющаго права. Многіе епископы и прелаты были притянуты въ Римъ начатыми процессами и тамъ долго были удерживамы. Они массами умирали въ нездоровомъ городѣ,—этомъ гнѣздѣ лихорадокъ, какъ называетъ его Даміани; а тутъ какъ разъ было изобрѣтено новое право, что всѣ очистившіеся приходы переходятъ во власть куріи. Климентъ IV (1266 г.) объявилъ міру, что папа пользуется правомъ раздачи всѣхъ безъ различія церковныхъ мѣстъ и притомъ въ самой обширной степени.

Къ этому присоединились права, предоставленныя папамъ въ Авиньонѣ. Они, по указанію французскаго короля, могли раздавать извѣстное число епископствъ. Одновременно съ этимъ былъ введенъ обычай раздаванія аббатствъ свѣтскому духовенству,—а нѣкоторыхъ церковныхъ мѣстъ—даже просто свѣтскимъ людямъ.

Присяга въ послушаніи или собственно вассальная присяга епископовъ папѣ была понимаема этимъ послѣднимъ такъ, что епископы клянутся ему не только въ подчиненіи церковномъ, но и въ безусловномъ повиновеніи въ дѣлахъ политическихъ. Иннокентій III объявилъ, поэтому, клятвопреступниками тѣхъ нѣмецкихъ епископовъ, которые признаютъ королемъ не Оттона, предъизбраннаго папою,—а кого нибудь другаго. Удаленіе отъ трона Штауфеновъ папѣ удалось только при помощи епископскихъ присягъ. Пій 11 увидѣлъ нарушеніе епи-

скопомъ присяги уже въ томъ, если бы этотъ послѣдній высказалъ истину, могущую повредить папѣ. Въ силу той же присяги, папа требовалъ отъ епископа майнцкаго, чтобы тотъ не созывалъ имперскаго собранія.

Так. обр. римская курія сдѣлалась наслѣдницею всѣхъ прежнихъ авторитетовъ и учрежденій въ церкви. Она присвоила себѣ прежнія права митрополитовъ, синодовъ, епископовъ, національныхъ церквей,—и кромѣ того овладѣла тою властію, которую имѣли въ церковныхъ дѣлахъ императоръ и короли франковъ. Слѣдствіемъ этого было то, что сила и жизненная дѣятельность церкви, въ ея древнихъ учрежденіяхъ пастырскаго, епархіальнаго и священническаго управленія, ослабѣла. Въ этихъ, непосредственно для народа предназначенныхъ, учрежденіяхъ появилась болѣзненность и всеобщій религіозный упадокъ. Епископы и священники все болѣе и болѣе уклонялись отъ заботъ о ввѣренныхъ имъ паствахъ. За то монашество скоро пріобрѣло необыкновенное значеніе. Монастыри и монастырскія общины сдѣлались мѣстами, въ которыхъ преимущественно заключалась жизнь церкви. Изъятія и привиллегіи, которыя можно было достать только изъ Рима, связывали монаховъ съ папствомъ и папы знали какой сильный оплотъ имѣютъ они въ нихъ противъ епископовъ. Еще Левъ X созвалъ въ Римѣ особую комиссію изъ членовъ всѣхъ духовныхъ орденовъ, чтобы посовѣтоваться съ ними о средствахъ противъ епископовъ—этихъ общихъ враговъ монашескихъ и папскихъ интересовъ. Ибо, говоритъ Палависини, всякое монархическое правительство должно имѣть въ каждой провинціи своего государства нѣкоторое число подчиненныхъ, стоящихъ внѣ непосредственно тамъ правящей и живущей власти; изъ этого принципа вытекаютъ изъятія. Епископы смотрѣли на монаховъ, стоящихъ внѣ ихъ власти, какъ на природныхъ своихъ враговъ; а монахи были усердными и преданными агентами римскаго двора.

Никогда и нигдѣ не были такъ сильны провотирѣчія между теоріею и практикою, между принципами и поступками, какъ въ тѣ столѣтія въ Римѣ и Авиньонѣ. Папы осуждали ростовщиковъ; а между тѣмъ на ихъ глазахъ существовали банки, которые, за огромные проценты, снабжали деньги прелатамъ, ведшимъ въ Римѣ процессы. Въ то время, когда всѣмъ банкирамъ гро-

нии отлученіемъ отъ церкви, папскіе ростовщики составляли исключеніе и, вооруженные „изъятіями“, безпрепятственно взимали свои долги и проценты.

Въ 12 столѣтіи курія сдѣлала одно открытіе; въ 13-мъ же пожала плоды его. Это открытіе состояло въ томъ, что куріалы находили выгоднымъ для себя имѣть во всей Европѣ какъ можно большее число задолжавшихъ имъ епископовъ. Эти епископы были тѣмъ покорнѣе, чѣмъ легче можно было принудить ихъ къ уплатѣ долга отлученіями и вымогать большія проценты. Превосходнѣйшій канонистъ своего времени Николай Тудени замѣчаетъ: „церковные сановники столь обременены безмѣрными поборами и вымогательствами, что навсегда останутся задолжавшими и уже не въ состояніи болѣе употреблять свои доходы на религіозныя цѣли“. Кардиналъ Цабарелла видѣлъ очень хорошо, что корень церковной порчи заключается въ ученіи льстецовъ-юристовъ о папскомъ всемогуществѣ; эти льстецы увѣрили папу, что онъ можетъ дѣлать все, что ему угодно. „Т. обр., говоритъ онъ, папа присвоилъ себѣ права всѣхъ малыхъ церквей, такъ что предстоятели ихъ все равно, что несуществуютъ“. Канцлеръ Генсонъ говорилъ еще яснѣе: „вслѣдствіе клерикальной жадности, симоніи, алчности и властолюбія папъ, авторитетъ епископовъ и низшихъ церковныхъ настоятелей вполнѣ разрушенъ, такъ что они почти не нужны и ихъ можно снимать, какъ картины, со стѣнъ церквей“.

Позднѣе епископъ Лисіе описываетъ, что чрезъ папъ вся церковь находится въ состояніи разложенія и уже съ давняго времени наполнена враждой и раздоромъ. При этомъ всеобщемъ броженіи и розни, церковь производила на мыслящихъ людей (каковы Герсонъ, Пелайо, Д'Аильи и др.) впечатлѣніе суроваго карательнаго заведенія, отъ котораго вѣетъ воздухомъ темницы; она огрубѣла и вслѣдствіе этого наполнена ханжествомъ и притворствомъ. Въ 1327 г., по вычисленію венеціанца Сануто, около половины христіанъ были отлучены отъ церкви, въ томъ числѣ находились самые преданные ея слуги. Такъ расточительно обращались папы, начиная съ 1073 года, съ отлученіями и запрещеніями! Папскому примѣру слѣдовали епископскіе оффиціалы, архидіаконы и всѣ тѣ, которые имѣли право отлучать. „Римская церковь, говорили они, есть наша

учительница, изъ ея примѣра мы узнаемъ, что нечего обходиться бережно съ отлученіями. Если уже епископы часто отрѣшаются и отлучаются за то только, что не хотѣли или не могли заплатить легатамъ путевыхъ издержекъ,—то должно ли обходиться съ міранами лучше, чѣмъ съ ихъ пастырями"? Въ запискахъ Дюбуа подъ 1300 г. мы читаемъ: „въ тотъ день, когда епископскіе оффиціалы имѣютъ засѣданіе, въ одной только Франціи болѣе, чѣмъ у 10,000 тысячъ душъ отнимается путь ко спасенію,—и онѣ бываютъ бросаемы въ руки сатаны". Въ каждомъ приходѣ отлучается, слѣдовательно, отъ 30—40 душъ. Разумѣется, что за деньги можно было купить разрѣшеніе отъ отлученія, но требуемыя за это суммы были непогрѣшимо велики.

Средства, употребляемыя папами, для пріобрѣтенія послушанія и для подавленія всякаго сопротивленія со стороны народа, государей и клира становились все насильственнѣе и насильственнѣе. Запрещенія, отнимавшія у милліоновъ людей право совершать таинства и отправлять богослуженіе,—казались уже недостаточными. Папы стали объявлять теперь семейства, города и цѣлыя государства лишенными покровительства законовъ и предавать ихъ въ рабство и на разграбленіе. Такъ поступилъ, напр., Климентъ V съ венеціанцами. Иногда папы отлучали людей отъ церкви до седьмаго поколѣнія, какъ сдѣлалъ Григорій XI; или истебляли цѣлые города и выгоняли ихъ жителей. На такую судьбу, напр., Бонифацій VIII обрекъ Палестину,

Психологически кажется страннымъ, что могла быть выставлена такая теорія духовнаго владычества папъ. Такая власть, даже не въ полномъ своемъ видѣ, потребовала бы не человѣческихъ силъ, Божескихъ свойствъ и выставленныя ею обязательства устрашили бы сознаніе добросовѣстныхъ истинно-религіозныхъ людей, дѣйствуя на нихъ подавляющимъ образомъ. Конечно, въ скромныхъ фразахъ не было недостатка. Каждый папа, въ обычныхъ выраженіяхъ, увѣрялъ, что его заслуги и силы слишкомъ малы, чтобы принять на себя такой санъ и такое бремя. Однакожъ, каждый папа постоянно стремился къ увеличенію и безъ того уже огромной власти и вовсе не думалъ о самоограниченіи. Были государи, которые могли сказать о себѣ, что они не хотѣли-бы быть абсолютными вла-

гителями, еслибы могли даже быть ими. Точно также и папы ерваго столѣтія могли объявить: „мы не желаемъ господствовать надъ канонами соборовъ, но они должны господствовать адъ нами". Но со временемъ Николая I и особенно Григорія 'II, принципъ папъ былъ таковъ: „папа есть господинъ соборовъ и канонов; не законъ правитъ его волею, но его воля сть законъ".

Можно безъ преувеличенія сказать: нѣкоторые папы сами не нали всего объема своей власти,—такъ она была неизмѣрима! 'имское законодательство, начиная отъ диктатуса Григорія до поьѣдней статьи экстравагантнаго сборника, предусмотрѣло всякое обытіе,—такъ что папа, безъ затрудненія, всегда могъ найдти аконное основаніе для вмѣшательства, какъ бы ни было дѣло чуждо церкви. Чрезъ новую формулу „non obstante„ достигли того, что въ каждомъ случаѣ, гдѣ того требовали интересы куріи, папа могъ обойти существующій зоконъ и сдѣлать его недѣйствительнымъ. Все законодательство древней церкви было мало-помалу устранено и обращено въ противоположную сторону. Подобно семи тощимъ коровамъ Фараона, папскія декреталіи пожрали заключенія соборовъ. Что сталось съ канонами никейскаго, халкидонскаго, африканскаго соборовъ? Какъ полуразрушившіеся надгробные памятники на опустѣломъ кладбищѣ, торчали еще кое гдѣ одиночныя развалины этого прошлаго порядка. „Ясно, какъ Божій день, говоритъ канцлеръ Герсонъ, ученѣйшій въ свое время богословъ и теплый другъ церкви,— что распоряженія первыхъ четырехъ и слѣдующихъ за ними вселенскихъ соборовъ были измѣнены и преданы насмѣшкѣ и забвенію вслѣдствіе корыстолюбія папъ, кардиналовъ и прелатовъ; вслѣдствіе несправедливыхъ рѣшеній папской куріи, канцлерскихъ правилъ, освобожденій, разрѣшеній, индульгенцій".

Папамъ, а не нѣмецкимъ императорамъ, какъ думали прежде, принадлежитъ титулъ: „Semper Augustus". Они въ простосердечномъ убѣжденіи вѣровали, что на величіи и непобѣдимости папской власти основывается благо всей церкви; что только ихъ право и ихъ власть суть истинно Божески и потому безпредѣльны. Ибо власть, данная Богомъ, не можетъ быть ограничиваема никакими правами земными. И это убѣжденіе папы серьезно и откровенно питали даже тогда, когда прибѣ-

гали къ порочнымъ средствамъ: подделкамъ вымысламъ и жестокимъ искаженіямъ библейскихъ мѣстъ.

Теперь папы съ жадностію начинаютъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, чего прежде стыдились и избѣгали. Такъ, Григорій великій жаловался, что его духъ, подавленный множествомъ занятій и дѣлъ, не можетъ обратиться на возвышенные предметы. Самъ Александръ II, когда началось великое централизаціонное движеніе, выразился: „что онъ впродолженіе пяти лѣтъ едва только могъ разъяснить внутреннія дѣла своей спеціальной общины-римской церкви, а еще менѣе могъ привести въ порядокъ дѣла остальныхъ церквей“. Древняя церковная исторія предостерегала папъ, чтобы они не мѣшались въ дѣла другихъ церквей и и не пытались рѣшать ихъ изъ своего далека, основываясь на одностороннихъ пристрастныхъ донесеніяхъ. Въ древней церкви зналъ всякій, что въ церковныхъ дѣлахъ нѣтъ ничего вреднѣе, какъ рѣшенія, даваемыя издалека, безъ знанія мѣстныхъ обстоятельствъ. Папы, по большой части, попадали въ просакъ и привлекали на себя оскорбленія и отказы. Такъ было съ Базилидомъ въ Испаніи, Гиларіемъ арлійскимъ въ Галліи, Маркелломъ анкирскимъ, Евстаѳіемъ себастскимъ, Мелетіемъ въ Антіохіи, и Еросомъ, Лазаремъ и Апіаріемъ въ Африкѣ. Папы, изъ-за поспѣшности, дѣлали постоянно промахи,—ошибались, были обманываемы, заблуждались. Церковь всегда похваляла мудрость никейскихъ правилъ, въ силу которыхъ все должно быть изслѣдываемо на мѣстѣ. Конечно, папы и григоріанцы и теперь охотно ссылались на никейскіе каноны, но не на истинные, а на вымышленные. Если въ 4-мъ и 5-мъ столѣтіяхъ папы (и то только вмѣстѣ съ прочими епископами папскаго престола) принимали участіе въ дѣлахъ чужихъ церквей,—то теперь подобные случаи бывали тысячами въ теченіе одного года, и всякая новая резервація (т. е. предоставленіе себѣ права на что либо) была прибыточнымъ источникомъ доходовъ. Такъ, епископъ Альваро Пелайо разсказываетъ, что, бывая въ покояхъ папы, онъ находилъ придворныхъ духовныхъ всегда занятыми счетомъ монетъ, лежавшихъ кучами.

Всякій поводъ къ расширенію дѣлъ куріи былъ встрѣчаемъ съ радостію. Не брезгали и самыми, мелкими вещами.

ь „изъятіями и привиллегіями“ устроили такимъ образомъ, что
егда требовалось ихъ новое заготовленіе и раздача. Не-
тощимымъ источникомъ доходовъ для куріи были охранныя
амоты, которыя раздавались отдѣльнымъ лицамъ и цѣлымъ
ллегіямъ противъ епископскихъ цензуръ. Съ своей стороны,
епископы увидѣли себѣ вынужденными доставать папскія при-
ллегіи, въ силу которыхъ они могли, по крайнѣй мѣрѣ,
щищать свои имѣнія противъ снабженныхъ римскими при-
ллегіями. Подобную привиллегію выхлопоталъ себѣ отъ
рбана IV епископъ ліонскій. Римъ до такой степени слѣ-
валъ принципу «divide et impera», что даже капитулъ ка-
никовъ, которые составляли ближайшій кругъ помощниковъ
совѣтниковъ епископа,—и тотъ былъ снабженъ привиллегія-
и изъятіями противъ епископа, а епископъ снова про-
ивъ капитула. Смотря на огромную массу папскихъ привил-
егій, приготовленныхъ въ 13 столѣтіи только для одной фран-
узской церкви,—удивляемся какъ раболѣпію епископовъ, ко-
орые не осмѣливались сдѣлать и шагу безъ римской санк-
іи,—такъ и мелочности предметовъ, для которыхъ счита-
ось необходимымъ имѣть разрѣшеніе изъ Рима. Если мона-
тырь хотѣлъ дать мяса своему больному, или, если монахи хо-
ѣли говорить между собою за столомъ, то на это нужно было
спросить позволеніе у папы. Но прежде всего епископы, мо-
астыри и лица желали защитить себя привиллегіями противъ
егатовъ, щедро раздававшихъ цензуры и вымогавшихъ деньги.
Въ лонѣ церкви было одно только средство для исцѣленія раз-
ивающейся порчи,—это соборы. Но и они были обращены въ
рудіе папскаго господства и поставлены въ положеніе безслав-
ой зависимости, которая оставила одну только тѣнь отъ этихъ
древлецерковныхъ учрежденій.

(Продолженіе будетъ).

ЗАПАДНО-РУССКІЯ ПРАВОСЛАВНО-ЦЕРКОВНЫЯ БРАТСТВА.

Западно-русскія церковныя Братства были общества пра-
вославныхъ этого края, образовавшіяся для защиты православія
и русской народности отъ преслѣдованій поляковъ, іезуитовъ и
уніатовъ. Время перваго возникновенія братствъ въ этомъ на-

правленіи относится къ половинѣ XV в.; но особенное значеніе они получаютъ со второй половины XVI-го в., когда, вызванныя усилившеюся борьбою православныхъ съ католичествомъ и полонизмомъ, нѣкоторыя изъ нихъ (львовское и виленское) преобразованы, а другія впервые образовались и составили надежнѣйшую опору для православія. Время это было лучшею порою ихъ жизни и дѣятельности, которая продолжается до половины XVII в. (до возстанія козаковъ), хотя братства сохранились и послѣ, даже до позднѣйшаго времени. Это-то время ихъ лучшей поры особенно и интересуетъ насъ. Число братствъ было очень велико; но мы не будемъ ни перечислять ихъ, ни излагать исторіи даже и важнѣйшихъ изъ нихъ, потому что дѣятельность всѣхъ братствъ совершенно сходна и по своей цѣли и по средствамъ [1]). Поэтому мы будемъ говорить о дѣятельности всѣхъ ихъ вообще, оставляя нѣкоторыя не очень важныя частности, не придававшія никакой особенности общему строю ихъ жизни. Впрочемъ, мы должны, по крайней мѣрѣ, поименовать наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ.

Старѣйшимъ изъ всѣхъ западно-русскихъ братствъ считается *львовское*, первоначально основанное въ 1250 году [2]). Въ 1438 г. оно спеціальнѣе опредѣлило свою задачу—защищать православіе, особенно-же полезная дѣятельность его началась съ 1588 года [3]). Въ 1586 году антіохійскимъ патріархомъ, Іоакимомъ, данъ братству уставъ; въ 1588 г. это братство утверждено грамотою константинопольскаго патріарха Іереміи. Братство это служило образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ.

Вторымъ по времени возникновенія, но важнѣйшимъ нежели

---

[1]) Флеровъ: «О православныхъ Церковныхъ Братствахъ». Спб. 1857 стр. 23.

[2]) «При Успенской церкви (во Львовѣ), въ 1250 г. составилось Братство, по *старинному* обычаю Руси, для цѣлей богоугодныхъ». Вѣстн. Юго-Зап. Рос. 1864. г. Іюнь, II. отд. стр. 105.

[3]) Флеровъ: тамъ же, стр. 8 и 9, и Вѣстн. Ю.—Зап. Рос. въ той же кн. на той же стр.

ьвовское по своей дѣятельности [1]), было братство *виленское*, ервоначально основанное около 1458 г. Въ 1588 г., подоб-) львовскому, и оно было утверждено константинопольскимъ атріархомъ Іереміею.

За ними слѣдуютъ другія братства, почти всѣ основанныя коло этого-же времени; таково: *полоцкое* и *могилевское* и ругія. *кіево-Богоявленское* основано около 1615 г., *луцкое*—около этого же года; *Новогрудское* [2]), и множество ругихъ.

Разсмотрѣть сколько нибудь удовлетворительно вопросъ таой важности, каковъ вопросъ о братствахъ, во всей его полотѣ и разнообразіи сторонъ, конечно, мы не имѣемъ возможости. Мы ограничимъ свою задачу въ настоящемъ случаѣ разsмотрѣніемъ слѣдующихъ, по нашему мнѣнію, наиболѣе важныхъ вопросовъ: 1) о ближайшихъ причинахъ возникновенія братствъ;) изъ кого они составлялись, въ какой формѣ и какимъ обазомъ; 3) о предметѣ и кругѣ ихъ дѣятельности; 4) о средтвахъ которыми они располагали; и 5) наконецъ, о слѣдствіяхъ, оторыя они принесли для православія и русской народюсти (въ Западн. краѣ). На рѣшеніи этихъ вопросовъ въ-коюткѣ мы и остановимъ нше вниманіе.

1) Какъ только западная Русь, вслѣдствіе удѣльной систены и междоусобій князей, мало-по малу стала отдѣляться отъ восточной, первая должна была подвергнуться болѣе или енѣе значительному вліянію сосѣдей. Но особенно неблагоріятно и враждебно стало высказываться это вліяніе съ 1569 года, когда на люблинскомъ сеймѣ было рѣшено соединеніе ея и Литвы съ Польшею. Іезуиты, дѣятели католической пропаганды, вмѣстѣ съ польскимъ правительствомъ, со всѣми своими силами, немедленно бросились на окатоличеніе присоединенныхъ православныхъ областей. Польское королевство уже розлагалось отъ слишкомъ усердно принятыхъ въ его жизнь началъ като-

---

[1]) Кояловичъ: «Литовская Церковная Унія.» т. II. стр. 86.

[2]) Константиновскій считаетъ новогрудское братство «однимъ изъ первыхъ по дѣятельности и значенію», на томъ основаніи, что «Новогрудокъ былъ нѣкогда столицею литовско-русскихъ князей», День 1864 г. № 2.

личества; но оно не только не сознавало этого, но еще «вопросъ католической пропаганды сталъ для него выше всѣхъ интересовъ государственныхъ [1])». Польша въ это время доходила въ своей ревности къ католичеству до ослѣпленія: по внушенію іезуитовъ и римскаго двора, она думала, что ей судьбой назначено привести къ подножію римскаго трона всѣ славянскія племена. Іезуитъ, Антоній Поссевинъ, отправляется къ московскому царю, Іоанну (Грозному), съ предложеніемъ отъ имени Баторія мира, подъ условіемъ соглашенія на предложеніе папы принять католичество или, покрайней мѣрѣ, унію; здѣсь, въ западной Руси, въ это-же время, для достиженія религіознаго соединенія, употребляются сильныя жестокости. Мы не говоримъ о нихъ, потому что онѣ достаточно извѣстны; довольно замѣтить, что въ западной Руси едвали было время несчастнѣе и тяжелѣе періода польскаго владычества.

Но не такъ легко было заставить литовско-русскій народъ—измѣнить вѣрѣ своихъ православныхъ предковъ. Народное чувство никогда такъ не усиливается и не заявляетъ себя какъ тогда, когда его раздражаютъ, когда затрогиваютъ самый жизненный его нервъ. А здѣсь дѣло шло о всемъ прошедшемъ и будущемъ народа: одно заставляли забывать, а отъ другаго отказаться навсегда; нужно было слѣдовательно, бороться за свое самое дорогое и отстаивать самые жизненные свои интересы, и, естественно, въ этомъ случаѣ должны были возбудиться всѣ силы народа, которыя въ немъ таились и которыя, по мѣрѣ внѣшнаяго насилія, болѣе и болѣе сознавались и раскрывались. Религіозныя притѣсненія, оскобленія святыни и національности, сопровождаемыя внѣшними страданіями,—вотъ причины, вызвавшія единодушный отпоръ притѣснителямъ; и развѣ могутъ быть другіе сильнѣйшіе мотивы для того, чтобы возбужденныя силы народа искали объединенія между собою,—чтобы гонимые и страждущіе составили неразрываемое единство, способное бороться, страдать и умирать безъ страха и съ надеждою на лучшую долю, если не для себя, то для потомства! Порабощенія и самыя жестокія притѣсненія иноплеменнаго завоевателя не такъ способны возбудить духовную жизнь народа, какъ притѣсненія перваго рода, потому что эти притѣсненія

[1]) Вѣстн. Юго—З. Рос. 1863. г. кн. 3.

непосредственно затрогиваютъ духовную сторону жизни. Даже народъ, отжившій уже свое время,—и тотъ не безъ отчаянной борьбы уступаетъ въ подобномъ случаѣ силѣ и не покоряется, не хочетъ отказаться отъ самого себя безусловно. Но русскій народъ едва только начиналъ жить, и свое право на жизнь онъ могъ и долженъ былъ отстоять. Такимъ образомъ, по мѣрѣ внѣшнихъ притѣсненій, народъ западно-русскій болѣе и болѣе объединяется. Къ счастію для него, привязанность и его горячее чувство къ своему родному и завѣтному нашли себѣ внѣшнее выраженіе въ общинномъ началѣ гражданской жизни; это начало искони хранилось въ русскомъ народѣ, и его онъ противопоставилъ въ своей борьбѣ съ притѣснителями. И еслибы между его началами жизни и не было прежде особенно развитаго начала общинности, то, съ начавшеюся такъ рѣшительно борьбою, непремѣнно должны бы были образоваться общины, въ формѣ и съ цѣлями братствъ.

Но іезуиты могли догадываться, что прямо заставить русскій народъ отречься своей вѣры невозможно будетъ, и для облегченія задуманнаго ими обращенія схизматиковъ, какъ называли они православныхъ, они вздумали употребить унію,—стали предлагать православнымъ соединеніе съ католичествомъ подъ однимъ только условіемъ—признать папу главою церкви. Іезуиты думали, что этимъ легче будетъ заставить православныхъ поддаться обману. Но кому не были извѣстны истинныя цѣли католичества? Православные не могли принять уніи, не подвергаясь вмѣстѣ съ тѣмъ власти папы; а одно это имя уже было имъ ненавистно. «Враждебныя чувства между христіанами, вызванныя раздѣленіемъ церквей, говоритъ Кояловичь, отражались вездѣ, гдѣ только встрѣчались между собою послѣдователи восточной и западной церкви. Такія чувства давно уже усвоилъ себѣ и русскій и польскій народъ: оба они издавна отличались примѣрною ревностію каждый къ своему вѣроисповѣданію, поэтому неудивительно, что они высказывали эти чувства рѣзко и даже принесли имъ въ жертву давнюю свою дружбу и племенное родство [1])». Отсюда понятно, съ какимъ чувствомъ должно было встрѣтиться со стороны литовско—рус-

[1]) Литовская Церк. Унія; т. 1. стр. 9.

скаго православнаго народа, покушеніе на его религіозную неприкосновенность, подъ какимъ бы невиннымъ видомъ оно ни дѣлалось. Юго-западный русскій народъ понималъ, что его жизнь тѣсно была связана съ жизнію церкви и вѣры, и онъ никогда не могъ отдѣлить себя отъ нея.... Въ ученіи православной церкви югозападный народъ видѣлъ основу своей жизни и народности [1]). «Естественно было этому народу, въ его борьбѣ, искать помощи въ самомъ себѣ, въ своихъ внутреннихъ силахъ. Помощь эта, какъ мы сказали, была сознана и признана въ братствахъ, которыя, какъ одинъ человѣкъ, одушевляемый однимъ духомъ, тверже и стойче могли стоять на стражѣ чистоты религіи. Такимъ образомъ и возникаютъ церковныя братства. Іезуиты, расширяясь по городамъ западной Россіи и вторгаясь въ ихъ жизнь, тотчасъ берутся за дѣло «уніи.» Русскіе—въ свою очередь—въ каждомъ городѣ образуютъ общества; и по мѣрѣ того, какъ вліяніе іезуитовъ и полонизма распространяется, общества православныхъ тѣснѣе сближаются между собою. Этимъ и объясняется, почему братства лучше и больше сохранились въ ближайшей къ Польшѣ западной Россіи: здѣсь сильнѣе было вліяніе іезуитовъ и, слѣдоват., больше энергіи вызывалось въ народѣ для охраненія своего духовнаго достоянія; здѣсь было больше опасностей,—больше и вызвано защитительныхъ средствъ противъ нихъ. Въ исторіи братствъ можно прослѣдить ихъ постепенное развитіе, именно: по направленію отъ границъ Польши на востокъ и сѣверъ ко внутренности Россіи: «они, какъ говоритъ историкъ уніи, развивались въ параллель съ распространявшимися полонизмомъ и латинствомъ [2])». Православные не могли не видѣть, какъ вслѣдствіе единодушія они становятся сильнѣе и ихъ дѣло потому можетъ имѣть успѣхъ. Эта мысль ясно высказана въ патріаршихъ грамотахъ и особенно въ уставахъ братствъ. «Мужи, приверженные къ вѣрѣ своихъ отцевъ и одушевленные любовію къ народности (по словамъ современниковъ), цѣловали каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго честный крестъ, обѣщаясь клятвенно пребывать въ своей вѣрѣ до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія, клялись—всѣ

[1]) Вѣстн. Юго-Зап. Россіи; 1863. г. Январь, стр. 16 отд. II.

[2]) День. 1864. г. № 8. стр. 16., въ статьѣ Кояловича.

и силами противостоять нововведеніямъ и ересямъ, дабы ни одинъ изъ нихъ соблазномъ или насиліемъ, или страхомъ не былъ исторгнутъ изъ нѣдръ православія [1])». «Поднятыя на православныхъ гоненія и жертвы, павшія отъ католическаго фанатизма, еще болѣе воодушевляютъ ихъ.... поднятое знамя братской любви и единства развертывается все шире и шире и дѣлается наконецъ знаменемъ цѣлаго православнаго юго западнаго народа, соединеннаго въ одно цѣлое, неразрывное братское общество [2])». Такимъ-то образомъ возникаютъ братства на всемъ пространствѣ зап. Руси: въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Польшѣ, Волыни, въ Украинѣ до Днѣпра и Кіева и далѣе.

Теперь посмотримъ, изъ кого состояли эти братства, въ какой формѣ и какимъ образомъ они составлялись.

2. По самому смыслу слова, братства составляли союзъ всякаго званія людей, исповѣдующихъ православную вѣру. Членами братства были митрополиты (напр. Петръ Могила и Сильвестръ Коссовъ), архіепископы, игумены, иноки, священники; а изъ свѣтскихъ—князья, дворяне, паны, шляхтичи и впослѣдствіи—преимущественно мѣщане. Изъ дошедшихъ до насъ каталоговъ братскихъ видно, что членами братствъ были и нѣкоторые изъ господарей молдавскихъ и валахскихъ и многія знатныя русскія фамиліи [3]).

Такъ это было сначала, и если бы такое единстве оставалось постояннымъ, православіе могло бы ожидать себѣ самой блестящей защиты. Западно-русское дворянство было въ соединеніи съ братствами, покровительствовало и защищало православіе и во многихъ отношеніяхъ было очень полезнымъ для братствъ; оно дарило церквамъ доходныя земли, ходатайствовало у польскихъ королей за своихъ единовѣрцевъ. Къ сожалѣнію, благодѣтельное единеніе всѣхъ сословій продолжалось сравнительно не долго. Константинъ Ивановичъ и Константинъ Константиновичъ Острожскіе были истинными патронами; но уже сынъ послѣдняго князя, Александръ, въ 1526 г. склоняетъ Мелетія Смотрицкаго къ уніи [4]). Кромѣ того, множество именъ

---

[1]) Журн. Минист. Нар. Просв. Іюнь, 1850. г.

[2]) Вѣстн. Юго-Зап. Рос. 1863. г. Январь.; отд. II. стр. 29.

[3]) Флеровъ: стр. 26—27.

[4]) Православное обозр. 1861. г. т. V. стр. 278—279.

древнихъ западно-русскихъ князей и до настоящаго времени остающихся въ католичествѣ, свидѣтельствуютъ о печальномъ отпаденіи ихъ отъ православія. Постоянно обращаясь въ средѣ польской аристократіи, русскіе вельможи мало по малу свыкаются съ религіозными и политическими воззрѣніями своихъ пріятелей и постепенно переходятъ на ихъ сторону. Отдѣленные отъ родной почвы и народа, они и въ то время, когда были патронами православныхъ церквей, считались только почетными лицами; «они покровительствуютъ и поддерживаютъ православіе, такъ сказать, издалека; видятъ церковь и духовенство изъ балконовъ и башень своихъ дворцовъ, въ минуты поэтическаго созерцанія природы, или во время службъ церковныхъ и необыкновенныхъ случаевъ въ приходахъ ихъ» [1]. Поэтому, станемъ-ли удивляться, если они легко уступили соблазнительнымъ приманкамъ, которыя представляла имъ польская аристократія, и много-ли стоило для нихъ отдѣлиться отъ почвы, хотя и родной, но съ которою они не были связаны интересами болѣе живыми, чѣмъ обыкновенное чувство племеннаго родства? Важный въ наше время политическій рычагъ—принципъ національности, въ то время не имѣлъ еще того широкаго значенія, какое онъ теперь имѣетъ. Очень малое число изъ русскихъ вельможъ оставалось еще вѣрнымъ православію и своему родному; но такое число уже не могло съ успѣхомъ поддерживать дѣла своихъ предшественниковъ. Когда, такимъ образомъ, съ этой стороны не оставалось уже защиты, съ удвоенною силою выступилъ на поле битвы съ врагами православія средній классъ народа: купечество и особенно мѣщанство, которымъ гораздо ближе къ сердцу было ихъ родное, потому что изъ-за него они лично страдали и нравственно, и физически. Этотъ классъ тверже былъ и лучше могъ защищать себя и свое, потому что его было очень много, а на множество нельзя было дѣйствовать ласкательствами съ такимъ успѣхомъ, какъ на меньшинство,—на вельможъ русскихъ. Эту силу труднѣе было полякамъ и іезуитамъ уломать, потому-что это была сила общая, народная, которая уступитъ развѣ вмѣстѣ съ послѣднимъ вздохомъ своей жизни; «братства сливаются въ одно нераздѣльное съ своими прихода-

[1] Кояловичъ: «Литовская Церкв. Унія». т. II. стр. 83.

и имѣютъ ихъ въ виду постоянно, какъ муравьи свое жилище» [1]). Братства эти составлялись изъ союза городовъ, мѣстечекъ и селъ: густою сѣтію они раскинулись по всему юго-западному краю [2]). Даже въ каждомъ городѣ составлялось нѣсколько обществъ изъ мѣщанъ, по роду своихъ занятій, такъ были братства: «купецкое, кожемяцкое, состоявшее изъ скорняковъ, кушнерское—изъ занимавшихся дубленіемъ овчины — и проч.» [3]). Весь народъ хотѣлъ принять непосредственное участіе въ дѣлѣ защиты своей религіи.

Здѣсь можетъ представиться вопросъ:—почему въ братствахъ не видно участія іерарховъ? Изъ высшаго западнорусскаго духовенства мы видимъ дѣятелями въ братствахъ почти только Іова Борецкаго и Петра Могилу. Не потребуетъ многихъ объясненій это обстоятельство, если вспомнимъ, что въ концѣ 16 вѣка почти вся тогдашняя іерархія, къ великой печали православныхъ, измѣнила православію. Само собою понятно, что если бы высшая іерархія обнаруживала истинно пастырскую заботливость о чистотѣ религіи и о своей паствѣ, то не вышла бы такая нужда, чтобы сама паства защищала себя и, что еще страннѣе, оберегала своихъ пастырей отъ иновѣрія. И великое значеніе братствъ для дѣла православія и русской народности братствъ именно выступаетъ тѣмъ сильнѣе и рельефнѣе, чѣмъ недѣятельнѣе и слабѣе являются въ этомъ случаѣ пастыри.

Таковые были обстоятельства, передавшія дѣло защиты православія въ руки однихъ мѣщанъ или средняго сословія. Лучшимъ и надежнѣйшимъ средствомъ для единодушнаго дѣйствія всего народа представлялись уже существовавшія de facto въ западномъ краѣ братства или *братчины*. Первообразомъ для западно-русскихъ церковныхъ братствъ были первыя общины христіанъ, когда вѣрные Христу, гонимые язычниками, совокуплялись въ духѣ любви» [4]). Духъ братства и общиннаго управленія искони свойственъ русскому народу. На востокѣ

[1]) Лит. Церк. Унія. т. П. стр. 83.

[2]) В. Ю.-З. Р. 1863. г. Январь отд. П. стр. 4.

[3]) Христ. чтеніе, 1862. г. Октябрь. стр. 486.

[4]) В. Ю. З. Р. 1864 г. Іюнь. Отд. П. стр. 105.

Руси подобныя братства известны съ XII века. Князь Всеволодъ Мстиславичъ устроилъ новгородскую братчину при Ивановской церкви [1]). Такъ какъ эти братчины мало по малу теряли здѣсь свою приложимость, то онѣ уничтожились и вышли изъ народной жизни. Но въ юго-западной Руси, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, послѣ отдѣленія ея отъ восточной, этотъ духъ общиннаго управленія особенно имѣлъ побужденія раскрываться. Кромѣ того, во время польскаго владычества, многіе города въ западной Россіи пользовались магдебурскимъ правомъ, которое церковныя братства примѣнили къ себѣ, потому что оно согласовалось съ ихъ собственнымъ бытомъ и ихъ цѣлями [2]). Различіе между цехами, имѣвшими магдебургское право, и братствами состояло только въ томъ, что цехи, кромѣ порядка ремесленнаго и цеховаго, носили отчасти и религіозный характеръ, тогда какъ братства были обществами исключительно религіозными [3]). Но нельзя думать, что магдебурское право прежде всего легло въ основаніе учрежденія братствъ, потому что, во 1-хъ, главныя и древнѣйшія братства, львовское и виленское, существовали еще до введенія магдебурскаго права; во вторыхъ, цеховое начало никогда у

---

1) Русская Бесѣда. 1857. г. Кн. 4 смѣсь; статья «Братчины.»

2) «Сущность магдебурскаго права можно представить въ слѣдующемъ видѣ: мѣщане извѣстнаго города составляли общину, имѣвшую свое внутреннее устройство, свой судъ и управленіе. Управленіе возлагалось на бургомистровъ и ратмановъ, а власть судебная была предоставлена войту и главникамъ, или присяжнымъ засѣдателямъ. Ремесленники каждаго значительнаго ремесла соединялись въ цехѣ. Цехъ составлялъ корпорацію, имѣвшую свой особый уставъ, своихъ начальниковъ, казну, оружіе и принадлежности. Ремесленники одного цеха впослѣдствіи также назывались братствомъ. Цеховое братство состояло изъ лицъ, принадлежавшихъ къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, и имѣвшихъ свои алтари и церкви, куда они, не смотря на различіе по вѣрѣ, вносили извѣстное количество денегъ изъ своихъ общихъ доходовъ.» См. Флерова: стр. 14—15.—

3) В. Ю—З. Р. 1864. Сентябрь. Отд. I стр. 185.

ъ не сливалось съ жизнію органически [1]). При томъ про-
хожденіе ихъ, какъ мы сказали, совершенно естественно объяс-
ется историческими обстоятельствами, и магдебурское право,
ованное братствамъ польскими королями, было только по-
лненіемъ de jure того, что существовало de facto. Общинный
гъ на западѣ Россіи хотя былъ подавляемъ внѣшнимъ наси-
мъ, но самый духъ его постоянно жилъ въ народѣ, и когда
ло коснулось его вѣрованій, это общинное начало вдругъ про-
дилось во всей силѣ: жизнь, естественно, обратилась къ сво-
у коренному, связующему началу и воплотила его въ древнюю
рму братскихъ духовныхъ союзовъ. Такимъ образомъ, магде-
рское устройство примкнуло къ существовавшему уже началу;
ратства приняли оболочку цеховъ, конечно, какъ болѣе удоб-
ую: подъ этою формою легко устранялась подозрительность ино-
ѣрнаго правительства. Независимо отъ распологавшихъ благо-
пріятныхъ обстоятельствъ для возникновенія братствъ въ такой
юрмѣ, это начало общинности не могло не оказывать благотвор-
наго вліяніе и на ихъ дѣятельность; въ этомъ случаѣ естест-
венно находило себѣ оправданіе извѣстное экономическое начало,
эта ассоціація всегда имѣетъ преимущество предъ отдѣльною
личностію [2]). И, дѣйствительно, общій духъ братствъ былъ
такъ силенъ, что тогда, какъ даже высшее западно-русское ду-
ховенство уступало латинству, одни братства оставались твер-
дыми и непоколебимыми въ своей вѣрѣ и народности. Оттого,
когда существовавшія при монастыряхъ братства уничтожались,
ми монастыри, рано или поздно, подпадали вполнѣ владычеству
іезуитовъ и уніатовъ [3]). И найденные теперь остатки братствъ
въ западной Россіи между сельскимъ населеніемъ свидѣтельствуютъ
о ихъ важности, какъ самой внутренней силѣ, образовавшейся
изъ собственныхъ народныхъ началъ [4]).

---

[1]) В, Ю—З. Р. 1863. г. Январь; отд. IV. стр. 2.

[2]) Лит. Церковная Унія. т. II. стр. 84.

[3]) День 1864. г. № 8. стр. 15.

[4]) «Не будь братства органическимъ продуктомъ жизни, они не могли бы просуществовать безъ искуственной поддержки до настоящаго времени, а тѣмъ менѣе при обстоятельствахъ вовсе имъ не благопріятствовавшихъ». В, Ю-З. Р. 1863. IV. отд. стр. 2. Январь:

Кромѣ общей формы для всѣхъ братствъ, они имѣли различное устройство и права, смотря потому, отъ кого непосредственно они зависѣли,—отъ патріарха константинопольскаго, или отъ мѣстнаго епископа. Въ первомъ случаѣ братства назывались ставропигіальными, каковы были—львовское, виленское, кіевское и могилевское [1]); а прочія были неставропигіальными, простыми. Преимущество формы существованія первыхъ выражалось и обширнѣйшимъ сравнительно со вторыми кругомъ дѣятельности, о чемъ подробнѣе мы будемъ говорить дальше.

Мы видѣли, что братства, составляя общину подъ формою цеховъ или такъ называемаго тогда магдебурскаго права, легко соединялись между собою. Конечно, братства прежде всего должны были появиться въ городахъ; послѣ, по мѣрѣ распространявшейся латинопольской пропаганды, подобныя же братства составлялись и въ мѣстечкахъ, и селахъ. Но чтобы эти братства имѣли нравственную силу и большее значеніе для народа, они должны были, такъ сказать, получать освященіе отъ высшаго церковнаго лица. Такимъ лицемъ считался преимущественно патріархъ константинопольскій, какъ представитель высшей административной церковной власти. Когда братства составлялись, они просили благословенія себѣ и своему дѣлу отъ восточныхъ патріарховъ. Они имѣли съ послѣдними частыя сношенія, чему помогало и то обстоятельство, что восточные патріархи пріѣзжали тогда въ Россію, то по своимъ дѣламъ, то вызываемые церковными обстоятельствами восточной Россіи. Патріархи съ особенною благосклонностію и горячимъ сочувствіемъ относились къ учрежденіямъ для противодѣйствія латинству и благословляли братства; они подтверждали ихъ своими грамотами, утверждали ихъ уставы и давали имъ постоянныя наставленія или лично, какъ напр., Іеремія II. константинопольскій, Іоакимъ Антіохійскій, когда сами были здѣсь, или письменно и чрезъ пословъ со стороны братствъ. Такъ утверждены братства ставропигіальныя. Другія, меньшія братства получали утвержденіе посредствомъ грамотъ своихъ мѣстныхъ епископовъ; такъ были учреждены братства въ Витебскѣ, Полоцкѣ, Новогрудкѣ, Ба-

[1]) В. Ю. З. Р. Январь. IV. стр. 1—2.

юнецъ—Подольскѣ [1]) и друг. Кромѣ этого, братства получали твержденіе и гражданской власти, грамотами польскихъ королей [2]), которые, впрочемъ, часто измѣняли своему прежнему лову, какъ было поступлено въ 1601 г. съ виленскимъ ратствомъ [3]). Впрочемъ, здѣсь важно то, что существованіе ратствъ юредически не было преслѣдуемо, и братства были терпимы правительствомъ, по видимой сообразности ихъ съ существующими гражданскими учрежденіями [4]). Польскіе короли читали подозрительными тѣ братства, которыя основались безъ хъ вѣдома и соизволенія. [5])

3. Основной пунктъ латинопольской пропаганды и отпавихъ отъ православія епископовъ русскихъ былъ тотъ, чтобы гнять у народа всякое участіе въ дѣлахъ церковныхъ. Производѣйствіе этому началу составляетъ весь кругъ и предметъ ѣятельности братствъ.... Но у братствъ были и частнѣйшія дачи, которыя вызывались постоянно возраставшею дѣятельюстію іезуитò-уніатской пропаганды. «Они налагали на себя редѣленныя, точныя обязанности по отношенію къ своимъ церкмъ,—опредѣленныхъ взносы денегъ, установленныя посѣщенія ужбъ церковныхъ, и братскихъ совѣщаній, заботу о духовенвѣ, о бѣдныхъ устройство богадѣлень, школъ, изданіе книгъ» [6]). о были предметы для внутренней дѣятельности братствъ, въ ъ собственномъ кругу. Гораздо больше значенія имѣли предты ихъ внѣшней дѣятельности. Для составленія краткаго нятія объ этихъ предметахъ, мы считаемъ достаточнымъ предавить главнѣйшія положенія изъ уставовъ братствъ, опредѣющія ихъ церковно-административную дѣятельность. 1) Братства должны творить судъ истинный, ублажать добрыхъ, непоряющихся истинѣ законно обличать и наказывать, а пребыющихъ въ нераскаяніи отлучать отъ церкви. 2) Если брат-

---

[1]) В. Ю. З. Р. 1863. г. Мартъ. Отд. I.

[2]) В. Ю. З. Р. 1863. Декабрь. Отд. !. и Христ. Чт. 862. г. Окт., стр. 490.

[3]) Христ. Чт. 1862. Ноябрь, стр. 592.

[4]) В. Ю. З. Р. 1864 ,. Сентябрь, Отд. II. стр. 135.

[5]) Тамъ-же.

[6]) Лит. Церк. Унія. II. т. стр. 80 83.

ство услышитъ, что при какой нибудь мѣстной церкви живутъ не по закону, мірскіе-ли то, или духовные, то оно должно напомнить имъ объ этомъ словесно или письменно; если-же тѣ станутъ противиться истинѣ,—донести объ нихъ епископу. 3) Всякое братство, въ своемъ городѣ и въ окольныхъ мѣстахъ и селахъ, обязано знать поведеніе священниковъ и мірскихъ людей и о всякомъ безчиніи ихъ доносить епископу. 4) Епископъ не долженъ былъ противорѣчить общему суду братскому, и священника, котораго братство признало общимъ судомъ недостойнымъ своего сана, епископъ не долженъ благословлять. 5) Если епископъ будетъ идти противъ закона истины и будетъ управлять церковью не по правиламъ св. апостоловъ и св. Отцевъ, совращая праведныхъ въ неправду и поддерживая беззаконниковъ, таковому епископу да противятся всѣ, какъ врагу истины [1]). Между кругомъ дѣятельности братствъ ставропигіальныхъ и обыкновенныхъ было немалое различіе. Первыя служили образцемъ для неставропигіальныхъ; они давали послѣднимъ извѣстное устройство, сообщая имъ для этой цѣли свои уставы, [2]) и имѣли непосредственный надзоръ за дѣятельностію другихъ братствъ; они-же должны были поддерживать слабѣйшія братства) [3]). Ставропигіальныя братства были сильнѣе другихъ, а потому и борьба ихъ обнаруживаетъ больше силы и значенія: исходомъ ея какъ бы опредѣляется участь остальныхъ братствъ и отъ этого исхода зависитъ конечный успѣхъ въ дѣлѣ защиты православія. Особенно достойна вниманія дѣятельность виленскаго братства въ его борьбѣ съ митрополитомъ Михаиломъ Рогозою [4]), а особенно Ипатіемъ Поцѣемъ въ

---

[1]) Вѣстн. Ю.-З. Р. 1863, мартъ, отд. 2, стр. 260—161.

[2]) Флеровъ: стр. 70.

[3]) В. Ю.-З. Р. 1863. мартъ. отд. II. стр. 170. и книга Флерова—стр. 68: «Ставропигіальныя братства имѣли право наблюдать надъ братствами предмѣтій и, въ случаѣ ихъ уклонеія отъ правилъ братскаго устава и вообще отъ законовъ и правилъ Церкви православной дѣлать имъ замѣчанія и наставленія; а если они не исправлялись, то доносить объ нихъ епископу той епархіи.»

[4]) В.—Ю. З. Январь 1863. г. Отд. II. стр. 22.

тродолженіи 14 лѣтъ и м. Веніаминомъ Рутскимъ. Это братство, вмѣстѣ съ козаками, успѣло возстановить въ зап. Россіи православную іерархію. Патріархъ іерусалимскій, Феофанъ, посвятилъ православнаго митрополита—Іова Борецкаго и рукоположилъ епископовъ на Полоцкую, Владимірскую, Луцкую, Перемышльскую и Пинскую каѳедры. [1]) Вмѣстѣ съ виленскимъ, единодушно дѣйствовали во всѣхъ случаяхъ и прочія братства; всѣ они стараются составить соборъ, по поводу перешедшихъ въ унію епископовъ. [2]) Относительно обширнѣйшая дѣятельность ставропигіальныхъ братствъ объясняется ихъ положеніемъ въ средѣ наиболѣе сильной борьбы православія съ католичествомъ. Кругъ дѣятельности братствъ опредѣлялся ихъ задачею и нуждами. Они сносились съ восточными патріархами, ходатайствовали предъ королями и на сеймахъ, если не сами, то посредствомъ своихъ вліятельныхъ членовъ-патроновъ, они принимали самое живое и непосредственное участіе въ дѣлахъ защиты православія во всѣхъ ея видахъ; они строили училища, поддерживали изнемогавшихъ въ борьбѣ, помогали бѣднымъ и больнымъ православнымъ изъ братской кассы; словомъ, не было такой части по церковному управленію, гдѣ бы братства не заявляли своей дѣятельности. «Братская община становилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ такое отношеніе къ церкви и съ такою-же силою власти, какъ и патроны церквей,—даже можно сказать, съ большею. Они получаютъ не только ius patronandi, но (напр. полоцкое братство) слѣдятъ за дѣятельностію самого архіепископа своего по всей епархіи, [3]) побуждаясь къ тому, конечно, переходомъ нѣкоторыхъ православныхъ іерарховъ въ унію.

4. Какъ предметъ и кругъ, такъ и средства дѣятельности братствъ опредѣлялись главнымъ образомъ тогдашними потребностями православныхъ. Чтобы съ успѣхомъ и разумнымъ сознаніемъ противустоять католичеству,—нужны были училища и книги; чтобы православные не оставались безъ богоучрежденныхъ таинствъ и богослуженій,—нужны были храмы; наконецъ, такъ какъ православные нуждались въ защитѣ и охраненіи сво-

---

1) Литов. Церк. Унія, т. II. стр. 87, 114, 116.—
2) В. Ю.—З. Р. 1863. Январь, Отд. II. стр. 24 и 27.
3) В. Ю—З. Р. 1862. Декабрь, отд. II. стр. 284.

ихъ внѣшнихъ правъ, то нужно было юридическое общество съ правомъ такой защиты. Так. обр., главныя средства братствъ были: училища и типографіи,—построеніе и украшеніе храмовъ и право защиты себя и своихъ братій по вѣрѣ предъ польскими королями и сеймомъ [1]).

Само собою разумѣется, что іезуиты въ своей пропагандѣ расчитывали преимущественно на невѣжество западно-русскаго народа, и это невѣжество, какъ нельзя болѣе, благопріятствовало видамъ латинскаго духовенства. Іезуиты являются дѣятельны и орудіями для приведенія въ исполненіе давней мечты папъ — подчинить русскихъ своей церковной власти. Чтобы совратить изъ православія людей взрослыхъ, но нетвердыхъ и неискусныхъ въ вѣрѣ; они распускали въ великомъ княжествѣ Литовскомъ разныя сочиненія, направленныя противъ вост. церкви; а чтобы посѣять и укоренить свои неправыя мысли въ юныхъ и неопытныхъ, они заводили въ Вильнѣ, Полоцкѣ и на Волыни свои училища и привлекали сюда православное юношество. Вслѣдствіе этого, въ концѣ XVI в., православные юго-зап. Россіи увидѣли крайнюю опасность лишиться лучшаго завѣтнаго своего достоянія—православія. Что оставалось имъ дѣлать въ такомъ случаѣ? Училищамъ враговъ нужно было противопоставить собственныя училища, сочиненіямъ—сочиненія, а для этого нужны были люди ученые, а слѣдоват., и училища. И вотъ, одно за другимъ, начинаютъ появляться училища при братствахъ Львовскомъ, Виленскомъ, Кіевскомъ, Могилевскомъ, Луцкомъ, Минскомъ, Оршанскомъ, Пинскомъ, Берестейскомъ и многихъ другихъ. Главною цѣлію всѣхъ этихъ школъ было распространеніе просвѣщенія въ русскомъ народѣ, чрезъ воспитаніе ученыхъ людей, «ихже бы трудолюбное (какъ говорило вил. братство), сыновнее, а не наемничее о Матери своей Церкви Христовѣ попеченіе не точію во градѣхъ, но и въ весяхъ, искусныхъ во свое время іереевъ произвело». [2])—По патріаршимъ грамотамъ, для сохраненія чистоты православной вѣры, исключительное право воспитанія дѣтей предоставлено было братскимъ школамъ; такое-же постановленіе было повторено и юго-запад-

---

1) Флеровъ: стр. 86.
2) Флеровъ: стр. 88—89.

ми церковными соборами, наприм., брестским 1594 года о
иенской и львовской школахъ. Въ братскихъ школахъ, вмѣ-
ъ съ славянскимъ и русскимъ языками, преподавались языки
ческій и латинскій; для греческаго—съ востока присылались
шіе ученые, изъ которыхъ особенно извѣстенъ Кириллъ Лу-
рисъ, впослѣдствіи патріархъ константинопольскій. Какъ нуж-
были книги для зап.-русскаго народа, объ этомъ излишне
спространяться. Мы должны сказать только, что іезуиты ис-
ебили множество православныхъ славянскихъ книгъ, чтобы за-
авить народъ учиться и молиться по латинопольскимъ. Брат-
ія типографіи оказали въ этомъ случаѣ великую услугу зап.
аю. Изъ этихъ типографій особенно замѣчательны: львовская,
ленская, могилевская и луцкая. 1) Въ этихъ типографіяхъ
ролевскими грамотами дозволялось печатать вообще «вшелякія
иги;» а въ грамотѣ патріарха Іереміи отъ 1590 г. перечи-
ются и самыя книги: «часословы, псалтыри, апостолы, еван-
лія, минеи, тріоди, требники, синаксари, метафрасты, лѣтописи
и хроники и прочія богословскія книги нашей Христовой Цер-
ви». Кромѣ этихъ книгъ печатали грамматику, піитику, ри-
рику и философію. Изъ братскихъ типографій, особенно ви-
иской, много книгъ богослужебныхъ и духовнаго содержанія
решло и на Аѳонскую гору, и даже до настоящаго времени
потребляются въ славянскихъ монастыряхъ—хиландарскомъ и
графскомъ. 2) Но, печатая церковныя книги, братства не ог-
ничивали этимъ своего дѣла, а заботились и о томъ, чтобы
справлять прежнія ошибки и очищать отъ другихъ, нарочно вво-
имыхъ уніатскими изданіями. По этому, еще съ конца XVI в., на
гѣ начали исправлять богослужебныя книги. Такою ревностію
обенно извѣстенъ Гедеонъ Балабанѣ, епископъ львовскій кото-
ому на брестскомъ соборѣ, около 1596 г., было поручено упо-
ребить все стараніе объ исправленіи «требника», «что онъ и ис-
олнилъ въ 1606 г., съ осторожностію и внимательностію, до-

1) Флеровъ: стр. 107, 108 и 121.

2) Между этими книгами попадаются и изданія монаховъ базиліанскаго ордена.

стойными удивленія и похвалы.» 1) Такою-же ревностію были одушевлены и всѣ братства. 2).

Увлекаясь преслѣдованіемъ православныхъ, іезуиты и ихъ друзья не оставляли въ покоѣ и православныхъ храмовъ. Сколько могли, они уничижали, отнимали и разоряли церкви; такъ, во Львовѣ до 1631 г. отнято у православныхъ и разрушено болѣе 100 храмовъ [3]). Тоже самое дѣлалось и въ Вильнѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ и другихъ мѣстахъ. [4]). Извѣстны также въ высшей степени оскорбительныя дѣйствія іезуитовъ и уніатовъ, по проискамъ которыхъ польское правительство отдавало церкви православныхъ на откупъ евреямъ, даже обращало въ шинки и конюшни. Не говоримъ уже объ оскорбленіяхъ и страданіяхъ, которымъ подвергались православные священники и народъ. На защиту отъ этихъ притѣсненій выступають братства же. Одинъ изъ членовъ виленскаго братства, Лаврентій Древинскій, въ 1620 г., говоритъ объ этихъ притѣсненіяхъ въ присутствіи сената, предъ королемъ Сигизмундомъ III. Не знаемъ, что сдѣлало для православныхъ ходатайство Древинскаго; но извѣстно, что «чѣмъ съ большею злобою фанатизмъ враговъ православія уничтожалъ православные храмы, тѣмъ съ большею ревностію и самоотверженіемъ братства созидали новые, и чѣмъ болѣе враги старались уничижить православныя церкви,

---

1) Москвитянинъ, 1844 г. № 8. стр. 405. Въ предисловіи къ требнику, написанномъ самимъ Балабаномъ, не говорится, однако, что дѣло пересмотра поручено ему братствами, а высказывается, что это сдѣлано по его собственному побужденію.

[2]) Флеровъ: стр. 137.

[3]) Журн. М. Нар. Пр. 1849 г. Іюнь, стр. 143—144.

[4]) Исторія объ Уніи, Пант.-Кам. стр. 57, 89, и 93.—«Уніаты насильно присвоили себѣ знатнѣйшіе монастыри и приходскія церкви, прочіе-же храмы, особливо по городамъ, иные разоряли, другіе запечатывали, священниковъ ловили и мучили.» (89). «Въ Луцку храмы Божіи обращены въ питейные домы. Въ Вильнѣ церкви на кабаки, кухни и гостинные домы превращены.» (93 стр.) Это и многое подобное описывается въ синопсисѣ, гдѣ прибавлено, что «всѣ вышесказанныя обиды и насилія доказать можемъ.» (тамъ же).

ьихъ болѣе воспламенялись ревность и усердіе братствъ на ихъ украшеніе и благоустройство. «Во все время уніи и ранѣе, православныя братства съ рѣдкимъ усерніемъ и постоянствомъ старались устроять и украшать православные храмы... О такой благочестивой заботливости нѣкоторыхъ братствъ до насъ дошли довольно удовлетворительныя свѣдѣнія. Само собою разумѣется, что легче было для братствъ поддерживать остававшіяся въ рукахъ православныхъ церкви; ихъ заботливость о благолѣпіи церквей и богослуженіи высказывалась тѣмъ, что «львовская братская церковь была самая великолѣпная во всей епархіи; внутреннее ея великолѣпіе не уступало наружному.» Нѣтъ сомнѣнія, что и въ другихъ мѣстахъ зап. края православныя церкви обращали на себя особенную заботливость братствъ; такою заботливостію особенно отличались братства, имѣвшія больше средствъ, какъ напр. Виленское, Могилевское, Кіевское и Луцкое.

Наконецъ, для защищенія интересовъ православія и народности, братства ходатайствовали предъ королями и сеймами. Братства являлись первыми защитниками правъ русскаго народа и нерѣдко торжествовали надъ всѣми происками враговъ... Какъ представители всего русскаго юго-зап. населенія, братства являлись главною опорою и всѣхъ его правъ; а потому ходатайство ихъ должно было имѣть такую-же важность, какъ голосъ цѣлаго народа». 1) Особенно этому благопріятствовало и то что между членами братствъ стояли православные вельможи, 2) заслужившіе вниманіе у польскаго правительства, голосу и требованіямъ которыхъ нельзя было безнаказанно отказывать. Особенныя услуги оказало для защиты своихъ православныхъ собратій львовское братство; о дѣятельности другихъ братствъ по

— 1) Флеровъ; стр. 142, 143, 148, 153, 157, 160, 165.

2) Въ особенности знаменитые, прославившіеся своимъ благочестіемъ, князья Острожскіе были самыми ревностными ходатаями за единовѣрныхъ своихъ братій. Рѣдкую грамоту можно встрѣтить, которая бы не относилась къ улучшенію участи православныхъ и въ которой бы король не ссылался съ особеннымъ уваженіемъ на «жеданье» (ходатайство) князя Острожскаго. Флеровъ: стр. 172.

этому предмету мы не имѣемъ полныхъ свѣдѣній. Кромѣ того, братства, располагавшія денежными средствами, если не могли иначе достигать цѣли, то съ успѣхомъ употребляли золото; а отъ него не отказывались и короли [1]) и даже латинскіе епископы, изъ которыхъ, напр., львовскій прямо требовалъ у православныхъ денегъ.

5. То, что сказано о предметахъ дѣятельности и средствахъ братствъ, достаточно можетъ опредѣлить и тѣ результаты, которыми была ознаменована эта дѣятельность. Памятники минувшей дѣятельности братствъ въ ихъ лучшую пору показываютъ, что все, за что они принимались, не оставалось для зап. Руси безслѣднымъ предпріятіемъ. Ихъ школы, типографіи, заботы о поддержаніи всего православнаго и роднаго, устроиваемыя и украшаемыя ими церкви, ходатайства ихъ за своихъ братій,—все это и до настоящаго времени имѣетъ свои, хотя по мѣстамъ и скудные, остатки, по которымъ трудолюбивый историкъ могъ бы открыть самую близкую связь прошедшаго съ настоящимъ зап. края. Мы хорошо поймемъ всю важность дѣятельности братствъ, если представимъ себѣ, какія неисчислимыя потери понесло бы православіе, еслибы не было широко раскинутаго, единодушнаго и неустаннаго ихъ дѣйствія. Сколько роднаго было бы потеряно безъ ихъ противодѣйствія! И мало ли добраго могло произойти отъ единодушной дѣятельности цѣлаго русскаго общества, сознательно проникнутаго важностію православія и своей народности! Прежде всего сильную поддержку православію оказали братскія школы. Кромѣ образованныхъ пастырей, «которые на разныхъ ступеняхъ церковной іерархіи словомъ и дѣломъ поддерживали своихъ единовѣрцевъ въ вѣрѣ отцевъ ихъ, изъ братскихъ школъ выходили вообще многіе ученые. способные преподавать науки и проповѣдывать слово Божіе. Своими сочиненіями они защищали православіе отъ письменныхъ нападеній іезуитовъ и уніатовъ и одушевляли православныхъ—крѣпко стоять въ своей вѣрѣ [2]) Изъ школы львовскаго братства вышли многіе знаме-

[1]) Флеровъ; стр. 56.

[2]) Христ. чт. 1862 г. Октябрь, стр. 507. и Флеровъ. стр. 117.

нитые ученые, которые въ свое время были украшеніемъ православія русскаго народа. Петръ Могила отсюда вызвалъ учителей для устроенной при кіевскомъ братствѣ школы. «По выраженію лѣтописи, львовская школа была источникомъ наукъ даже для всей Россіи, потому что изъ Кіева, куда науки были пересажены изъ Львова, онѣ распространились и по всей Россіи». Вмѣстѣ съ изслѣдователемъ «Православныхъ Церковныхъ Братствъ» и мы скажемъ, что «излишне было—бы говорить о заслугахъ для православія и русской народности кіево—братскаго училища. Эта, сначала бѣдная и незначительная, школа послужила основаніемъ для знаменитой кіевской академіи. Въ ней, со временъ Петра Могилы, сосредоточилось просвѣщеніе всей Россіи и юго-зап. и восточной; съ тѣхъ поръ, даже до позднѣйшаго времени, она была разсадникомъ многихъ знаменитыхъ личностей, которые, въ разныхъ званіяхъ и на разныхъ степеняхъ своей службы, принесли для отечества неисчислимыя заслуги.» [1]) Въ братскихъ школахъ воспитывались дѣти православныхъ, на сколько возможно было тогда свободное образованіе. Желая стѣснить православныхъ и въ этомъ случаѣ, польское правительство не дозволяло строить другихъ школъ, кромѣ братскихъ, [2]) эти—же оно должно было дозволять по прежнимъ правамъ братствъ, а не по расположенности къ нимъ. Наконецъ, о заслугахъ всѣхъ вообще братскихъ школъ мы имѣемъ оченъ важное историческое свидѣтельство изъ рѣчи на сеймѣ предъ королемъ депутата и чашника земли Волынской: «если бы, говорилъ онъ, нѣкоторыхъ изъ духовенства нашего отступленіе отъ законнаго своего въ вѣрѣ пастыря не послѣдовало; если бы, говорю, отъ насъ исшедшіе на насъ не возстали: то таковыя науки, тековыя училища, только достойные и ученые люди въ народѣ россійскомъ никогда бы не открылись. Ученіе въ церквахъ нашихъ было бы по прежнему прахомъ нерадѣнія покровенно.» [3]) Что сказано о братскихъ школахъ, тоже можно сказать и о братскихъ типографіяхъ. Какъ благотворно

---

1) Флеровъ; стр. 118. 119.

2) Да и самыя братства этого не дозволяли, изъ опасенія, чтобы въ другихъ школахъ не проводилось неправославное ученіе,

3) Бант. Каменскій; «Исторія объ Уніи.» стр. 69,

велика заслуга тѣхъ, которые стараются пополнить истребляемыя католическимъ фанатизмомъ православныя книги! А заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ почти однимъ братствамъ (объ острожской типографіи послѣ исхода XVI в. мы ничего подобнаго не знаемъ).

Въ трудное время іезуитскихъ и уніатскихъ преслѣдованій, для православныхъ были закрыты почти всѣ церкви; однѣ братскія оставались свободными, гдѣ православные могли изливать предъ Богомъ свое горе. «Въ нихъ, подъ защитою королевскихъ привиллегій, безпрепятственно возносилась молитва къ престолу благодати, свободно совершались таинства... Укрѣпляясь и освящаясь благодатными дарами, православные христіане въ то-же время получали здѣсь и наставленіе въ догматахъ православной вѣры, и назидательные уроки для жизни, и обильный источникъ утѣшеній средъ бѣдствій, со всѣхъ сторонъ ихъ окружавшихъ. «Заботливости-же братствъ православная церковь въ зап. Руси обязана сохраненіемъ въ возможной неприкосновенности и чистотѣ обрядовъ греко-россійской церкви [1]).

Такими-же важными слѣдствіями и заслугами для православія были и дѣйствія братствъ, какъ блюстителей чистоты вѣры православной отъ покушеній латинства. Когда митрополитъ Мих. Рогоза хотѣлъ вводить унію, виленское братство «первое проникло въ его тайные замыслы и первое-же подало призывный голосъ въ защиту православія.» [2]) И дѣятельность братствъ достигала своей цѣли: православіе и народность, сколько было возможно, сохранены, и этой дѣятельности обязанъ оставшійся послѣ въ православіи русскій народъ сохраненіемъ своей родной вѣры; нѣтъ сомнѣнія, что отдаленныя слѣдствія этой дѣятельности высказывались болѣе или менѣе въ народной жизни постоянно, и въ позднѣйшее время (въ 1839 г.), можетъ быть, способствовали хотя отчасти возсоединенію бывшихъ уніатовъ. А теперь, когда на нашихъ глазахъ совершалось подобное прежнему движеніе, древнія братства, въ средѣ православнаго западно-русскаго народа, сдѣлались однимъ изъ лучшихъ воспоминаній былой народной жизни, воспоминаній, ко-

---

1) Флеровъ, стр. 161, 162.

2) Христ. чт. 1862. Октябрь, стр. 503.

орія счастливо приложены къ настоящему времени для объединенія народныхъ силъ, а въ будущемъ, (можно вѣрить,) готовятъ и полное религіозное возсоединеніе западно-русскаго народа. Для того времени, о которомъ мы говоримъ, братства акъ много сдѣлали, что даже враги ихъ называли, напримѣръ ратство львовское, «славнимъ на весь міръ, много прославившися дѣяніями для блага церковнаго и своего народа 1). И ѣйствительно, въ то время одни только братства и могли имѣть спѣхъ въ защитѣ русскаго народа, потому что кромѣ ихъ нито не имѣлъ достаточно для этого средствъ. Извѣстно, что ратства и въ смутную эпоху уніи не переставали пользоваться тъ королей большими правами и преимуществами, и всегда мѣли въ глазахъ ихъ особенную важность и значеніе; слѣд. ѣмъ успѣшнѣе могли ходатайствовать за единовѣрныхъ своихъ братій.

Но съ теченіемъ времени дѣятельность всѣхъ братствъ измѣнялась, ослабѣвала и мало по малу совсѣмъ прекращалась. Такъ «виленское братство, почти полстолѣтія, сосредоточивавшее вокругъ себя всѣ лучшія силы западно-русскаго православія и не разъ рѣшавшее его судьбы, съ 1833 г. не обнаруживало уже исторической жизни какими нибудь важными дѣлами. Братство львовское, имѣвшее спеціальность школьную и издательскую, ровнѣе всѣхъ братствъ жило до 1710 г. и въ это время пало, но собственно не отъ фанатизма поляковъ, а скорѣе отъ волненій, отъ бѣдствій шведской войны, которая разрушила его благосостояніе... въ этомъ году оно вынуждено было принять унію. Луцкое братство, выказавшее сильное противодѣйствіе уніатамъ и латинянамъ, на съѣздѣ ихъ въ Люблинѣ, въ концѣ XVII в., просуществовало еще въ XVIII в., но жизнь его видимо была слаба и мало по малу склонилась къ концу, даже не извѣстно, когда именно.» 2) Дѣятельность братствъ начинала ослабѣвать по мѣрѣ того, какъ являлось болѣе матеріальныхъ силъ для внѣшней защиты православія и русской народности, сначала содѣйствіемъ казачества, а потомъ покровительствомъ Россіи. Съ возвращеніемъ, въ концѣ

1) Флеровъ, стр. 172, 165.

2) В. Ю.—З. Р. Сентябрь, стр. 136.-137.

прошлаго столѣтія, западныхъ областей подъ власть Россіи, и въ нихъ православная вѣра стала подъ ту-же широкую защиту официальную, какъ и въ прочихъ частяхъ имперіи. Общественному, самостоятельному участію западно-русскихъ православныхъ въ дѣлахъ своей вѣры стало еще меньше вызововъ, и дѣла братствъ — и ставропигіальныхъ, и мѣстныхъ-заглохли на всемъ пространствѣ зап. Россіи, и только слабые слѣды ихъ существованія сохранились въ особыхъ обычаяхъ.

Если свести все, что мы говорили о братствахъ, вышелъ-бы, скажутъ, панегирикъ, а не исторія. Мы такъ и думаемъ, что о нихъ нельзя иначе говорить, какъ съ похвалою, усердіе къ которой можетъ, пожалуй, произвести панегирикъ; но дѣло въ томъ, что этотъ панегирикъ будетъ самый правдивый и вполнѣ заслуженный, если безпристрастно отнестись ко всѣмъ сторонамъ, съ которыми братства соприкасались, и поставить на видъ всѣ обстоятельства времени и мѣста, которыя опредѣляли дѣятельность братствъ такъ, а не иначе. Изъ изученія братствъ, мы не могли придти къ другому выводу объ общемъ ихъ характерѣ, какъ только къ тому, что это были безупречночистыя православныя учрежденія. И самая высокая похвала, какую только можно высказать церковнымъ братствамъ, состоитъ, по нашему понятію, въ томъ, что они одни «удержали юго-западную церковь отъ всецѣлаго порабощенія Риму.» 1)

I. A.

(Кіев. епарх. Вѣд.)

Письмо Біерринга къ папѣ.

Въ американскихъ газетахъ напечатанъ въ высшей степени интересный документъ, служащій новымъ доказательствомъ стремленія къ православію, возникшаго въ нѣдрахъ римско-католической церкви. Документъ этотъ—письмо къ папѣ г. Біерринга, бывшаго профессора римско-католической семинаріи въ Бальтиморѣ, датчанина по происхожденію, но натурализован-

1) Флеровъ; стр. 199.

аго гражданина Соединенныхъ штатовъ. Онъ высказываетъ одинаковый съ докторовъ Овербекомъ взглядъ на католицизмъ, и, по всему вѣроятію, клерикальныя французскія газеты поспѣшатъ объявить, что американскія газеты выдумали г. Біерринга, какъ онѣ недавно объявили, что русскія газеты выдумали доктора Овербека. Тѣмъ не менѣе интереса представляетъ для нась голосъ въ пользу православія, раздающійся съ другаго полушарія, гдѣ римская церковь имѣетъ до трехъ милліоновъ своихъ исповѣдниковъ и владѣетъ имуществомъ на двѣсти милліоновъ долларовъ. Вотъ текстъ письма г. Біерринга:

«Святѣйшій отецъ! Повергаю къ стопамъ вашимъ, въ полномъ сознаніи принимаемой мною на себя отвѣтственности, нижеслѣдующее изложеніе моихъ вѣрованій.

«До сего дня я былъ ревностнымъ и искреннимъ приверженцемъ римской церкви, которую я считалъ единою католическою и апостольскою. Слѣдуя внушенію моихъ религіозныхъ вѣрованій, я посвятилъ всѣ способности моего ума и сердца на служеніе этой церкви. Наперекоръ моимъ матеріальнымъ интересамъ, я, хотя и міранинъ, вступилъ въ воинствующую фалангу римской церкви. Какъ богословъ и историкъ, я старался о распространеніи ея доктринъ въ области печати, и, наконецъ, какъ миссіонеръ, я посѣтилъ отдаленнѣйшіе края земнаго шара. Я велъ пропаганду даже въ Лапландіи. Въ послѣднее время я исправлялъ, насколько мнѣ дозволяли мои способности, должность профессора католической семинаріи въ Бальтиморѣ. Я позволилъ себѣ исчислить эти факты, касающіеся только моей смиренной личности, потому только, что желалъ заявить о преданности, съ которою я служилъ римской церкви. Преданность эта устояла предъ прискорбнымъ зрѣлищемъ, которое представляли мнѣ церковныя интриги, а равно свѣтскіе захваты и разсчеты католическаго духовенства. Оплакивая эти злоупотребленія, я усиливался набросить на нихъ покровъ милосердія. Я возлагалъ отвѣтственность за нихъ на личныя заблужденія. Въ ревности моихъ убѣжденій, я устранялъ отъ римской церкви всякую солидарность съ актами, совершившимися во имя ея. Я вѣрилъ въ божественное призваніе папства, вѣрилъ, что ему назначено разрѣшить всѣ великія проблемы, религіозныя и соціальныя. Но вы сами, святѣйшій отецъ, нанеси первый ударъ моимъ вѣрованіямъ.

Обнародованіе *Силлабуса* возродило во мнѣ первое тревожное сомнѣніе. Невозможно, думалъ я, чтобы существовало такое вопіющее противорѣчіе между жизненными требованіями человѣческаго общества и правилами церкви Божіей. Невозможно, чтобы добрымъ христіаниномъ можно сдѣлаться только въ томъ случаѣ, если перестанешь быть гражданиномъ, отвергнешь всякій прогрессъ и пойдешь во мракѣ вспять, къ бѣдственнымъ злоупотребленіямъ среднихъ вѣковъ. Разумъ мой отказывался принять эти пагубныя ученія, которыя римская курія провозглашала urbi et orbi; но сердце мое все еще держалось своихъ вѣрованій. Эта внутренняя борьба привела къ слѣдующему соглашенію между моимъ разумомъ и чувствами: папа, сказалъ я самъ себѣ, человѣкъ, и можетъ ошибаться. Дурные совѣты могли отклонить его отъ пути истины. Одушевляемый наилучшими намѣреніями, Пій IX совершилъ-де безсознательно ошибку, которую исправитъ онъ самъ или его преемники. Тѣмъ не менѣе, римская церковь остается святою, чистою и истинною. Будемъ же продолжать наше служеніе ей, моля Бога просвѣтить тѣхъ, кто руководитъ ею.

«Такова была, святой отецъ, моя первая остановка на дамасской дорогѣ. Но вы снова заставили меня двинуться впередъ по этой дорогѣ, до того пункта, гдѣ свѣтъ восторжествовалъ надъ моею слѣпотой. Созваніе римскаго собора, съ исключительною цѣлію возвести въ догматы доктрины Силлабуса и папскую непогрешимость, положило конецъ моимъ колебаніямъ и открыло передо мной всю истину. Какъ христіанинъ, какъ гражданинъ, какъ человѣкъ науки, я исполнялъ троякую обязанность, возвышая мой смиренный голосъ, чтобы сказать вамъ торжественно предъ Богомъ и людьми:

«Святый отецъ! Отъ моего имени и отъ имени многихъ тысячъ міранъ, раздѣляющихъ мои мысли, я протестую противъ доктринъ, которыя вы стараетесь утвердить, и которыя противорѣчатъ всѣмъ божественнымъ и человѣческимъ законамъ. Протестую противъ бѣдственнаго, причиняемаго вами, столкновенія между церковью и обществомъ. Протестую противъ нечестиваго осужденія всякаго прогресса и всякаго знанія. Протестую противъ того принципа папской непогрѣшимости, который вы желаете возвести въ догматъ, наперекоръ слову евангелія и церковнымъ преданіямъ».

«Будущее не замедлитъ обнаружить роковыя послѣдствія тихъ актовъ, противъ которыхъ я возстаю всею силою моихъ бѣжденій. Потребность авторитета и религіознаго единства такъ льна, что, по всему вѣроятію, протесты, подобные тому, которые осмѣливаюсь выразить, будутъ явленіями одиночными. Огромое большинство католиковъ не расторгнетъ открыто, подобно нѣ, связи своей съ папскимъ престоломъ: но индеферентизмъ удетъ разъѣдать нѣдра католичества и абсолютная несовмѣстиюсть римскихъ доктринъ съ соціальными и политическими потребностями человѣчества будетъ подкапывать основанія этой церкви, такъ что паденіе ея сдѣлается неизбѣжнымъ.

«Что-жъ остается дѣлать, въ присутствіи такого неисправимаго зла, душамъ искреннимъ и вѣрующимъ? Должны-ли онѣ, оставляя римскую церковь, къ которой принадлежать имъ долѣе не дозволяютъ ихъ убѣжденія, рынуться, имѣя раціонализмъ единственнымъ компасомъ, въ бурныя воды протестантизма и подвергнуться опасности потерпѣть крушеніе о подводную скалу пантеизма? Таковы вопросы, которые я предлагалъ себѣ и которые, я, какъ мнѣ кажется, успѣлъ разрѣшить молитвой и наукой. Убѣжище, пристань, которой я искалъ посреди бурь, есть такая церковь, которая сохранила-бы неприкосновенными ученія евангельскія и апостольскія, — такая, которая не была-бы въ противорѣчіи съ жизненными потребностями общества, съ прогрессомъ и наукой,—церковь, которая не смѣшивала-бы мірскаго съ духовнымъ, которая не имѣла бы папы-короля и которая помнила-бы слова Христа: *царство Мое не отъ міра сего*. Такая церковь, которая не осуждала-бы своихъ служителей на безбрачіе, которая не продавала-бы индульгенцій для построенія храмовъ; такая церковь, которая не опиралась-бы на иноземные штыки, и не представляла-бы чудовищнаго противорѣчія первосвященника, подписывающаго смертный приговоръ, тотчасъ по совершеніи божественнаго таинства евхаристіи. Наконецъ, такая церковь, которая осталась-бы вѣрною единственному управленію, основанному Христомъ и Его апостолами, управленію синодальному, то-есть парламентарному.

«Богъ благословилъ мои усилія. Онъ благоволилъ указать мнѣ эту пристань, о которой умоляла Его милосердіе моя ветре-

военная и преисполненная скорби душа. Я нашелъ исти каѳолическую и апостольскую церковь. То—православная, вос ная церковь, отъ которой западная отпала, потому только, римскіе епископы захотѣли царствовать, господствовать. церковь сохранила неприкосновеннымъ святой кивотъ ев гельскихъ ученій. У нея нѣтъ папы-короля, ибо соверше ложно заявленіе нѣкоторыхъ, будто-бы русскіе императ суть папы православія. Государи эти не имѣютъ никак церковнаго характера. Въ Россіи, какъ въ Турціи, и повсю православная церковь состоитъ подъ сѵнодальнымъ упра ніемъ, основаннымъ апостолами. Церковь эта не насилуе человѣческой природы и не обрекаетъ своихъ служите на безбрачіе, но душамъ утомленнымъ и удрученнымъ о открываетъ убѣжище монастырской жизни. Православ церковь не только не противодѣйствуетъ потребностямъ челов чества, но является самою дѣятельною его покровительницей Она содѣйствовала единству и могуществу Россіи. Въ продо женіе четырехъ столѣтій, она предохраняетъ на востокѣ разли ныя національности, порабощенныя турками, отъ нравственной матеріальной порчи магометанства. Она-же, наперекоръ всѣмъ ин тригамъ и политическимъ соперничествамъ, обуревающимъ западъ есть точка соединенія для всѣхъ сихъ національностей.

«Таковы достоинства православной восточной церкви, ставш для меня очевидными, послѣ глубокаго изученія прошедша и безпристрастнаго анализа настоящаго.

«Когда я пріобрѣлъ эти убѣжденія, то колебаться мнѣ был уже невозможно. Я измѣнилъ-бы первому долгу христіанства, если-бы, ради интереса, или изъ опасенія, что чистота моихъ намѣреній можетъ быть заподозрѣна, остался коснѣть въ заблуж деніи. Я надѣюсь, что православная церковь удостоитъ при нять меня въ свои материнскія объятія. Съ сей-же минуты, я считаю себя свободнымъ отъ всѣхъ моихъ обязательствъ относи тельно римской церкви; но я полагаю, что изложеніемъ причинъ, побудившихъ меня обратиться къ православію, я исполняю священ ный долгъ къ человѣчеству и къ вамъ самимъ, святой отецъ. Не подумайте, чтобъ изложеніе моихъ вѣрованій означало не уваженіе къ вашей досточтимой особѣ. Я знаю и цѣню ваши добродѣтели. Изъ памяти моей никогда не изгладится ваш

тый и благоволительный образъ, какъ я видѣлъ его четыре а тому назадъ въ Римѣ. Знаю, что вы добры, благочестивы, вы желаете добра и творите зло безсознательно. Но истина етъ свои требованія, которыя превыше всехъ личныхъ соображній.

«Апостолъ Павелъ, великій обращенецъ дамасскій, сказалъ посланіи своемъ къ Галатамъ: *но аще и ангелъ съ небе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, аѳема да будетъ.*

«Я на захожу такъ далеко, какъ допускаетъ апостолъ Павелъ; е предаю васъ анаѳемѣ, но молю Бога, да обратитъ Онъ у истинно ангельскую душу къ евангельской истинѣ. Я молю о, да избавитъ Онъ васъ отъ бремени свѣтской власти, такъ ашно тяготѣющей на васъ, дабы вы могли сдѣлаться тѣмъ, ъ-бы должны пребывать всегда, то есть христіанскимъ пастыремъ, самомъ прекрасномъ и святомъ значеніи этого слова.

«Пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ, святѣйшій епископъ іскій, вашимъ покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою, *іерринг*ъ, американскій гражданинъ».

Бальтиморъ.
1-го января 1870 г.

(Москов. Вѣдом).

[ЕРЖАНІЕ 5-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“
ЗА 1870 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

Редакторъ-издатель **И. Эремичъ**.

Содержаніе 5-ой кн. „Вѣстника Запад
за 1870 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

Редакторъ-издатель **И.**